

СМОЛЕНСКАЯ ДЕРЕВНЯ В 1930-Е ГОДЫ

Справка: Деревня Гвоздевицы в составе Зарубинского сельского совета Касплянского района (1929–1932 гг.) Западной области; Руднянского района (1932–1938 гг.); С 1 января 1939 года сельсовет отнесен к воссозданному Касплянскому району. В сентябре 1937 года Западная область упразднена. Тогда же создана Смоленская область.

Экономическая политика советского правительства, проводимая как внутри страны, так и на мировой арене в течение 1920-х годов, перестала отвечать вызовам времени. Эволюционный путь развития промышленности и сельского хозяйства отодвигал в далекое будущее выравнивание потенциалов западных стран и СССР. Требовались решительные меры преодоления отставания. Выходом из создавшегося положения могло стать развитие форсированными темпами ведущих отраслей народного хозяйства. Курс на индустриализацию наметил прошедший с 18 декабря по 31 декабря 1925 года XIV съезд ВКП(б).

Официальной задачей преобразований объявлялось превращение СССР из преимущественно аграрного государства в ведущее индустриальное. Средств, а всего требовалось вложить в модернизацию не менее 45 миллиардов рублей золотом, на планируемые реформы правительство не имело. В ответ на отказ большевиков погашать внешние и внутренние долги Российской империи большой бизнес Запада перестал выдавать СССР кредиты.

Впрочем, и положительное решение данного вопроса с их стороны не решало бы проблемы. Слишком большие ресурсы требовалось задействовать. Опыт предоставления концессий иностранному бизнесу оказался неудачным. Продажа за рубеж культурных ценностей не оправдала надежд. Торговля пушниной, лесом, льном не могли дать достаточного количества валюты. Говорить об экспорте изделий промышленности ввиду их низкого качества и технологического несовершенства не представлялось возможным. Таким образом, одним из основных способов получения валюты для закупки западных технологий, производств и целых заводов, приглашения иностранных специалистов и должен был стать экспорт зерновых культур.

Что традиционно для России, только крестьяне могли дать необходимые ресурсы. При этом на передний план выходило не взаимно уважительное сотрудничество государства и деревни, а максимально жесткое изъятие продуктов крестьянского труда, с последующей их продажей за рубеж. Данное обстоятельство повлекло за собой такие изменения в сфере отношений государства и сельских жителей, что их последствия ощущались вплоть до развала СССР и падения социализма, наступивших в конце 1991 года.

Коллективизация сельского хозяйства стала переломным моментом истории Советского Союза. Став кульминацией политики коммунистической партии по массовому преобразованию общества, она разрушила деревенскую общину и на ее месте принудительно создала колхоз.

Будучи инструментом контроля над деревней, колхоз позволил государству взимать с крестьянства дань в виде хлеба и прочих продуктов, усиливая тем самым политическую и административную власть над жителями села. Коллективизация положила начало широкомасштабному наступлению на такие крестьянские институты, как двор, сход, община, мельница (место общения), рынок и даже церковь, а также традиционные праздники, обеспечивавшие самоорганизацию и социальную автономию крестьянства. В процессе указанных преобразований продолжилось закрытие церквей и проведение антирелигиозных кампаний.

Деревенскую элиту заставили умолкнуть, священников сажали в тюрьмы, представителей сельской интеллигенции, отказавшихся служить агентами государства, подвергали травле. На крестьян, преуспевающих, привыкших свободно высказывать свое мнение или просто добившихся успехов в хозяйствовании, навешивали ярлык «кулака», их арестовывали и депортировали. В результате, к концу 30-х годов партии большевиков удалось изменить общество и экономику настолько, что у нее появились веские доводы утверждать о построении в СССР основ социализма. Впоследствии сложившийся уклад жизни частью общественности был назван казарменным социализмом.

Наиболее активные действия по проведению коллективизации пришлось на январь – начало марта 1930 года, после выхода Постановления ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 года «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». В постановлении ставилась задача в основном завершить коллективизацию к концу пятилетки (1932), при этом в таких важных зерносеющих районах, как Нижняя и Средняя Волга и Северный Кавказ, – уже к осени 1930 или весной 1931 года.

Следовало ломать уже налаженный механизм хозяйствования времен НЭПа. Так и сделали – сломали. Все права собственности на строения, сооружения, все устойчивое землепользование, товарность дворов исчезли, как только началась коллективизация. Прекратились иски о разделе дворов, так как нечего стало делить. Земля отошла к колхозам, а лошади, коровы, телеги, сеялки, веялки, бороны, хомуты, вожжи и даже кнуты – все было отнято. Наступило сразу полное оскудение крестьянского двора, которому осталась одна телка, но и ту кормить было нечем. О том, чтобы построить новую хату, и мечтать было уже нельзя. Все рабочие руки семьи, как в будни, так и в праздники, были заняты на колхозной работе, так что некогда стало помыться в бане и постирать белье.

Земельные комиссии, разбиравшие споры о земле и о разделе имущества, куда-то исчезли так же, как вдруг исчез и сам Земельный кодекс со всеми крестьянскими правами. Исчезло и право собственности у крестьянина вообще. Личных гражданских прав также не осталось. Остались одни лишь обязанности по выполнению всех видов поставок своим двором и бездумная работа в составе коллектива.

Одновременно с началом коллективизации началось наступление на зажиточных жителей деревни, которые уже поняли, что новая политика несет им разорение. Встретившись с ожесточенным саботажем и враждебностью, правительство пошло на самые кардинальные меры. Определение данным мерам дал Иосиф Сталин – «ликвидация кулачества как класса».

ПОЛИТБЮРО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП (б)
ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 30 января 1930 года.

О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации.

Исходя из политики ликвидации кулачества как класса и в связи с этим из необходимости провести наиболее организованным путем начавшийся в районах сплошной коллективизации процесс ликвидации кулацких хозяйств, решительно подавить попытки контрреволюционного противодействия кулачества колхозному движению крестьянских масс, признавая срочность этих мероприятий в связи с приближающейся с.х. кампанией, ЦК постановляет: В районах сплошной коллективизации провести немедленно, а в остальных районах по мере действительного массового развертывания коллективизации следующие мероприятия.

1. Отменить в районах сплошной коллективизации в отношении индивидуальных крестьянских хозяйств действие законов об аренде земли и применении наемного труда в сельском хозяйстве (разд. 7 и 8 Общих начал землепользования и землеустройства). Исключения из этого правила в отношении середняцких хозяйств должны регулироваться райисполкомами под руководством и контролем окрисполкома.

2. Конфисковать у кулаков этих районов средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы.

3. В целях решительного подрыва влияния кулачества на отдельные прослойки бедняцко-середняцкого крестьянства и безусловного подавления всяких попыток контрреволюционного противодействия со стороны кулаков проводимым советской властью и колхозами мероприятиям, принять в отношении кулаков следующие меры:

а) первая категория – контрреволюционный кулацкий актив немедленно ликвидировать путем заключения в концлагеря, но останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессии;

б) вторую категорию должны составить остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые подлежат высылке в отдаленные местности Союза ССР и в пределах данного края в отдаленные районы края;

в) в третью категорию входят оставляемые в пределах района кулаки, которые подлежат расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках¹.

Противодействие проводимым мерам началось сразу же. Мужик в колхоз идти решительно не хотел. Он не понимал, как это так, у него отнимают его землю, домашний скот, сельскохозяйственный инвентарь, весь семенной материал, инструмент и обобществляют. И так поступают с каждым крестьянином. При всем этом пока по-доброму предлагают переселяться в деревню. Совсем недавно власть, если и не поощряла отселение на хутора, но и не препятствовала. Теперь предлагалось идти в неизвестность. Формы протеста избирались самые разнообразные. Например, довольно распространенной и достаточно безобидной формой протеста стали листовки. По фильмам мы помним, как революционеры-подпольщики ночью расклеивали воззвания рабочим о свержении самодержавия. В консервативной деревне подобные акции казались невозможными.

В тридцатые годы XX века стали возможны и они, хотя эффективность призывов, содержащихся в них, оказалась невысокой.

Выписка из оперативно-информационной сводки отдела уголовного розыска Западной области по Смоленскому округу за январь 1930 года: «18 января в с. Каспля, Каспьянского р-на Начальником РАО на телеграфном столбе было обнаружено объявление, призывающее не идти в колхозы и т.д. Причем означенное объявление было прибито отрезком проволоки. Принятыми мерами было установлено, что данное объявление было вывешено попом и кулаком упомянутого села С. и Я., у коих при обыске были обнаружены куски проволоки, сходные с проволокой обнаруженной на столбе. С. и Я. заключены под стражу. Материал дознания вместе с личностями направлен в ОГПУ З/О»².

Особенно широко использовались поджоги домов и хозяйственных построек деревенского актива. В одном из донесений отдела уголовного розыска находим, как расправлялись с имуществом активиста в близлежащем к нам селе. «В ночь на 4-е марта с/г. сгорел двор председателя Зарубинского с/с. Каспьянского района К. Установлено, что поджог произведен на классовой почве за участие К. в хозяйственно-политических кампаниях. По делу имеется задержанных 4 кулака по 58-8 ст. УК. Дело передано в нарсуд»³.

Переусердствовавший председатель сельсовета не являлся местным жителем, а был направлен в Зарубинки партийными органами из другой местности. После поджога дома из села уехал.

Поскольку партия сделала ставку на бедняков, то эта часть населения получила карт-бланш. Деревенский актив не страдал застенчивостью при изъятии имущества. Спущенные на места директивы по коллективизации претворялись в жизнь в соответствии с теми представлениями, какими ее видели те или иные местные чиновники.

Из ежедневных сводок ПП ОГПУ зимы 1930 года в связи с раскулачиванием и созданием колхозов:

«...при раскулачивании по-прежнему отмечается повышенная активность основных крестьянских прослоек деревни. В большинстве случаев инициатива раскулачивания происходит от бедноты и середняков, которые на своих собраниях выносят приговоры о выселении за пределы района кулаков и о передаче их имущества колхозам. В отдельных случаях беднота и середняки ходатайствуют о применении к особо злостным кулакам АСЭ (антисоветским элементам) высшей меры наказания...»

«...присутствовало 250 человек, бедноты и середняков, обсудив вопрос о выселении из пределов района кулаков, единогласно вынесли решение ходатайствовать перед РИ-Ком о выселении 18 кулаков, конфисковав их имущество и передав его в колхоз...»

«...заметно успешно двинулось дело коллективизации. Учетное и описанное имущество у кулаков население считает своим имуществом – имуществом трудового крестьянства и высказывается за передачу такого вновь организованным колхозам».

«Спасибо большевикам – теперь кулакам крышка: пришел конец кулацким издевательствам, их бесшабашной эксплуатации...»

«...по вопросу ликвидации кулака как класса собрание постановило: “Мы, бедняки, одобряем начатое дело колхозом и все вступаем в колхоз и просим высшие органы выселить 12 кулацких хозяйств, их имущество передав его в колхоз...»⁴

О том, что основная масса крестьян одобряла создание колхозов, верится слабо. Как мы увидим несколько позднее, если бы это было так, то не было бы массового уничтожения личного домашнего скота перед вступлением в колхоз.

Деревенский люмпен настолько озверел, что даже власть стала его придерживать. Из тех же сводок/

«...отдельные рабочие бригады и работники низового партийно-советского аппарата подводили под раскулачивание середняков, изымали у кулаков разные мелкие вещи, вплоть до горшков и ухватов, снимали с плеч теплое белье, срывали у детей с голов шапки и забирали их; производили дележку между собой изъятого имущества – забирая яйца, мед и здесь же на месте съедали, пьянствовали... бригада явилась в дом кулака, забрала ржавые ложки, сняла с мальчика шапку, сняла со стенки 2 английских булавки и все отправила в колхоз. Эта же бригада, зайдя в дом второго лишенца, сбивала замки на сундуках и дверях, так как хозяйки не было дома, и производила изъятие всего хлама. В одной из деревень бригада нашла несколько яиц, которые зажарили и съели на месте...»

«Уполномоченный от облисполкома производил раскулачивание, к выявленным 20 кулакам-индивидуалам добавил еще 28 человек и на собрании хвалился, как надо выявлять кулака...»

«...При дележе имущества изъятого у кулаков одному гражданину досталась кровать и диван, он лег на диван и говорил: “Поспал поп, теперь поспим мы”».

«...Во время изъятия имущества у кулака отобрали все, даже пытались отобрать у старика очки, продуктов было оставлено только на три дня... забрали все, даже из печки вынули горшок с кашей и кашей забросали иконы, а горшок и прочие приборы забрали с собой».

«...За два-три дня низовые партийно-общественные организации обложили некоторых крестьян даже бедняков освобожденных от налога и платящих налог по 5 рублей в индивидуальном порядке, лишили их права голоса и в это же время председатель колхоза, избач, оба члены ВКП(б) с председателем сельсовета взяли почти все имущество, опечатали все продовольствие пломбами, оставив им на один день продуктов. Взяли помимо скота одежду, белье, полотенца, обувь, посуду, цветы, скринки, гармошки, стаканы, вилки и разную мелочь, даже мороженое белье собрали с чердаков. При изъятии обращались грубо, с руганью и с оружием в руках, снимали у ребят с головы шапки и забирали их, снимали с ног валенки, забирали последние полушубки, кровати и т.д.»⁵.

Бесы пошли гулять по России. Господи, ну почему ты не вразумил эту темную и невежественную толпу! Как же они предполагали жить дальше? Творить такое, можно лишь лишившись разума.

Одновременно хочется выступить в качестве адвоката-защитника своих земляков. К моменту указанных социальных потрясений за плечами этих людей остались много столетий бесправия, унижений, насилия со стороны власть предержащих. Рабы не могут быть гуманными и человечными. Темнота и невежество, в которых они пребывали, будучи закабаленными, затем разруха, наступившая в годы Первой мировой войны, продолжавшаяся после революции, Гражданской войны, не могли не повлиять на их нравственность.

Справедливости ради нужно отметить и другое. Не всюду царил эйфория при грабежах себе подобных. Некоторые деревни отказались выполнять требования властей и уничтожить кулаков как класс. На сходах выносились приговоры не трогать трудолюбивых, и как следствие зажиточных и уважаемых в деревне крестьян, чем вызывали раздражение вышестоящих органов. В случае несанкционированных общиной выселений

отправляли ходоков с просьбой отменять подобные решения. Однако, таких было меньшинство. Так, руками бездельников, черни разнесли в пух и прах правых и виновных.

Характерный пример разорения крестьянских дворов описан очевидцем и приведен ниже. Письмо, направленное из редакции районной газеты «Руднянский колхозник» в Западный обком ВКП (б).

Уничтожают середняка

Раскулачивание, уничтожение кулака как класса не везде поняли, но везде понимают, используют к сведению личных счетов, к уничтожению середняка. Примером этому служит горький опыт раскулачивания в Руднянском районе Смоленского округа. 12 февраля. Морозная ночь. Идет спешная работа, формируется комиссия по раскулачиванию и уничтожению кулака. Кандидат ВКП (б) Ж. Ив., комсомольцы К. Н., Д. Ал., два беспартийных Ф. А. и П. В.

Две подводы, три винтовки, и комиссия направилась в ход. Объехав два-три кулака, сделав тщательные обыски, забрав ценности: деньги, облигации, самовары и т.д., комиссия направилась к середняку-инвалиду д. Загодино Максимцеву Никифору, имеющему 7 десятин земли, 8 едоков, 3 коровы, 1 лошадь, платящему 28 руб. 47 коп. с-х налога, не применявшему наемный труд.

Громко стучит калитка. Дребезжат окна. Все перепуганы. Согнав всех в угол, поставив у дверей караул, сделали тщательный обыск, перебрали все, все от ценностей до тряпочки, забрав 110 рублей денег, облигации и т.д. Инвалид Максимцев перепуган, начал удирать, «авторитетная комиссия» пустила в ход оружие, открыла стрельбу, при перестрелке чуть не убили Максимцева Н.

Нагрузив подводы ценностями, без всякой описи сгрузили в колхозе. Имущество разбазаривается, не ведется учета.

В Шеровичском сельсовете возмущение. Теперь, чтобы загладить эту ошибку политическую (и я считаю только политическую), среди верхушек руководителей колхоза есть мнения: обложить его индивидуально, а это подождать можно и ничего никакого изъяна не будет. Шеровичский сельсовет, молодой сельсовет, поставили в сторону, распоряжаются, раскулачивают без согласования с сельсоветом. Как ни странно, что руководит этими погромами кулаков (раскулачивание необходимо, но не формально), куда попадают и середняки член ВКП (б) Р.

Горький опыт, безобразный опыт, требующий общественного внимания, руднянский опыт нужно учесть всей советской общественности, партийным и советским органам, учиться... дабы не повторять таких грубых ошибок против уничтожения середняка.

Руднянские головоотяпы должны стать перед судом масс». п/о Рудня, колхоз «Вперед к социализму». Мих. Я. 14.02.30 г.⁶

Вообще-то в приличном обществе данная акция иначе как разбой (с применением огнестрельного оружия) квалифицирована быть не может. Если ставить вопрос шире, с точки зрения общечеловеческих ценностей, то раскулачивание – это вообще один большой бандитский налет государства на крестьянина. Но поскольку представители власти и просто активисты того времени зачастую не имели понятия о законах и общечеловеческих ценностях, то они жили просто по «понятиям». Но даже здесь деревенский актив ударил в колокол, не заглянув в святцы, хотя на данный момент «святцами» уже выработаны критерии определения кулацкого хозяйства. Это случилось еще в начале 1929 года. И был уже выработан ритуал заклания «кулака» и часто не только кулака (смотри

выше). И это не могло быть не известно коммунисту и комсомольцам, совершившим разбойное нападение в деревне Заготино.

Из вышеприведенного постановления Политбюро видим – правящая в государстве партия даже разбой старается ввести в определенные рамки. Вполне возможно – в деревне сводились личные счеты. Такое положение вещей было нормой. Имущество, «конфискованное» подобным образом, скорее всего, было разворовано теми же активистами, а негодный хлам перевезен на колхозный склад. Редакцией газеты письмо направлено в Западный обком партии. Каково решение по нему, не известно. В печати оно, вероятно, не появилось.

Почему автор столько внимания уделил вопросу ограбления середняка Максимцева Никифора? Во-первых, Руднянский район – наш соседний район. Во-вторых, вскоре Зарубинский сельский совет в связи с ликвидацией Касплянского района (1932) будет отнесен к Руднянскому району, и порядки, заведенные на данном территориально-административном образовании, распространятся и на наши деревни. Жертвами подобных раскулачиваний вскоре станут тысячи крестьянских семей на Смоленщине и чаще всего несправедливо – по произволу. Здесь имеется в виду трудовое крестьянство.

Руководство страны хорошо понимало, что раскулачить деревню – это полдела. Необходимо изолировать ее верхушку радикальным образом. Если оставить кулаков в той же местности, то через некоторое время все вернется к прежнему состоянию. Губернская власть первоначально пошла по пути выселения кулаков в пределах районов их постоянного проживания, но из затеи ничего не вышло. Однако, если переселить указанный контингент в места, где свою деятельность против существующего режима они проводить не смогут, то с остальной частью деревни, лишенной лидеров, власть справится сравнительно легко. Так и случилось.

Тройкой по раскулачиванию по состоянию на март 1930 года в Руднянском районе вынесено решение о выселении 372 хозяйств. В списке против 155 фамилий имеются отметки об утверждении к выселению, или о том, что люди уже выселены. Двое из списка арестованы, один – «на Соловках», 56 находятся в розыске⁷.

Сотни людей осуждены на различные сроки за противодействие вступлению в колхозы и сселению из хуторов в деревни.

Началась смертельная схватка, без правил, деревенского мужика и государства. Победило государство. Процедура выселений была сформирована в течениЕ короткого времени. Так, например, постановлением СНК РСФСР органам на местах предлагалось семьи II категории выселять мелкими партиями и в первую очередь глав семейств. После обустройства совершеннолетних мужчин доставлять к ним женщин, детей и других нетрудоспособных членов семей.

Автор не располагает сведениями, насколько придерживались на местах директив центра. Постановление бюро Запобкома ВКП (б) от 10 марта 1931 года «О выселении кулачества из пределов области» детализировало порядок высылки. Выселяемым разрешалось взять с собой продовольствие из расчета на два месяца, что составляло примерно 16 кг муки на человека. Также разрешалось взять с собой необходимые предметы домашнего обихода: одежду, инвентарь (топоры, пилы, лопаты, другой плотницкий инструмент общим весом не более 25–30 пудов на хозяйство). Каждая семья могла иметь не более 500 рублей наличных денег. Общий период вывоза кулацких семей из области определялся фактически в один месяц – с 26 марта по 30 апреля. Выселяли в отдаленный районы страны: в Сибирь, на Урал. Какова их дальнейшая судьба?⁸

По роду своей службы уже в начале 1980-х годов автору настоящих строк приходилось встречаться с ближайшими потомками кулаков, выселенных в начале 1930-х годов в районы среднего течения Оби, что в Западной Сибири.

А дело в их случае было так. Поздней осенью, когда наступило время ледостава, репрессированных семьями из Тюмени, где находился перевалочный пункт, везли на открытых баржах к месту будущего проживания. Еще в пути, а это не один месяц транспортировки, где на телегах, где по железной дороге в товарных вагонах и до погрузки на баржи, часть людей погибла. И вот, караван судов отправился по уже замерзающей реке и в предусмотренных властями местах баржи приставали к берегу, высаживая определенное количество семей. Из полезного для жизнедеятельности инвентаря на каждую семью выдали топор и пилу. Ссылно-переселенцы до наступления зимы избы для проживания построить не успели. Соорудили землянки, а это район, приравненный к районам Крайнего Севера. Продуктами питания переселенцев власти также не обеспечили (взятые в дорогу, вероятно, были уже израсходованы), поскольку навигация закончилась да и желания делать это, по всей видимости, не было. Предполагалось, что контрреволюционеры сами обеспечат себя продовольствием путем ловли рыбы в Оби.

Итак, к весне некоторые из зимовщиков остались в живых. По прошествии времени в указанных местах возникли поселения, а на их основе рыболовецкие колхозы. Спустя много лет люди обустроились, возвели крепкие дома, посредством трудолюбия снова стали зажиточными, а во время войны с Германией 1941–1945 годов давали фронту не только рыбную продукцию, но и бойцов Красной Армии. Из выживших и закаленных невзгодами подростков, детей «врагов народа», прибывших сюда много лет назад, фронт получил работяг войны и доблестных защитников своей Родины. Вот только, что у них было на душе все эти годы, выяснить не удалось.

Жизнь деревни была такова, что крестьянин всегда жил на принципах самообеспечения. Сам сеял, сам жал, молот муку на жерновах или мельнице, сам тербил лен, прял волокно, ткал на станке полотно, шил одежду, прибегая к помощи других людей, лишь тогда когда не мог управиться трудом своей семьи. Тем самым, волей-неволей рисковал нарушить какой-либо параграф установлений власти со всеми вытекающими отсюда последствиями. И вообще в течении своей жизни крестьянин мог быть бедным, затем середняком и, наконец, зажиточным. Пока дети находились в малолетнем возрасте, а их бывало по пять-шесть и больше, мужик едва сводил концы с концами. Дети подрастали, помогали отцу – в семье появлялся достаток. Больше подрастали, семья могла стать зажиточной. Наконец, дети женились, выходили замуж, отделялись – мужик, не имея лишних рабочих рук, опять впадал в бедность.

И вообще – кто такие кулаки по своей сути? Это не только мироеды, новые помещики, пьющие кровь крестьян, как их определяла пропаганда. Таких тоже было достаточно. Но для власти все это не имело ровным счетом никакого значения. Кулаки – верхушка деревни. Это те, кто своим умелым ведением хозяйства и трудолюбием, а кто действительно кабалой бедняков, создавая тем самым зависимость от них, имел вес и авторитет на селе. К ним прислушивались, за ними шли. Они не угодны правителям при любых обстоятельствах и в любые времена, так как являлись параллельной ветвью по отношению к официальной власти. С ними нужно работать, как сейчас бы сказали, правовыми методами, убеждать. Когда перед правительством возникла задача выполнить ускоренными методами индустриализацию страны, то кулаки встали костью в горле. Им не до

патриотизма – им подай их интерес – прибыль. Времени на разговоры с данной категорией селян не было. Более приемлемым методом оказался язык силы. Раскулачивать мужиков и ссылать семьи в Сибирь, за Урал и на Север оказалось более привычным делом по тем временам. Таким образом, деревня лишалась лидеров и более или менее покорно, видя пример устрашения, пошла в колхозы, где стала бесплатно работать.

Имеются разные точки зрения на проблему коллективизации и целесообразность ее проведения. В том числе: *«Поставим себя на место руководителей СССР примерно в 27 году, критическом году “выбора пути”, когда стало ясно, что НЭП, давший временную передышку, никуда не приведет. Мелкий хозяин, естественно, построит множество трактиров, ресторанов и парикмахерских, но в принципе не способен построить главное на тот момент – современной индустрии. Без нее Советская Россия была обречена. Сроки были тоже ясны – примерно 15 лет. Почему? Это было время, необходимое западным хищникам, чтобы прийти в себя после Первой Мировой, создать в необходимом количестве оружие нового поколения – танки и авиацию – и подготовить свои армии владеть новым оружием. После этого дни России будут сочтены. Болезнь была хронической и чрезвычайно запущенной – технологическое отставание России от Запада все нарастало, что стало очевидным еще с проигранной Крымской кампании. Царизм к концу своего существования доруководился страной до такой степени, что на фронте катастрофически не хватало винтовок и снарядов, о танках и современной авиации (в массовом масштабе) даже смешно было говорить. Западные хищники и их восточный союзник – Япония (кстати, победитель Царской России) – уже предвкушали, как танки и самолеты выкосят обутих в обмотки, вооруженных трехлинейками отважных, но беспомощных против техники русских солдат»⁹.*

Попасть в списки кулаков, составлявшихся на местах, мог практически любой крестьянин. Масштабы сопротивления коллективизации стали такими, что захватили далеко не только кулаков, но и многих середняков, противившихся коллективизации. Идеологической особенностью этого периода стало широкое применение термина «подкулачник», что позволяло репрессировать вообще любую крестьянскую семью, вплоть до батраков. Подкулачниками обычно называли так называемых «твердосдатчиков».

В народные суды густо пошли дела об истреблении крестьянами своего домашнего скота. Мясо на рынках резко упало в цене. Мужики начали элементарно пропивать своих домашних животных, чтобы не сдавать их в колхоз. Законодатель, принимая уголовный кодекс в 1926 году, не оказался столь прозорлив, чтобы предвидеть такой состав преступления, как массовый забой скота, принадлежащего мужикам, и, соответственно, установить за это уголовную ответственность, но суды на местах это не смутило. Привлекались виновные (невиновные) по аналогии закона, по статье 79 УК РСФСР.

Ст. 79 УК. Умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего государственным учреждениям или предприятиям, а также общественным (кооперативным, профессиональным и т.п.) организациям, в том числе электропроводов, средств связи и т.п., – лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года.

Те же действия, если установлено неоднократное их совершение или если в результате их последовала приостановка или перерыв производства, или причинен другой тяжелый ущерб государству, – лишение свободы со строгой изоляцией на срок до пяти лет с конфискацией имущества или без таковой¹⁰.

Имущество, то есть домашние животные еще не были ни государственным, ни колхозным, а являлись личной собственностью.

Согласно информационным сводкам Западного областного суда, в первой половине 1930 года дела данной категории составляли до 40 % от общего количества рассмотренных дел. И вот за то, что вырастил собственными руками и распорядился плодами своих трудов мужик отправлялся на нары. Статистика по убою скота такова: с марта 1929 года по март 1930 года число лошадей упало на 10,8 %, крупного рогатого скота – 46,9 %, овец – на 23,9 %.

«Лучше поздно, чем никогда», – подумала власть и 1 ноября 1930 года в помощь органам на местах специальным Постановлением ЦИК и СНК СССР запретила убой домашнего скота, как членам колхозов, так и крестьянам-единоличникам. Теперь в тюрьму сроком до двух лет с последующим выселением в другую местность или без такового стали отправлять согласно закону. Власть грозила всяческими карами и своим низостоящим структурам, если они занимали примиренческую позицию. А как не занимать такую позицию, если по деревенским тысячелетним понятиям крестьянин своими руками тяжелым трудом вырастивший скотину да не может забить ее на мясо или в живом виде продать на рынке. Он ведь с этого живет. Пускались в ход самогон или другие подношения, чтобы сельсовет или председатель колхоза, где уже колхоз образован, дали справку что корова, скажем, пала от болезни или от того, что объелась клевера.

В одном из писем Генриха Ягоды Иосифу Сталину с приложением сводки ОГПУ за март 1930 года указывается, что в деревне Соки Заходского сельсовета Демидовского района в одну ночь при помощи председателя сельсовета бедняка, кулаки сумели распродать скот, хлеб и скрыться⁴¹.

Бывало и так. Руководители сельских советов чаще всего являлись выходцами из крестьян той же местности, которые понимали нужды и чаяния населения на подведомственной территории, в силу чего им также была чужда идея коллективизации.

Учитывая массовое сопротивление крестьянства, партийному и государственному руководству пришлось несколько отступить, и 2 марта 1930 в советской печати было опубликовано письмо Сталина «Головокружение от успехов», в котором вина за «перегибы» при проведении коллективизации была возложена на местных руководителей. В своей статье Сталин допускал содержание личного домашнего скота колхозниками. Еще через месяц на места была направлена правительственная директива о смягчении курса в связи с угрозой «широкой волны повстанческих крестьянских выступлений» и уничтожения «половины низовых работников».

Сопротивление крестьянства, однако, привело лишь к некоторому сдерживанию темпов коллективизации, которая была завершена в последующие несколько лет, после того, как силами ОГПУ удалось подавить антисоветские выступления, нейтрализовать и ликвидировать их организаторов и наиболее активных участников. Усмирению крестьянства способствовала и массовая высылка кулаков и членов их семей в лагеря и трудовые поселения в Сибири и на Севере.

Многим из крестьян статья «Головокружение от успехов» давала зеленый свет, позволяя выйти из колхоза. В следующие несколько недель буквально миллионы крестьян сняли свои подписи из списков членов колхоза: за одну ночь деревни, на бумаге «коллективизированные на 90 %», снова становились обычными деревнями, хотя и потерявшими значительное количество тяглого и прочего скота. По стране доля крестьянских

хозяйств, зарегистрированных как коллективизированные, сократилась с 57 % в марте до 28 % два месяца спустя; в Центрально-Черноземной области с 83 % до 18 %.

Интересная юридическая практика наблюдалась на местах в период начала коллективизации. Например, в Демидовском нарсуде в марте 1930 года по ст. 74 УК осудили десять человек бедняков и середняков за хулиганские действия. Хулиганство выразилось в том, что на общем собрании данные лица, в основном женщины, устроив гвалт, проголосовали против вступления в колхоз. Вышестоящая судебная инстанция отменила приговор, предложив поискать зачинщиков среди чуждых элементов, а то неудобно как-то получилось, ведь должна же просматриваться рука классового врага. Поскольку задачей ставился поиск подстрекателя, то в подстрекатели назначили бывшего жандарма, волею случая оказавшегося среди участников собрания. Теперь суд уже на полном основании осудил за хулиганство старорежимного блюстителя законности¹².

Думается, здесь все же имелась недоработка органов право(криво) порядка. Всех бывших: как-то дворян, жандармов, чиновников старых времен за подобные действия уже судили по знаменитой 58-й статье. Мера наказания по ней редко когда будет значаться ниже десяти лет лишения свободы. Впрочем, еще не пришло время расцвета данной нормы. Ее время наступит несколько позже.

Необходимо также отметить, что и представители новой власти не были застрахованы от ответственности. Не с небес же они спустились на землю. Процветало взяточничество, пьянство с кулачеством, подлоги, воровство казенных средств. На нары попадали председатели сельсоветов, должностные лица волисполкомов. На ответственных должностях зачастую оказывались деятели старого режима. Их с особым удовольствием привлекали к суду.

Первейшую проблему представляло возвращение крестьянам скота, если он был отобран колхозом. Конфискованное имущество чаще всего вернуть было практически невозможно. В некоторых случаях обобщественные животные пали от небрежного ухода или были проданы; в других – колхоз или лицо, в распоряжении которого они находились, не желали их отдавать. Как откровенно высказался на местной партийной конференции один районный партийный руководитель: «Мы признаем, что допустили перегибы, мы говорим голословно, что признаем ошибки, но факт остается фактом, что у мужика, который имел жеребенка и лошадь, мы этого жеребенка продали». Кроме того, много скота забили сами крестьяне в знак протеста против коллективизации, а крестьянин без лошади или коровы не мог выжить как хозяин-единоличник.

Второй проблемой для крестьянина, вступившего в колхоз и решившего из него выйти, являлось получение обратно земли. Община в результате коллективизации развалилась и больше не могла решать вопросы распределения наделов. Теперь определять, какая часть деревенских земель должна составлять наделы крестьян, было делом местного сельсовета или самого колхоза – властные полномочия этих двух организаций и их взаимоотношения между собой еще не определились с достаточной ясностью. Разумеется, колхоз был заинтересован в том, чтобы сохранить за собой лучшие земли. Крестьянин, выходящий из колхоза, не мог просто потребовать обратно полоски или участок, которые он обрабатывал раньше. Он получал новый надел, как правило, хуже старого, и зачастую с такими проволочками, что практически покинуть колхоз до весеннего сева в 1930 году оказывалось невозможным. Нередко колхоз лишал крестьян доступа к пастбищам и воде.

Для упрощения выхода из колхоза крестьяне иногда проводили самоликвидацию сельхозартели сообща. При этом самовольно разбирали обратно весь обобщественный скот и инвентарь по домам. В одной из сводок представительства ОГПУ по Западной области отмечалось, что с 16 на 17 июля 1932 года в Руднянском районе развалилось еще 4 колхоза. А также: «За 18 и 19 июля по 4 колхозам полностью возвращено разобранное имущество, однако колхозники к работе не приступают. Женщины ежедневно собираются толпами, уходят за деревни в кустарники и устраивают нелегальные собрания по поводу невозвращения в колхозы. При возвращении имущества в колхоз колхозники заявляют: “Имущество можете брать, но в колхоз мы все равно не пойдём”»¹³.

Всего по району на 17 июля числилось ликвидированными 15 колхозов с общим количеством 420 дворов. Отмечалось, что приехавшую для проведения разъяснительной работы группу представителей района встретила толпа женщин примерно в количестве 100 человек и мужчин в количестве 150 человек. Все были вооружены косами и кольями. Из толпы раздавались возгласы: «Нас агитировать не надо, колхозы нам не нужны, мы в них больше не пойдём!»¹⁴

Само собой разумеется, органам власти пришлось арестовать 5 кулаков, которых тут же различили наметанным глазом среди собравшейся толпы. Вероятно, зачинщиков отравили строить Беломоро-Балтийский канал. Там они стали называться не кулаками, а каналоармейцами. И с лозунгом: «От жаркой работы растает твой срок» через несколько лет, по всей видимости, они перековались обратно в добропорядочных колхозников.

Из другой сводки. 29 июля 1932 года Руднянский район. «18 июля во время ареста кулаков-инициаторов развала колхоза “Мирная жизнь” Леоновского с/с – на представителей райорганизаций напала толпа мужчин и женщин в количестве 50 человек, вооруженных косами и граблями, которые освободили арестованных и нанесли побои представителям района. Кроме того, толпа повесила на грабли красную кофту и с криками: “Долой советскую власть, бей коммунистов!” гналась за районными работниками около 3 км. Один из преследующих во время погони в группу районных работников бросил камень, которым пробил голову председателю Леоновского с/с. Последний в бессознательном состоянии доставлен в больницу. На место выехали работники райотделения милиции и бригады РК и РИКа. Арестованы 7 кулаков, одновременно аресты производятся и по др[угим] пораженным сельсоветам»¹⁵.

Всего же массовых протестных выступлений крестьян за 1930 год органами ОГПУ по Западной области зафиксировано 438. Актв террора за тот же период – 679, из них 53 убийства.

Акты протеста против вступления в колхоз и выселений в отношении представителей власти – это одна сторона вопроса. Другая – сведение счетов с жизнью самих раскулаченных и выслаемых. Впрочем, это тоже акты протеста. Не все жители деревень смогли терпеть связанные с акцией правительства унижения, тем более, если чувствовали себя несправедливо обиженными. Людей с корнем вырывали из мест, предки которых проживали в этих местах всегда. По области прокатилась волна самоубийств выслаемых в необжитые местности. В статистику же данный показатель власть не включала. Слишком не выигрышный это момент в ее политике. В сводках ОГПУ подобные эпизоды освещались скупо.

Вскоре стало ясно, что государство вовсе не желает отпускать крестьян из колхозов, несмотря на «Головокружение от успехов», и что провозглашенный принцип доброволь-

ности есть чистое надувательство. Совершая в конце марта инспекционную поездку по южным зернопроизводящим областям, Молотов сказал в Северо-Кавказском крайкоме, что лучше всего не давать крестьянам уходить из колхозов, пока не закончен весенний сев. Конечно, это противоречит подтвержденному Центральным Комитетом принципу добровольности, признал он, но тактика партии заключается в том, чтобы «сманеврировать» – укрепить колхоз и, прежде всего, упрочить его положение нового «хозяина» в деревне, засеяв как можно большую площадь деревенских земель.

Продолжавшиеся экспроприации, аресты и высылка кулаков также показывали истинные намерения режима. Сталинские рассуждения о «перегибах» в марте никак не касались раскулачивания. Несколько месяцев спустя он заметил, что раскулачивать середняков неправильно, однако по отношению к кулакам его позиция осталась неизменной: «Терпеть дальше этих пауков и кровопийц незачем», – сказал он колхозникам 25 апреля.

Весной 1931 г. по всей стране прошел второй этап раскулачивания, он оказался даже более мощным, чем в прошлом году. Из постановления Западного обкома партии о проведении раскулачивания видно, что власть извлекла урок из предыдущих ошибок, когда к моменту изъятия имущества у кулаков часто оно было уже распродано или спрятано, а сами владельцы съехали в неизвестном направлении. С учетом наработанной практики стали проводить внезапные экспроприации и депортации одновременно по всему региону.

Деревни нечерноземной полосы, где сельское хозяйство было менее распространено, до сих пор часто вообще избегали раскулачивания (наверное, потому, что там и не было настоящих кулаков). Теперь и до них дошла очередь, а зернопроизводящие районы, принявшие на себя удар в первый раз, пострадали вторично. Эти меры принесли желаемый эффект. В весенней посевной 1930 года лишь 26 % крестьянских хозяйств участвовали в качестве членов колхозов, и в течение года это число повысилось незначительно. Зато с января по март 1931 года – когда прошла вторая волна раскулачивания – цифра резко подскочила с 30 % до 42 %. К концу посевной 1931 года в Советском Союзе оказались коллективизированы более половины всех крестьянских хозяйств, и более 60 % – после уборки.

Из речи Иосифа Сталина.

О задачах хозяйственников

Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности

4 февраля 1931 года

«...Иногда спрашивают, нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочим классом всего мира.

Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за от-

сталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: "Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь". Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: "ты обильная" – стало быть, можно на твой счет пожить. Они били и приговаривали: "ты убогая, бессильная" – стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уже закон эксплуататоров – бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб – значит ты не прав, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч – значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться. Вот почему нельзя нам больше отставать. В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, – у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно утеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет. Вот почему Ленин говорил накануне Октября: "Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны".

Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут..."

«Правда» № 35, 5 февраля 1931 года

Правильные слова произнес Иосиф Виссарионович Сталин в отношении индустриализации страны. Вот только стоило ли платить такую человеческую цену за эфемерную мощь. Где оказалась наша индустриальная и военная сила в 1941 году, когда гитлеровцы в течение 4-5 месяцев дошли до Москвы? И кто воскресит миллионы мужиков русской деревни как экономический потенциал и продолжателей рода человеческого – погибших в годы коллективизации. К сожалению, не нарожают больше русские бабы таких трудяг, как рожали тогда.

Коллективизация проводилась в основном принудительно-административными методами. Чрезмерно централизованное управление и в то же время преимущественно низкий квалификационный уровень управленцев на местах, уравниловка, гонка за «перевыполнением планов» негативно отразились на колхозной системе в целом. Несмотря на отличный урожай 1930 года, ряд колхозов к весне следующего года остался без посевного материала, в то время как осенью часть зерновых не была убрана до конца. Низкие нормы оплаты труда на колхозных товарных фермах (КТФ), на фоне общей неготовности колхозов к ведению крупного товарного животноводства (отсутствие необходимых помещений под фермы, запаса кормов, нормативных документов и квалифицированных кадров (ветеринары, животноводы и т. д.)) привели к массовой гибели скота. Тем временем пропаганда показывала благостную картину продолжения коллективизации.

15 мая 1931 года газета «Вперед к социализму», орган Каспьянского райкома ВКП(б) отмечала: "...что в ряде сельсоветов района благодаря организации выезда в поле колхозов за декаду в колхозы вступило 644 единоличника. Своевременно выехали на пахоту 177 колхозов с количеством в них 4 071 хозяйств. Массовый прилив единоличников в колхозы и оформление их происходит на полях пахоты. В Лоинской и Каспьянской с/х артели за 1 день принято 25 хозяйств... За время весенне-посевной кампании по Толкуновскому сельсовету организовано и закреплено 11 колхозов. Сей-

час эти колхозы организованным порядком выехали в поле и приступили к севу льна и конопли»¹⁶.

Единоличники (долгое время большое количество крестьян, не поддаваясь на шантаж и запугивание продолжали оставаться вне колхоза) в соответствии с Постановлением ЦИК СНК СССР от 13 ноября 1930 года не допускались в потребительскую кооперацию, не имели избирательных прав, то есть были лишенцами. Они платили более высокие налоги и в первую очередь привлекались к трудовым повинностям: работам по строительству и ремонту дорог, заготовке, сплаве, вывозке леса и другим. Их обязывали работать на собственных лошадях и питаться за свой счет.

Очередная атака на церковь. Пояснением к директиве СНК от 23 октября 1930 года руководителям на местах предписано в очередной раз обратить свое внимание на церкви: *«Изъятие излишков колоколов необходимо осуществить по возможности быстрее (так как мы решили их использовать в первую очередь для чеканки мелкой разменной монеты, которая до сих пор чеканилась из импортной меди), не придавая этому политического значения и излишней огласки»*¹⁸.

В наших краях не стали мелочиться и снимать только колокола. Постановлением Президиума исполнительного комитета Западной области за № 2583 от 5 декабря 1930 года по ходатайству Ярцевского окрисполкома была закрыта Никольская церковь села Иньково. Здание бывшего храма передано Касплянскому РИКу для использования под культурно-просветительные цели. Таким образом, и денег у государства прибавилось, и народ стал культурнее¹⁹.

Церковнослужителей Зарубинской церкви объявили кулаками, затем пограбили их хозяйства вместе с культовым сооружением. Лишь в марте 1934 года специальным циркуляром председатель ЦИК Михаил Иванович Калинин обязал местные органы власти считать священнослужителей единоличниками, если хозяйства последних не подпадали под признаки кулацких²⁰.

Это значило, что помимо пастырской службы, священники должны были наравне с хуторскими крестьянами работать на отведенных им участках, сеять жать, убирать урожай зерновых и овощных культур, выращивать скот на мясо, сдавать продукт государству, а также нести разного рода повинности, платить денежные налоги.

Все эти меры властей преследовали цель не только распространить в деревне атеизм, заменив веру в Бога верой в постулаты новой коммунистической религии, но и отменить выработанные многосотлетней практикой культурные ценности. Церковь являлась частью крестьянской общины, символизировавшей историю деревни, ее традиции и обычаи, позволявшей сохранять за селом ее социальное пространство. Жизнь земледельца начиналась в церкви, когда будучи младенцем, его крестил священник, акт женитьбы закреплял священник, давала напутствие в вечную жизнь также церковь. Особую значимость имел церковный колокол. Данный символ был не только формальным атрибутом храма, но и нес в себе более глубокий смысл. Колокол являлся воплощением сплоченности села, его гордостью, в случае происшествий набат собирал крестьян, играя мобилизующую роль. Таким образом, в глазах новой власти он представлялся направленным против нее политическим инструментом.

Религиозность деревни, образ жизни крестьян, сами по себе до слепого отвращения были неприемлемы верховным представителям советской власти. В данных элементах сельской культуры виделось скрытое сопротивление политике большевиков и как врага

эту религиозность следовало уничтожить. Давая общие установки по воздействию на сознание массы жителей деревни, власть ничего не имела против учета местных особенностей при проведении задаваемых на места акций. Таким образом, руководители на местах имели возможность творчески подходить к перевоспитанию отсталых слоев населения. Зафиксированный в сводках случай, о котором хочется упомянуть, имел место не на территории Каспьянского района, но в свете общей тенденции, когда у светских властей были развязаны руки, вполне мог иметь место и здесь.

Работники Щелковского сельсовета Юхновского района Сухиничского округа, организовав собрание жителей, выставили в ряд иконы, написав на каждой из них, что изображаемые на них святые «за сопротивление колхозному строительству приговариваются к смертной казни», после чего образа расстреляли²¹.

Переселение крестьян из хуторов в деревни. И снова о комсомоле. Пионеры – резерв комсомола. Несмотря на все строгости власти, многие крестьяне здешних мест в 1930–1932 годах еще не сдались, продолжали вести хуторское хозяйство. А если записывались под давлением или под влиянием уговоров в колхоз, то не спешили съезжать с хуторов. Однако в 1931–1932 годах большинству из них пришлось все-таки перевозить свои избы в деревню. Власти нашли оригинальное решение большого вопроса. На первый раз сельсовет выносил предписание: «Переезжай, Иван-Демьян, в деревню!» Иван-Демьян, естественно, тянул с переездом. Тогда местные боевики-комсомольцы из состава «легкой кавалерии», худого слова не говоря, подъезжали к дому непокорного, разбирали крышу и трубу избы и уезжали. Все это в глазах авангарда молодежи выглядело как боевая операция – интересно. А дело к осени. Иван-Демьян разбирал остатки избы и перевозил ее в деревню. Вот почему в наших Гвоздевицах, согласно данным подворных книг, дома большей частью построены в начале 1930-х годов. Белорусы вообще спокойные люди. Никто не взялся за ружья и винтовки и не защитил свои дома от разорения. В который уже раз проглотили насилие власть предержащих. Нет тут сгущения красок. Таким путем переселяли семью моей бабушки и матери, а также семью деда и отца. И спасибо, что не в Сибирь или на Север.

Еще о деятельности комсомола в деревне. XVIII съезд партии в своей резолюции специально уделил внимание работе комсомольских организаций на местах. Предоставил им право и одновременно возложил обязанности по переустройству деревни. Ну, вот представим себе такую ситуацию: в один из зимних дней на правление колхоза «Красное Знамя», которое находилось в селе Зарубинки, делает налет группа молодых людей и хорошо, что невооруженных. Оказывается, это «летучий отряд легкой кавалерии». И прибыли комсомольцы с целью проконтролировать, как идет подготовка к весеннему севу. И у них есть полномочия, предоставленные партийными директивами. И вот эта «конница»: семнадцати–восемнадцатилетние юноши и девушки проверяли правильность сортировки и степень сохранности семян, готовность плугов и борон к весеннему севу, ветеринарное состояние лошадей, коров, вывозку удобрений на поля. Куражились. Но это только полдела. Районные власти все равно недовольны их действиями. Недорослям терпеливо втолковывали, что они должны не только активировать выявленные недостатки, но и ставить перед руководством колхозов задачи устранять их. Чем не хунвейбины. Мао Цзэдун отдыхает. Вождь китайского народа, оказывается, был лишь жалким плагиатором, когда организовывал свою молодежь для проведения культурной революции. Правда, у нас дело казни ревизионистов, вредителей и саботажников отда-

ли совсем в другие руки. Можно с иронией отнестись к данному явлению, если бы все не было так серьезно.

Организация групп «легкой кавалерии» на Смоленщине совпала с моментом ликвидации последствий «Смоленского нарыва» в 1928 году и развертыванием самокритики. Призыв одного из вождей большевиков Николая Бухарина с трибуны VIII съезда ВКП(б) о создании структур в помощь рабоче-крестьянской инспекции был живо подхвачен активной частью комсомолии.

Бухарин так представлял работу «легкой кавалерии»: «Специальные группы комсомольцев должны ходить по магазинам, учреждениям, базарам, лавкам, комиссариатам и пр. Они приходят не в качестве казенных контролеров, не с мандатом, не с талоном и не с официальным требованием; они приходят либо просто как покупатели, либо как жалобщики, как просители, словом, как обыкновенные смертные наряду со всеми прочими. Таким образом, они получают материал, ведут учет того, что они получили при этих обследованиях. Эта кавалерия нужна потому, что только так, только ревизуя неофициально, можно действительно выкопать бюрократического противника, можно влезть в самое сердце злоупотреблений, можно действительно настоящие безобразия вскрыть, можно застать врага на месте преступления, а не тогда, когда он подчистится, заметет песочком все следы и жалобщика еще выставит, как бузотера, а самого себя – в честном виде»²². (из стенограмм VIII съезда ВЛКСМ) Бухарин Н.И. Путь к социализму. Избранные произведения. М., 1990. С. 295.)

Вышестоящими органами на первоначальном этапе специальные циркуляры при их организации не издавались, они возникли как бы по инициативе самих комсомольцев. Правда, в городе Смоленске в момент зарождения «легкой кавалерии» редакция газеты «Юный товарищ» организовала группу в ячейке ГУБОНУ, при этом дала ей практические рекомендации и широко осветила в своем издании опыт организации и работы данной группы. Период становления, как водится, сопровождался недоразумениями и заморочками, вытекающими из отсутствия организационного опыта. Например, комсомольцы города Ярцево во время одной из встреч с представителем редакции газеты заявили претензии о том, что им не дают коней. Ну, и, правда, что это за кавалерия без лошадей.

Забавный случай, произошедший в 1933 году и описанный в газете «Руднянский колхозник»: *«Отряд “легкой кавалерии” проверял сторожей. Сторож складов колхоза “Октябрьские всходы” Морозовского с/с спал на крылечке амбара. У него сняли шапку и стали разувать. Только после того, как его наполовину разули, он проснулся»*²³.

Было и такое, когда один из волкомов Бельского уезда организовал группу с соблюдением всех правил конспирации да так, что о ней не знали даже сами комсомольцы, за исключением приглашенных участвовать в ней. Эта группа секретно производила свои налеты, секретно же передавала материал в РКИ. Все вышеизложенные казусы и заблуждения не были единичными.

Даже спустя много лет в ряде деревенских ячеек, «кавалеристов»-комсомольцев путали с кавалерией Красной Армии, а акции, проводимые ими, крестьяне считали актами устрашения деревни властями с подключением к их проведению кавалерии РККА. Руководители государства, увидев в комсомольском движении пользу для себя, впоследствии издали ряд директив которыми ввело его в определенные рамки²⁴.

В июне 1928 года Сталин в своей статье «Против опошления лозунга самокритики» двусмысленно написал: «Для самокритики нужны все роды оружия, в том числе и "лег-

кая кавалерия". Но разве из этого следует, что "легкая кавалерия" должна стать "легкомысленной кавалерией"?»²⁵

Встреченное областными руководителями комсомола настороженно, данное заявление вождя подвигло их сделать деятельность «кавалеристов» максимально эффективной. К примеру, на станции Смоленск комсомольцами проведено 32 проверки, в результате которых за нарушение железнодорожных правил было задержано 737 человек. Из них 323 оштрафованы на сумму 1129 руб. и на 414 человек составлены акты, общая сумма штрафов по которым достигла 6326 рублей. Известны факты, когда комсомольцы вовремя замечали лопнувшие рельсы и этим предупреждали крушение поездов²⁶.

Постановление ЦК ВЛКСМ от 5 июля 1934 года «О легкой кавалерии» придало новый импульс в заданном направлении. Комсомол в СССР, как подручный партии, начал контролировать все сферы жизни страны, начиная от вывоза навоза на поля и кончая творческим процессом писателей.

Комсомольские газеты тех лет призывали молодежь к решительным мерам. Их заголовки буквально кричали: «Нам нужны Чапаевы земледелия, нам нужны Буденные полей», «Совхоз – окоп, колхоз – борьба, коммуна – победа».

Милитаристская риторика способствовала тому, что молодежь воспринимала реконструкцию деревни как своего рода военный поход. Радикальные лозунги легко усваивались хулиганствующим элементом деревни.

Автор настоящих строк помнит эпизод, как уже в середине 1950-х годов местные комсомольцы посредством «легкой кавалерии» предприняли попытку проверить работу правления колхоза «Красное Знамя», которое располагалось в селе Зарубинки. Помню, взрослые отнеслись к этому без иронии, но с недоумением. Вероятно, указанная «кавалерийская атака» была одной из последних в силовых действиях авангарда молодежи. По всей видимости, райком комсомола, не сам конечно, а с подачи райкома КПСС, прозондировал почву в русле лихих 20-х и пришел к выводу, что в старые меха наливать новое вино не следует. Больше местная комсомолия не покушалась на авторитет членов правления колхоза.

Отметились комсомольцы в нашей местности и при разгроме церкви села Зарубинки в 1939 году. Вплоть до 50-х годов возмущенные селяне обсуждали данное безобразие. При поругании храма причинен значительный ущерб. Разрушили звонницу. Те же боевики-комсомольцы побили цветные стекла в витражах верхних и нижних ярусов строения. Разбили внутренне убранство, еще что-то. Повредили крышу. Крестьяне потом говорили, будто те, кто принимал участие в святотатстве, закончили плохо, их наказал Бог. Не знаю, в чем это выразилось. Но, по-моему, высшие силы здесь ни при чем. Те, кто занимался вандализмом, были уже готовым материалом для уголовного мира.

Интересный вопрос – комсомол в деревне. Ведь не по собственной же инициативе занимались хулиганством. Были у них вожаки. Секретарь райкома комсомола, например, или председатель сельсовета. И что районный комсомольский вожак или руководитель Совета имел с подобных акций? Какой моральный или материальный стимул их согревал? Почитаем текст выступления на совещании Руднянского партактива 8 ноября 1933 года секретаря райкома ВЛКСМ т. С.: «...Я прибыл в Рудню в ноябре 1932 года с завода “Профинтерн”. Отношение ко мне было самое отвратительное. Почти каждый день прикрепляли и открепляли из столовки. Оклад мой 140 рублей. Этого мне никак не хватает. А на содержании моем находится инвалид – мать и сестра, живут они в Бежице.

Пишут, что голодают. Постоянно райком посылает меня в сельсоветы и в такие места, где мне нечего делать. Все это очень отражается на основной работе и из-за этого еще меня бьет Обком. Я с самой осени хожу в ботинках. Все же добился ботинок на резиновых подошвах. Но они быстро порвались, и я отморозил себе ноги. Приходится почти босиком ходить по сельсоветам. Пальто ношу чужое. Материю взял на пальто. Отдал шить, но обойдется в 250 рублей. Не знаю, где денег взять. Развлечений в Рудне никаких нет. В кино можно замерзнуть. Сеанс не выдержишь. ...»²⁷

А также выступление председателя одного из сельсоветов т. Р.: «...Я около двух лет считаюсь в районном активе. Все время нахожусь в сельсоветах. Бросают туда... где прорыв, условия мои плохие. Я ничего нигде не получаю. С трудом при возвращении из сельсоветов у Зильберта в столовку достану записку. Промтовары ни разу не получал. В настоящее время почти административно взял в колхозе 1 пуд хлеба. Газет читаю мало...»²⁸

Похоже, оба должностных лица являлись выдвиненцами. Направлены из другой местности партийными органами в порядке призыва для усиления органов власти на местах. Были здесь они чужаками, и поэтому приходилось им особенно нелегко. Чужеродное тело всегда отторгается – это закон биологии.

С позиций нынешней сытой жизни нам трудно понять, что двигало этими людьми в те далекие времена? И может быть, роман «Как закалялась сталь» Н. Островского о Павле Корчагине не есть чистая выдумка писателя. Тут не имеются в виду районные чиновники, жившие за счет взяток, других злоупотреблений служебным положением. Эти сами приплачивали бы за обладание должностями. На совещании выступили идеалисты, то есть те, которым совесть не позволяла брать мзду.

Но, наверно, не будет справедливым изображать всех комсомольцев только в негативном плане. Случай, о котором хочется рассказать, произошел еще в конце 1920-х годов на территории Зарубинского сельского совета. Тогда в деревне Грибачи пришел в негодность мост через речушку, протекавшую там. В только что созданной комсомольской ячейке воодушевленные доверием со стороны властей, полные идейной чистоты молодые люди инициативным порядком решили данный мост отремонтировать. Сказано – сделано. Под звуки гармошки группа комсомольцев и местных парней, которых в тот же день приняли в комсомол, взялись за строительство. Что-то, а пользоваться топорами и пилами крестьянские дети умеют с раннего возраста. Завезли материалы и без лишних формальностей мост восстановили. Можно предположить, как жители деревни благодарили комсомольцев за бескорыстный труд. Можно, но как бы ни так. Еще в процессе ремонтных работ, которые следовало только приветствовать, часть деревенской общественности с удовлетворением резюмировала: «Дураков работа любит»²⁹.

И как следствие, когда наступило время очередного ремонта моста, то молодые люди больше не захотели оказаться «дураками», несмотря на призывы той же общественности, и хорошо если они не оказались впоследствии в рядах тех, кто громил церкви или сдирал крыши с домов хуторян. Отсюда также видно, что нотки дифирамбов жителям деревни, которые иногда звучат в материалах автора, не всегда уместны. Но подобного рода комсомольцы впоследствии легко откликались на призывы правительства по участию в гигантских стройках, предусмотренных пятилетними и семилетними планами развития народного хозяйства, поднимали экономику страны, при этом стойко переносили тяготы и лишения, связанные с неустроенностью труда и быта.

Конечно же, большинство безобразий творилось деревенскими люмпенами. Другая часть молодежи видела в комсомоле перспективу карьерного роста и избавление от беспросветной деревенской жизни. Коммунистическая пропаганда снимала с них многие моральные ограничения, эксплуатируя юношеский максимализм. Примером того, что их ждет, останься они на селе, являлись родители, которые, кроме нужды и лишений, в своей жизни ничего не видели. Многие молодые люди искали любую возможность уехать из сел и находили ее. Одним из выходов из деревенского тупика и был как раз комсомол. Например, с тех пор повелось, что после службы в армии, демобилизованная с армейской службы молодежь ехала в города, на большие стройки по комсомольским путевкам. Куда угодно, но только не в колхоз. Другое дело, что и на стройках пятилеток их ждала жизнь в земляных бараках и впроголодь. Лишь немногие избранные попадали в номенклатурный слой, чем и могли обеспечивали себе довольно сносную жизнь.

И вообще для партийных органов молодежь была просто находка. В идеологическом отношении это очень податливый материал. Вся грязная работа совершалась руками комсомольцев. Ну не пойдут же в самом деле сотрудники райкома партии или райисполкома, да даже простые коммунисты топорами и баграми растаскивать крыши крестьянских изб. У них были подручные, которых можно было одурачить, внушив, что выполняют они важную государственную задачу и что Родина и великая партия доверяют им и они своими великими делами приближают светлое будущее. Это для приличных молодых людей, а для деревенских хулиганов это просто пьяный кураж и удовольствие, за который они не несли никакой ответственности. Это, конечно, частности. Сталин поставил задачу комсомолу шире: «...первейшей задачей всей воспитательной работы комсомола является высматривание и распознавание врага, которого нужно потом убрать только насильственно, методами экономического воздействия, организационно-политической изоляции и методами физического истребления...»³⁰

Страна начинала напоминать огромный растревоженный муравейник. Стройки пятилеток требовали большое число, как квалифицированных рабочих, так и инженерно-технических работников. Открывались новые вузы. Молодежь имела возможность получить образование. Центральные власти поощряли подготовку специалистов для народного хозяйства, отдавая предпочтение кандидатам в студенты из среды рабочих и крестьян.

В начале 1920-х годов в СССР широкое развитие получило детское коммунистическое движение, названное «Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина». В отличие от движения скаутов дореволюционной России, принципами деятельности которого являлись: Долг перед Богом; Долг перед Родиной и окружающими; Долг перед Собой; в основу нового движения партийные лидеры государства положили принципы коммунистической идеологии. Была поставлена задача по воспитанию пионеров в духе преданности делу Коммунистической партии, верности революционным, боевым и трудовым традициям советского народа, привитие юным ленинцам любви к социалистической Родине, непримиримости к ее врагам, готовности пионеров защищать Отечество.

На основе схожести задач, стоящих перед пионерией и ЛКСМ, данная организация со временем превратилась в резерв комсомола. Члены ВПО принимали участие в коммунистических субботниках, помогали комсомольцам в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, ликвидации неграмотности. У движения имелись свои печатные издания, органы управления, символы. Символика в измененном варианте

была заимствована из скаутского движения: красный галстук, значок и белая рубашка. Призыв: «Пионер, к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!» Ответ на него: «Всегда готов!» В пионерскую организацию принимались учащиеся школ в возрасте от 9 до 14 лет. На школьной линейке ученик давал Торжественное обещание пионера Советского Союза. Коммунист, комсомолец или старший пионер вручал ему красный пионерский галстук и значок.

Ниже приведен текст заметки из газеты «Пионерская правда» № 51 за 1931 год, где рассказывалось об участии членов пионерской организации Каспьянского района Западной области в организации весенне-полевых работ, а также в качестве агитаторов и пропагандистов, показывающих взрослым крестьянам преимущества колхозного строя, просвещающих их и в агротехнических вопросах. Автор публикации, как дважды два доказывает, что без участия детей проведение весеннего сева было бы затруднительно. Если касаться другой части заметки, то можно проникнуться убеждением в том, что пионеры села Зарубинки настолько аргументированно подискутировали со своими родителями о преимуществах коллективного способа ведения хозяйства, что те признали себя побежденными в споре и немедленно записались в колхоз.

«Пионеротряд им. Сталина при Каспьянской ШКМ (Западная обл.) в порядке подготовки к весеннему севу распространил среди колхозников сельскохозяйственной литературы на 18 рублей. Кроме этого, пионеры собрали 6 центнеров золы. Вся работа проводится в порядке социалистического соревнования с пионеротрядом № 2.

Боевые отряды коллективизации. Пионеры и школьники Зарубинской ШКМ (Каспьянский район) активно помогают сплошной коллективизации сельсовета. Они рассказывают своим родителям о преимуществах коллективного способа ведения хозяйства. В результате этой работы все родители пионеров вступили в колхоз.

Ликвидируем агроколхозную неграмотность. Учащиеся Волковской ШКМ (Каспьянский район) обязались в соседних деревнях ликвидировать агроколхозную неграмотность. Это обязательство пионеры выполняют. 15 пионеров повседневно занимаются с 27 колхозниками. Кроме этого, пионеры проводят беседы о коллективизации на общих собраниях колхозников».

Сама по себе газетная статья как бы из параллельной реальности. В заметке желаемое выдается за действительное. Но будет большим заблуждением объяснять опубликованный материал бессовестной правдивостью прессы. Все не так. Подобной постановкой вопроса партийно-комсомольской верхушкой СССР задавалась планка высоты, к взятию которой пионерии следовало стремиться, что свидетельствовало о серьезности намерения советского руководства превратить детей, по мере их взросления, в проводников политики партии большевиков.

О спецраспределителях для номенклатурных работников. Как жили коммунисты в низовых звеньях управления и просто рядовые члены партии? Имеются некоторые сведения, по состоянию на конец 1933 года, об их материальном положении, льготах и привилегиях. Ведь не может же быть так, чтобы члены правящей партии ели, как говорится из общего котла, со всеми жителями подведомственной районным властям территории. Оказывается, может. Некоторые льготы и привилегии, конечно, имелись, но в целом из общего ряда простые коммунисты Руднянского района не очень-то и выбивались. Может, потому, что в стране в 1932–1933 годах был жесточайший голод, а экономика находилась в упадке. Может быть, и потому, что в 1928 году в ходе чистки «Смоленского

гойника» Руднянской парторганизации, пожалуй, досталось больше всех, в силу чего еще живы были в памяти уголовные дела 1928 года. Тогда в Руднянской волости «вычистили» 20 коммунистов.

На окончание 1933 года в партийной организации Руднянского района на учете состояло около 240 человек. (Цифры не совсем точные. Так в документах. Прим. авт.) По годам вступления в партию подразделение следующее: с 1917 по 1920 – 20; с 1921 по 1926 – 48; с 1926 по 1929 – 54; с 1930 по 1933 – 114 коммунистов. Обращает на себя внимание количественный состав членов партии. Почти половина – 114 человек – принято уже после общегубернской чистки 1928 года. Как могло быть подготовлено столько убежденных большевиков-ленинцев за такой короткий срок? Закрадывается сомнение, уж не по вербовке ли набирали партийную организацию. Район образован в 1929 году. Центр района – город Рудня, в котором имеются промышленные и сельскохозяйственные производства, то есть, как бы имеются предпосылки для наличия солидной партийной организации. Вот и постаралось руководство района, чтобы и у них все было «как у людей». В самом городе Рудня проживало примерно 120 коммунистов, в том числе партийный актив – руководство района. На фоне других районов, таких как бывший Ка-сплянский или Демидовский, количественный состав более, чем внушительный. Но не в этом дело. Интересны сведения о материальном положении членов партии. Как жили крестьяне и так понятно. Особенно если учесть, что 1932–1933 годы были неурожайными и в связи с этим голодными³¹.

Из отчета районной контрольной комиссии в областную комиссию видим, что рядовым коммунистам, большую часть из которых составляли те же крестьяне – 128 человек, хлеб приходилось добывать своим трудом. Много жалоб от руководства сельсоветов. Им по несколько месяцев не выдавали зарплату. (Совсем как во времена Бориса Ельцина. Прим. авт.). Руководители Советов вынуждены были требовать или просить продовольствие у председателей колхозов, что создало зависимость от последних. В отчете сообщается, что 37 городских коммунистов в декабре 1932 и январе 1933 года ежедневно получали по 700 граммов хлеба на себя и по 300 граммов на иждивенцев. В феврале те же лица получили по 700 граммов хлеба только на себя. Иждивенцы из списков исключены. Хлеб получали нерегулярно. Мясо активу выдавали от 2 до 5 килограммов в месяц. В декабре сахара получили по 1 килограмму и по 2 килограмма конфет. В январе только конфет по 2 килограмма. Промышленными товарами также обеспечивались неудовлетворительно, особенно обувью. Детских садов не было. Дровами рядовые сотрудники учреждений также не обеспечивались. Жилой площади приходилось в среднем от 4 до 5 квадратных метров на человека. Однако были семьи, где на человека приходилось по 1 кв. метру. Все это так. Но! Уже был свой закрытый спецраспределитель, за которым закреплено 69 человек. В период с октября 1932 года по февраль 1933 года данная льготная категория номенклатурных (термин будет введен позднее. Прим. авт.) работников получила мануфактуры по 21 метру на каждого. Обуви получено 40 пар. Ситуация с жильем у руководства района также другая. В отчете отмечается, что многие коммунисты в связи с материальными трудностями зачастую отказываются от даваемых им поручений. При этом в ответ на требование выполнить какое-либо партийное задание парируют, что за место в партии не держатся. Отмечено также дезертирство из рядов ВКП (б). Так, например, в июле 1932 года неизвестно куда, не снявшись с партийного учета, выбыло 17 человек³².

Как бы само собой разумеется, что товары в спецраспределители завозились с промышленных торговых баз. Однако не будем торопиться с выводами. Партийная номенклатура в начале 1930-х годов вышла на новый уровень снабжения. Нашли простое и остроумное решение. Раз кулак – классовый враг, то его с суровой беспощадностью необходимо раскулачить, а его собственность – имущество... разделить между собой. Дело пошло полным ходом. Но всему прекрасному приходит конец, или нет?.. О фактах массового мародерства стало известно в области. Секретарь Запкома ВКП(б) И.П. Румянцев, впоследствии записанный во враги народа, письмом от 7 октября 1931 года на четырех страницах текста рисует картину разложения коммунистов. Нет, он не мечет громы и молнии: «Дело в том, что целым рядом фактов искривления партийной линии и болезненных явлений (самоснабжение, пьянка, методы администрирования, склоки), имевших место в отдельных районах (а в районах, конечно, только отдельные работники), подрывается политический авторитет партии в широких массах и смазываются достижения областной и районных парторганизаций. Между тем, не все районы сделали для себя соответствующие выводы. Так, например, несмотря на недопустимость покупки коммунистами вещей, изъятых у кулачества и недоимщиков, несмотря на запрещение по советской линии – должностным лицам приобретать эти вещи, несмотря на категорическое предупреждение Обкома и Обл. КК путем опубликования... дел о... вновь имели место – реализация имущества, изъятая у кулаков и недоимщиков через закрытые распределители и приобретение его как ответственными работниками, так и рядовыми партийцами. Эти факты, несомненно, скомпрометировали руководство и коммунистов, участвовавших в покупке этих вещей...»³³.

Далее Румянцев мягко осуждает практику распределения награбленного у крестьян имущества среди коммунистов.

Но, во-первых, существование закрытых распределителей в письме не только признавалось, но и рассматривалось как нечто само собой разумеющееся, и, во-вторых, по существу, осуждался лишь допуск «рядовых партийцев» к данному делу. В письме в несколько прикрытой форме разъяснялось, что каждый должен знать свое место, что нечего ставить серую массу в один ряд с руководителями, тем более, когда это вело к разглашению тайны разграбления крестьянского добра. «Наряду с тем, что Обкомом намечены и уже осуществляются ряд мер по улучшению снабжения районного актива, райкомам необходимо взять под особый контроль состояние снабжения актива в своем районе, не допускать повторения имеющихся фактов самоснабжения работников через кооперацию, приняв ряд конкретных мер к постановке бесперебойного снабжения актива по соответствующим установленным нормам через закрытые столовые, через закрытые распределители, как за счет получения продуктов и промтоваров по нарядам области, так и за счет усиления децентрализованных заготовок в своем районе»³⁴.

И все же не только руководители, но и значительная часть рядовых членов партии, все более и более приобщалась к практике использования дополнительных, по существу дела, незаконных, но узаконенных властями доходов, фактически паразитируя на нуждах и бедах основной массы крестьян, и считали это само собой разумеющимся. Дошло до того, что один бывший партиец в письме секретарю обкома возмущенно писал не о том, что несправедливо исключен из партии, но несправедливо, по его мнению, снят со специального довольствия и ему отключили телефон, лишили пользования начальственной столовой и т.п.

И, наконец, поскольку протоколы совещаний Руднянского партактива, где члены партии жалуются на неудовлетворительное материальное снабжение датированы 1933 годом, а письмо Румянцева 1931 годом, то с определенной долей уверенности можно констатировать, что установки, изложенные в циркуляре областного начальства, Руднянским райкомом приняты к сведению и руководству. Партийную дисциплину актив нарушать перестал. Награбленное у крестьян имущество теперь не прилипало к рукам партийцев. Но партийцы попытались найти лазейку и здесь. И нашли. Райкомовцы стали закупать продукты питания по сниженным ценам в колхозах, а платить забывали. И опять обкому пришлось пристыдить честь и совесть той эпохи.

Однако выполнение такой неблагодарной работы, как быть надсмотрщиком и погонялой, требовало вознаграждения. Это же элементарно. Область подумала: «Все равно ведь будут воровать, так лучше дело материального снабжения ввести в законное русло».

20 сентября 1934 года Запобком ВКП(б) принял решение установить список номенклатурных должностей в районах и городах, под которые должны выделяться централизованные фонды. Область поделили на шесть зон. Руднянский район попал в пятую зону номенклатурного снабжения. На район выделили шестьдесят пайков. В список лиц по обязательному материальному обеспечению в нашем районе попали: 1. Секретарь РК; 2. Зам. Секретаря РК; 3. Инструктор РК; 4. Секретарь РК ВЛКСМ; 5. Редактор районной газеты; 6. Работники политотделов МТС и совхозов; 7. Председатель РИКа; 8. Секретарь РИКа; 9. Зам председателя РИКа по заготовкам; 10. Председатель райплана; 11. Заведующий райфо; 12. Заведующий райзо; 13. Заведующий районо; 14. Заведующий райснабом; 15. Заведующий райздравом; 16. Начальник райсвязи; 17. Районный прокурор; 18. Народный судья; 19. Народные следователи; 20. Управляющий банком; 21. Заведующий сберкассой; 22. Председатель райсоюза; 23. Старший агроном; 24. Райвоенком; 25. Райстатистик, и еще две-три должности³⁵.

О карточной системе в СССР. Еще о продуктах питания и снабжении промтоварами. В январе 1931 года по решению Политбюро ЦК ВКП(б) Наркомат снабжения СССР ввел всесоюзную карточную систему распределения основных продуктов питания и непродовольственных товаров. Карточки выдавались только тем, кто трудился в государственном секторе экономики (промышленные предприятия, государственные, военные организации и учреждения, совхозы), а также их иждивенцам. Вне государственной системы снабжения оказались крестьяне и лишенные политических прав (лишенцы), вместе составлявшие более 80 % населения страны. Крестьяне наравне с «буржуями» фактически оказались вне закона, какие бы дифирамбы при этом власть им не пела.

Чистка партии 1932 года. Во исполнение Постановления ЦК ВКП(б) от 10 декабря 1932 года о проведении чистки членов и кандидатов партии в 1933 году и до середины 1934 годов проходила чистка в Руднянской районной парторганизации³⁶.

Все происходило как бы на демократичной, и, как сейчас сказали бы, гласной основе. В районной газете давались объявления о дате, месте и лицах, состоящих в партии, и которых должны были заслушать. Все жители района имели право заявить свои претензии тому или иному партийцу, а специальная комиссия принимала решения об оставлении в рядах ВКП(б) или об исключении его из партии. Сам метод партийной чистки вдохновлял и порождает доносчиков, подхалимов и карьеристов. Сводились личные счеты посредством раздувания тех или иных событий, часто незначительных в биографии партийцев. На деле кампания вылилась в перетряхивание грязного белья, удаление не-

угодных конкурентов более сильными группировками и соперниками. В 1933 году по стране вычищено четыреста тысяч коммунистов, а в следующем 1934 году – еще двадцать тысяч. После чистки рядов партии в масштабах всей страны, которая закончилась в 1935 году – в 1936 году коммунисты получили партийные документы нового образца.

И снова о сселении хуторов. Но вернемся опять к очень болезненному для нашей местности вопросу переселения хуторян. Не все крестьяне терпеливо сносили вандализм в отношении своих жилищ. Были и такие, кто считал, что поскольку власть рабоче-крестьянская, то можно путем подачи петиций представителям верховной власти восстановить справедливость. Особенно селяне уверовали в крестьянского заступника – всесоюзного старосту Михаила Ивановича Калинина. Писали челобитные, ездили к нему в Москву. Михаил Иванович беседовал с ходоками, пил с ними чай, расспрашивал их о жизни. Ходоки уезжали, довольные оказанным приемом. Безобразия же продолжались.

Тут следует заметить, что народ мы прямодушный. Верим в доброго царя-заступника. И вот когда число жалоб-петиций на имя председателя ЦИК СССР достигло критической массы – секретариат М.И. Калинина 17 апреля 1932 года выслал на места разъяснение: *«...В течение второй половины 1932 года, усиливаясь к концу его, в секретариат ЦИК СССР и ВЦИК поступают жалобы единоличников на разрушение их жилых построек... Такие жалобы идут из разных областей: ... Западной.... В избах разрушаются полы, выламываются двери, выставляются рамы, сдираются крыши и стоят они полуразрушенными, пустыми, обесцененными, вызывая этим законное возмущение крестьян, или же по дешевке продаются на слом и увозятся куда-то на топливо. Трудно представить, чтобы изъятые постройки не могли быть целесообразно использованы в данном селе, особенно, если принять во внимание, что, наверно, это избы более зажиточной части деревни, следовательно, лучшие сельские постройки, которые могли быть приспособлены и под участковые избы-читальни, и под школы, и под детские ясли, в чем так нуждается деревня, и открытие которых зачастую тормозится именно отсутствием построек. Такие явления особенно возмутительны в наших условиях острого дефицита в стройматериалах...»* В общем, вопрос о передаче строений их законным собственникам не ставился. Вопрос решался по формуле: «Отобрать и поделить!»³⁷

5 сентября 1933 года на открытие слета передовых председателей сельсоветов Западной области в самый разгар выселений с хуторов Калинин сам приезжал в Смоленск. На слете присутствовали председатели 1700 сельсоветов из 2700 имеющихся в области и 90 председателей передовых колхозов. Прибыв утром, выступил на митинге с кратким приветствием, в котором отметил, что «произошел коренной перелом в колхозной жизни и работе» и что Западная область «стоит в первых рядах социалистического строительства». На вечернем заседании съезда Калинин выступил с большим докладом. В ходе дальнейшей поездки, на пути в Белоруссию посетил совхоз «Голынки», что в семи километрах от нашей деревни.

Об отходничестве. Страна нуждалась не только в бесплатной рабочей силе колхозников. Правительство находило численность занятых в сельском хозяйстве несколько превышающей необходимые потребности. Вместе с тем объекты индустрии нуждались в рабочих руках. Тогда своим Постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 года «Об отходничестве» разрешило переход колхозников на индустриальные стройки. При этом завербованным предоставлялся ряд льгот. Бежать из колхоза желали многие. Од-

нако, чтобы беглый не ускользнул в темную глубину советских пространств, переход надлежаще документально оформить. Завербованному следовало выправить разрешение на выезд в сельсовете или правлении колхоза. Да, ну, кто же отпустит трудоспособного мужика при грабительских планах хлебо-, льнозаготовок? Правления колхозов пошли было на хитрость, задерживая вербованных под предлогом их задолженности колхозу. Москва пресекла начинание и обязала колхозы заключать со стройками договоры на поставку рабочей силы. В одну из таких кампаний мой дядя Ефрем Александрович выехал на Донбасс добывать уголь. Через некоторое время вернулся инвалидом. При обвале породы в шахте ему раздробило тазобедренные кости. Больше работать ни в колхозе, ни завести семью до конца жизни так и не смог. И это случилось после знаменитого «шахтинского» процесса 1928 года, где примерно наказали «вредителей» инженеров. Пар ушел в свисток. Аварии на шахтах как были, так и продолжались. Стране ведь нужен был уголь любой ценой.

Создание МТС. Политотделы МТС. Диктат партийных органов в деревне. Закон о хищениях госсобственности от 7 августа 1932 года. Наиболее действенными в условиях катастрофического кризиса мерами по прямому партийному руководству колхозами и машинно-тракторными станциями стали созданные в 1932 году политотделы МТС. Хлебозаготовки 1931–1932 года колхозы провалили. Требовалось принятие чрезвычайных мер. И такие меры ЦК партии принял. В соответствии с решениями XVII съезда партии в новый орган с заводов и фабрик призвали свыше 17 тысяч коммунистов. Не связанные с местными властями политотделы стали прямыми надсмотрщиками над всем и вся в деревне. Их особенно не волновали насущные нужды колхозников. Не подчинялись они и райкомам. В обком партии информацию о проведенной работе давали для сведения, но не в порядке отчета. Назначение руководителей совхозов и начальников политотделов МТС, а также увольнение их от должности решался в ЦК партии. Сами же они могли выдвинуть или снять с должности любого руководителя колхоза вплоть до бригадира и помбригадира.

Начали свою деятельность вновь созданные структуры, как было заведено в то время, с чисток рядов трудящихся от классово чуждых элементов. Партия должна была удостовериться, нет ли среди трактористов переодевшихся в грязные робы бывших царских офицеров, попов, купцов и помещиков, а также иных враждебных элементов. И что же? Конечно, были. К сожалению, составители отчетов, показывая таблицы и графики с внушительными цифрами, отражающими множество параметров, не указали социальный статус вычищенных. Среди 1876 трактористов в Западной области в 1933 году был выявлен 51 классово враждебный элемент.^{37*} Среди механиков МТС 42 из 149. По работникам бухгалтерии – 42 из 192.^{37*,**}

В конце 1933 года руководство политотдела Руднянской МТС поставило в известность Смоленский обком партии, «...что поставленные задачи партии и правительства Руднянский район выполнил с честью. Зернопоставки, натуроплата МТС, хлебозакупки, озимый сев, зябь, льнозаготовки выполнены в срок и досрочно». Далее отмечалось, что подобные успехи достигнуты благодаря производственной и политической активности женщин-колхозниц. Особое внимание данный орган уделил работе женщин на руководящих должностях, да и просто в качестве механизаторов-трактористов. Приказом политотдела в Руднянском районе выдвинуты на должности помбригадиров 52 женщины. Председателями колхозов выдвинуты 5 женщин, которые, согласно данной

МТС информации, вывели свои колхозы в передовые. В информационном письме отдельно подчеркивалась работа выдвиженца политотдела МТС, председателя колхоза тов. Степкиной, под руководством которой хозяйство из месяца в месяц перевыполняло производственные задания. В духе тех времен особо выделялся ее социальный статус, как выходца из бедняцкой семьи, сироты, работавшей с раннего детства на кулаков за кусок хлеба. При переводе ее на должности председателя колхоза в отстающие хозяйства неизменно выводила их в передовые. Была активна во всех сферах жизни. В текущем году она не только организовала подъем паров, вспашку полей под яровые культуры, достигла успехов в строительстве объектов сельского хозяйства, но и создала кружки по агротехническому образованию, драматический кружок, хоровой, кройки и шитья и т.п.³⁸

В общем, Руднянский политотдел МТС показал свой товар лицом. Так, что если бы ЦК партии продлил полномочия указанного чрезвычайного органа подольше, оставили бы они без куска хлеба райкомы и райисполкомы на местах. За населением присматривали бы совсем другие люди. Правда, заметного следа в отведенный им период деятельности в жизни наших деревень они не оставили. Работа Зарубинского сельского совета в сводках отражение не нашла, вероятно, трактора нашим колхозам еще не выделялись. МТС охватывала всего 59 колхозов.

Политотделы машинно-тракторных станций задумывались как дополнительный насос выкачки сельхозпродукции из деревни. Кроме собственно вопроса сельскохозяйственных заготовок, новый орган ведал и социально-культурной жизнью села. По сути дела, это были те же продотряды, но в смягченном и расширенном варианте.

Директива ОГПУ

25 января 1933 г. ЦК ВКП(б) постановил организовать политические отделы при всех МТС и совхозах.

Должность заместителя начальника политотдела должна быть замещена ответственным работником наших органов – оперативником, имеющим большой стаж оперативной работы, вполне политически подготовленным коммунистом.

ЦК партии придает политотделам исключительное значение, и наши работники на должности заместителей начальников политотделов МТС и совхозов должны быть подобраны с особым вниманием и тщательностью.

Во исполнение изложенного приказываю:

1. Все полномочные представители ОГПУ, на территории которого создаются политотделы, должны немедленно выделить работников на должность заместителя начальника ПО. Всех выделенных работников представить мне на утверждение. Ответственность за посылаемых в политотделы работников несут полномочные представители персонально.

2. Заместитель начальника политотдела МТС и совхозов по линии ОГПУ, находясь в системе политотдела, является работником ОГПУ.

4. Задачи зам. начальника ПО МТС и совхозов по линии ОГПУ:

а) непосредственная борьба с контрреволюционными проявлениями на территории МТС и совхозов;

б) выявление и освещение деятельности контрреволюционных, антисоветских и кулацких группировок, организаций и отдельных лиц, как в составе МТС, так и всей территории (колхозов), обслуживаемой МТС, и совхозов;

в) выявление и освещение деятельности группировок и отдельных лиц, подрывающих производственно-экономическую мощь совхозов, МТС и колхозов;

г) охрана социалистической собственности, предупреждение и нанесение своевременного оперативного удара по расхитителям, вредителям, террористам, срывщикам, саботажникам и др.;

д) всестороннее освещение политико-морального и производственно-хозяйственного состояния МТС и совхозов...

6. Райорганы ОГПУ районов, на территории которых создаются ПО МТС и совхозов, своевременно информируют заместителя начальника политотдела по работе ОГПУ о политических настроениях и проявлениях колхозников и единоличников этих районов.

7. Заместители начальников политотделов МТС и совхозов, в свою очередь, взаимно информируют о политических настроениях обслуживаемых ими совхозов, МТС и колхозов начальников соответствующих райорганов ОГПУ.

Зам. председателя ОГПУ Г. Ягода»³⁹.

Серьезная была организация ОГПУ.

Просуществовал чрезвычайный орган почти два года. В конце 1933 года пленум ЦК партии реформировал их путем слияния с райкомами партии на местах.

Сразу охватить все экономическое пространство страны сельхозтехникой государству оказалось не под силу. Колхозы долгое время еще продолжали своими силами пахать, сеять и убирать урожай. Стальной конь лишь через много лет сменит живую лошадь. Положение колхозных животных было намного хуже, чем колхозников. Извиняюсь за такое сравнение. Ведь они были по сути дела бесхозны, безответны, бесправны и жизнь у них была скотской, в буквальном смысле слова. Найдется ли такой писатель, который опишет жизнь данных живых существ в деревне времен строительства социализма. Я помню детство – какие печальные глаза были у этих благородных и благодарных животных. В колхозе они никому не были нужны, в смысле ухода, кормления, ветеринарного обслуживания. Но когда возникал вопрос работы, то их не щадил никто.

Некоторое время для автора данных строк являлось загадкой, что начало весенних сельскохозяйственных работ в нашем колхозе, да и в районе в целом: вспашка, посев, боронование приурочивалось к первым числам апреля. Дело было в 1933 году. Ну, какой чудак будет начинать пахать со 2 апреля, скажем, когда на полях еще лежит снег? Тем не менее, так было. Район подгонял колхозников, те в свою очередь дружно обещали закончить работы за 18–20 дней. Пахать должны были, конечно, на лошадях. Гуськом друг за другом 15–20 колхозникам, управляя плугами, предписывалось двигаться по мерзлому полю. Выполняя районную директиву, сельсоветы хотели бы отчитаться о проведении весенне-полевой кампании в отведенные сроки. Район в свою очередь должен был выполнить областную установку ну и так далее. В жизни происходило несколько по-другому. Колхозник любой ценой противился трудиться в принципе. С начала апреля шла лишь имитация работы. Находилась множество причин, для того чтобы дело не двигалось. В числе причин была и такая, как неспособность лошадей к работе. Животные за зиму так ослабевали от бескормицы, что не могли двигаться, а не только тащить плуг. Крестьяне тоже проявляли чудеса изобретательности, чтобы не работать на колхоз. Шла раскачка. Это ведь не свое поле. Так проходил месяц. К середине мая, видя, что не отвертеться и земля созрела, брались за работу. На это то и рассчитывала руководящая и направляющая сила. Мудрая была партия⁴⁰.

Отдельно следует уделить некоторое внимание такому явлению крестьянской жизни как хищения колхозной собственности и ответственности за указанные действия. Русский человек вообще слаб по части уважения к чужому имуществу. Но в 30-е годы XX столетия начала складываться уникальная ситуация, когда появился новый вид собственности. Ею стала кооперативно-колхозная собственность. Это как бы не личная или частная и не государственная собственность. Мужику это не совсем было понятно. Если он работал в колхозе, который не являлся госпредприятием, и вырабатывал своим трудом определенный продукт, являвшийся собственностью всего коллектива, а, значит, и его, то почему, резонно рассуждал крестьянин, я не могу взять себе некоторое количество данного продукта. Тем более, взять его больше негде. И брал. Брал потому, что ввиду недородов на полях, его – в том числе, халатного отношения к работе в колхозе, бестолковщины в организации труда – семья и личный скот голодали. Законным путем продукты питания нигде получить не мог. Денежных средств на покупку их тоже не было. Да и в продаже ничего не было. Стоял вопрос о выживании крестьянской семьи. Так рассуждал и действовал крестьянин.

А вот как рассуждали вожди. Сталин – Кагановичу, Молотову [ранее 24 июля 1932 г.] Тт. Кагановичу, Молотову:

«1. Если будут возражения против моего предложения об издании закона против расхищения кооперативного и колхозного имущества и грузов на транспорте, – дайте следующее разъяснение. Капитализм не мог бы разбить феодализм, он не развился бы и не окреп, если бы не объявил принцип частной собственности основой капиталистического общества, если бы он не сделал частную собственность священной собственностью, нарушение интересов которой строжайше карается, и для защиты которой он создал свое собственное государство. Социализм не сможет добить и похоронить капиталистические элементы и индивидуально-рваческие привычки, навыки, традиции (служащие основой воровства), расшатывающие основы нового общества, если он не объявит общественную собственность (кооперативную, колхозную, государственную) священной и неприкосновенной. Он не может укрепить и развить новый строй и социалистическое строительство, если не будет охранять имущество колхозов, кооперации, государства всеми силами, если он не отобьет охоту у антиобщественных, кулацко-капиталистических элементов расхищать общественную собственность. Для этого и нужен новый закон. Такого закона у нас нет. Этот пробел надо заполнить. Его, то есть новый закон, можно было бы назвать, примерно, так: “Об охране имущества общественных организаций (колхозы, кооперация и т. п.) и укреплении принципа общественной (социалистической) собственности”. Или что-нибудь в этом роде» (Википедия).

В соответствии с вышеуказанным умозаключением 7 августа 1932 года ЦИК и СНК СССР приняли Постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». «Идя навстречу требованиям рабочих и колхозников», его подписали председатель Центрального исполнительного комитета – «всесоюзный староста» Михаил Калинин и председатель Совнаркома – товарищ Молотов (он же Скрябин)⁴¹.

Имущество колхозов и кооперативов (в том числе урожай на полях), а также перевозимые грузы приравнивались к государственному имуществу. Его хищение (даже колосков с поля) могло караться «высшей мерой социальной защиты» – расстрелом с конфискацией всего имущества. При наличии смягчающих обстоятельств преступники

могли быть приговорены к лишению свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией. Акты амнистии к расхитителям социалистической собственности не применялись.

В народе закон прозван «о трех колосках», семь восьмых (седьмого августа принят), дедушкин закон (подписывал его М.И. Калинин). Устанавливалась средневековая ответственность за незначительные по существу нарушения закона.

Устанавливалась средневековая ответственность за незначительные по существу преступления в виде казни. К счастью жертв, а, может, и не к счастью, высшая мера наказания применялась не столь часто. Это было бы не по-хозяйски для советской экономики. Только Беломоро-Балтийский канал – одна из величайших «Египетских пирамид» того времени одновременно требовал труда около 150 тысяч рабов. В течение менее двух лет, с 1931 по 1933 год, уложили на дно канала по авторитетным оценкам до 200 тысяч человек. Наверное, некоторые из осужденных предпочли бы тем мучениям, которые им выпали, и результатом которых явилась та же смерть на дне канала – смерти по приговору суда. Подобных пирамид на территории Советского Союза было много. Такой стройкой стала проходившая по нашим местам автотрасса Москва–Минск. Впрочем, шоссе для развития экономики страны было необходимо. Хорошую, крепкую дорогу «Вязьмалаг» построил на костях земляков.

К сожалению, не располагаю статистикой судебных преследований по закону от 7 августа 1932 года на территории Зарубинского сельского Совета. В книгу жертв политических репрессий Смоленской области внесены фамилии лишь тех крестьян, которые осуждены по статье 58 УК РСФСР и реабилитированы. Закон «о трех колосках» как бы чисто уголовный закон, без политического подтекста. Колхозник, украв колхозное имущество, тем самым подорвал основы социалистического строя и, следовательно, получил свои десять лет вполне заслуженно – за что его реабилитировать.

У автора данных строк имеются лишь некоторые сведения в части исполнения вышеназванного закона. Так, Управление рабоче-крестьянской милиции Западной области отчитываясь за период с 1 августа по 30 октября 1934 года, т.е. за три месяца, доложило в обком партии, что за стрижку колосков и хищение овощей с полей привлечено к уголовной ответственности 1020 человек. В тех колхозах, где не находили расхитителей, привлекали к уголовной ответственности сторожей за халатность. Ведь не могло же быть так, чтобы крестьяне не воровали с полей вообще ничего. Сторожей в колхозах назначали из числа нетрудоспособных колхозников, стариков⁴².

Не имея более точных цифр, все же можно предположить, что данный закон собрал самый обильный урожай с деревень нашего района. Ведь как работали народные суды? Допустим, принимается закон о борьбе с самогонварением или борьбе с хулиганством. Тут же откуда ни возьмись суды оказываются заваленными делами о самогонварении или о хулиганских проявлениях. Как будто хулиганы или самогонщики только и ждали того момента, когда появится соответствующий закон с тем, чтобы начать совершать свои черные дела. До этого в судах шла рутинная работа по переработке человеческого материала, и дела данных категорий составляли в ней небольшие проценты. Все, что упомянуто выше, называется кампанейщиной. Правоохранительные органы в период существования советской власти всегда чутко реагировали на любое колебание партийной линии. Автор отнюдь не противник судебных преследований с целью поддержания правового порядка, даже наоборот, но с одной оговоркой – когда правительство не создает искусственно чрезвычайных ситуаций и ведет разумную внутреннюю хо-

зайственную политику. И вот, возвращаясь к памяtnому закону, нельзя даже допустить мысли, что данная норма права применялась слабо. Закон «Об охране имущества...» наравне с законом о государственных преступлениях (ст. 58 УК РСФСР) как раз и дали основное пополнение островов ГУЛАГа. Поиск жертв на местах возлагался на сельские Советы, председателей колхозов, местные партийные ячейки. И не отчитаться перед ОГПУ или райкомом партии о выявленных скрытых врагах советской власти было нельзя. Должностные лица в случае отсутствия необходимого усердия сами попадали под подозрение в пособничестве антисоветским элементам.

«Крестьяне всегда находились на самом дне иерархической системы снабжения. В самую последнюю очередь снабжались не только рядовые колхозники, но и сельское руководство. В 1932-е годы колхозы не выполнили план, и поставки товаров и продовольствия на село были приостановлены.

Крестьяне пытались спастись чем только можно: государство не принимало муку, и председатели колхозов (среди них было немало порядочных людей) советовали колхозникам перемалывать зерно. Но у НКВД была отличная агентура, а новый закон действовал как часы.

У него были и иные мишени: НКВД внимательно присматривался к работникам социалистической торговли. В тридцатые годы достаточным основанием для возбуждения уголовного дела были две курицы, обнаруженные у завмага дома (это считалось неслыханной роскошью для советского человека). Советская торговля и в самом деле воровала, плодя класс посредников, теневых советских бизнесменов, – достаточно было договориться с завмагом или заведующим секцией, купить товар по государственной цене, а продать по рыночной.

Возникали артели и кооперативы, на самом деле они являлись фирмами по производству товаров и оказанию услуг. Из ворованной на государственных предприятиях кожи шилась качественная и недорогая обувь (ее катастрофически не хватало), у фабрик покупались обрезки жести, приводились в божеский вид и продавались им же, но по более высокой цене.

Закон обрушился и на колхозников, и на завмагов, и на подпольных советских миллионеров. Были и такие: один из них купил особняк за 100 тысяч рублей; другой, директор московского гастронома № 1, коммунист и член Моссовета, обзавелся особняком в Малаховке. (Сейчас трудно понять, как такие траты и шумные кутежи в ресторанах совмещались со всеобщим, предписанным свыше аскетизмом: привлекать к себе внимание было смертельно опасно). НКВД старательно разрабатывал деятелей черного рынка, но к концу тридцатых годов государственная власть и подпольный капитал начали срастаться. В одном из чекистских донесений говорилось, что торговые работники находятся под покровительством советских, партийных и судебно-следственных органов. Имелся в виду низовой аппарат, но в наркоматы коррупция проникла до уровня начальников главков. (Газета «Известия» от 04.08.03).

Закрытым письмом в мае 1934 года районным органам власти Западным обкомом доводилось до сведения, что в системе потребительской кооперации процветают хищения и растраты. В 1933 году хищений и растрат выявлено на сумму 4 793 000 рублей, или 35 % к собранным паям. В первом квартале 1934 года на сумму 1 160 000 рублей, или 50 % к собранным паевым взносам. В Руднянском районе выявлено растрат и хищений на 104 000 рублей. Это ж какие еще законы надо принимать, чтобы отучить

лихоимцев брать чужое. Думается, что воры всех мастей имели «крышу» в государственном и партийном аппарате. В этом же письме указывалось на причастность ко многим хищениям партийцев и комсомольцев. Газеты тех лет отражают картины, как лица, имеющие доступ к материальным ценностям, зная о возможных последствиях, все же присваивали общественную или государственную собственность⁴⁴.

Нищих крестьян, не допущенных к распределению благ, не защищал никто, и к ним закон об охране социалистической собственности применялся в полной мере. Они шли в лагеря не за многотысячные махинации и хищения, а за хищения в сравнительно небольших размерах. В колхозах ведь не платили заработной платы, будь ты даже добросовестный работник. После смерти И. Сталина «указ семь-восемь» стал применяться все реже и реже. А 13 апреля 1959 года его без лишнего шума отменили, ликвидировав законодательную базу рабства.

О введении института паспортной прописки. 27 декабря 1932 года ЦИК и СНК СССР приняли Постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов». Все граждане СССР от 16 лет, постоянно проживавшие в городах, рабочих поселках, работающие на транспорте и в совхозах, обязаны были иметь паспорта. Сельское население страны паспортами не обеспечивалось. Институт прописки введен в СССР в 1922 году с целью обеспечения органов власти полной информацией о жителях, проживающих в населенных пунктах страны, и всех их передвижениях. До декабря 1932 года прописка носила уведомительный характер, а само понятие прописки первоначально применялось в смысле обязанности граждан регистрировать, «прописывать» их документы в специальных книгах. Обязанность производить постоянную и временную прописку и выписку населения исполняли жилищные органы. Они делали это по заявлениям прибывших или выбывающих лиц. Данное постановление в комментариях не нуждается. Крестьянин стал «крепок к земле», только барином-крепостником теперь являлось государство. На местах мужика привязывали к поводку председатели сельсоветов и колхозов. Справедливости ради стоит сказать, что при большом желании крестьянин все же мог получить паспорт и уехать, например, по вербовке на большие стройки, на учебу в город. Другое дело, что претендент на паспорт должен был долго обхаживать председателя сельсовета и председателя колхоза, доказывая им необходимость получения документа. Не исключались злоупотребления. Не подмажешь – не поедешь. Так всегда было на Руси.

Разорение деревни, введение паспортной системы обернулось еще одной бедой – взрывом общеуголовной преступности. Когда деревня жила общинно и каждый человек был на виду, то весь люмпен находился под контролем деревни – общины. Селяне сами проводили профилактику и воспитание падких до нарушений обычаев деревни членов своей общины. Сами вели расследование, сами судили и сами же приводили в исполнение свои приговоры. Теперь все изменилось.

Община окончательно распалась вместе с началом создания колхозов. Не желавшие вступать в колхоз, а также не желавшие работать вообще, откололись от деревни, начали утрачивать с ней связь. Уезжали в города, и там многие выходцы из сельской местности пополняли криминальную среду. На работу их не брали, так как не было паспортов и прописки, а также рабочих специальностей. Из подобного контингента сколачивались банды. Бандиты нападали на путников, нападали на дворы, нападали на продовольственные и промтоварные склады, сберкассы. Действовало несколько таких

банд и на территории нашего района. Власть направила острие своей борьбы на политических противников режима, действительных и мнимых. Предполагалось, что преступники, совершившие преступления против личности (но ни в коем случае не против представителей власти и управления), против личной собственности – это социально близкие элементы.

Вместо того чтобы заковывать их в кандалы и отправлять в каменоломни, власть требовала вести среди заключенных разъяснительную и воспитательную работу. Социально близкие по несознательности не внимали увещаниям, совершали массовые побеги и пополняли ряды бандитов. Так, в спецсообщении Управления рабоче-крестьянской милиции области от 16 марта 1934 года указывалось, что из Клетнянской колонии совершили побег 600 человек. Бежали узники, конечно, поближе к дому. Так за счет указанных беглецов пополнились банды, действовавшие и в нашем районе. У автора данных строк имеются фамилии этого сброда, но из этических соображений они приведены не будут. Потомки за них не в ответе⁴⁴.

Больше половины сельхозпродукции сдавалось государству в соответствии с жесткими плановыми заданиями колхозам. В постановлении СНК от 20 июня 1933 года было сказано, что «никакое уклонение в сдаче зерна в срок не должно быть допущено ни под каким видом. Поставка зерна государству должна быть развернута с первых же дней обмолота, а колхозная торговля хлебом должна быть приостановлена. Виновные в невыполнении постановления будут привлекаться к уголовной ответственности». Вслед за этим появились постановления об обязательных поставках молока и мяса (от 22 ноября 1933 года), где говорилось о том, что колхозы, колхозные дворы и единоличные хозяйства, не выполняющие обязательств, подвергаются денежному штрафу в размере рыночной стоимости невыполненной части обязательств с взысканием несданной части молока и мяса в беспспорном порядке в следующем месяце сверх норм сдачи текущего месяца. Затем вышли аналогичные постановления о поставках шерсти, картофеля. Больше того, додумался ли сам Руднянский райисполком или это была установка сверху, но данный орган принял постановление, обязывающее колхозников снимать шкуру с убиенных свиней, содержащихся в личном подворье и сдавать их на заготовительные пункты. Называлось постановление: «О недопущении ошпаривания и опаливания свиней». Ослушникам грозили всяческими карами. В общем, стригли с колхозников-земляков шерсть, даже если она не успевала отрастать⁴⁵.

Уже в январе 1933 года на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) была констатирована ликвидация кулачества и победа социалистических отношений в деревне. Колхозы укреплялись, крепла и дисциплина в них. Теперь лодырей или пьяниц могли исключить из колхоза с малоприятными для них последствиями. Крестьянин жив землей и если его лишить занимаемого им клочка суши, то это смерти подобно. Теперь те, кто не имел сил или решимости уйти в город – в неизвестность, должны были трудиться на государство просто за кусок хлеба. При этом над мужиком дамокловым мечом висела угроза исключения из колхоза, в котором он так не хотел работать. По разным причинам могло произойти исключение – это и пьянка, лень, невыработка трудодней, небрежное отношение к колхозному имуществу, самодурство председателя колхоза, др. И что делать с выбывшим из колхоза крестьянином? Власть продумала и этот вопрос. Из областного комитета партии в апреле 1933 года Руднянский райком получил письмо-разъяснение.

В нем предлагалось данную категорию крестьян: «... не удовлетворять ни лошадьё, ни сельхозинвентарем, ни семенами. В случае изъявления ими желания вести сельское хозяйство, необходимо удовлетворить их землей за чертой колхозного землепользования. Выселение этих лиц за пределы района допустимо только по решению судебных органов, как социально опасных. Так как некоторые РИКи выносят в административном порядке решения о выселении вычищенных из колхозов бывших бедняков и середняков – предлагаем Вам эту практику отменить. Следует обратить особое внимание на эту категорию людей в период уборки урожая (воровство, порча колхозного урожая). Указать партиейкам, чтобы они не оставляли вычищенных из колхозов бывших бедняков и середняков без своего влияния, а наоборот, чтобы с этими людьми ячейки вели работу»⁴⁶.

Постановление Обкома и ОбЛИКа от 5 февраля об изъятии земли у единоличников, саботирующих сев, необходимо применять как крайнюю меру в отношении злостных саботажников сева. Нельзя допускать того, что было в некоторых сельсоветах, когда сельсоветы выносили решения об изъятии земли у 15–20 хозяйств. Эту меру надо применять с наибольшим эффектом в отношении организаторов саботажа сева и таким расчетом, чтобы эта мера давала определенное воздействие на остальных единоличников, бедняков и середняков в выполнении ими плана сева.

Обращаем Ваше внимание на то, что отдельные РИКи, вынося решение об изъятии земли, выносят постановления о выселении этих единоличников за пределы района. Разъясняем, что и в отношении единоличников выселение может быть произведено только по решению судебных органов и органов ГПУ. Поэтому предлагаем отменить практику решений РИКа об административном выселении бедняков и середняков-единоличников, у которых изъята земля за саботаж сева.

Что касается кулацко-зажиточной части вычищенной из колхозов и у которой изъята земля за саботаж сева, предлагаем руководствоваться существующими директивами: предание суду за вредительство, воровство и др. преступления в колхозах и саботаж сева в единоличных хозяйствах...»⁴⁷

Все годы массовых выселений и раскулачиваний центральные власти с интересом наблюдали явления, происходящие в деревне. А процессы происходили трагические. Все три года деревня не знала покоя. Тут было все: аресты и выселения, погромы усадеб и экспроприации, а в качестве ответной меры – убийства активистов и поджоги колхозных и государственных объектов. Наконец убедившись, что деревня сломлена, 8 мая 1933 года секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Сталин и председатель СНК СССР Вячеслав Молотов (Скрябин) разослали на места инструкцию о категорическом прекращении массовых выселений крестьян и необоснованных арестов. Тут они возмущаются тем, что аресты продолжаются: «...В ЦК и СНК имеются сведения, из которых видно, что массовые беспорядочные аресты в деревне все еще продолжают существовать в практике наших работников. Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому только не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. Не удивительно, что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всяких оснований, действуя по правилу: сначала арестовать, а затем “разобраться”...»⁴⁸

Между тем, к данному периоду времени аресты за контрреволюционные действия на территории Зарубинского сельсовета, по странному стечению обстоятельств, за исключением ареста священника Боровикова согласно сведениям, имеющимся у автора настоящих строк, по большому счету еще и не начинались.

В письме вождей все же отмечалось, что классовая борьба в деревне будет усиливаться. Значит, следовало ожидать новых волн репрессий. И точно, в октябре-январе 1933–1934 годов только в селе Зарубинки по ст. 58-10, 11 УК РСФСР привлекли 14 человек. Почти под корень выбили фамилии Струженковых – 5 человек, Воловичевых – 5 человек, 3-х Буренковых, да Майорова И.И.

Тройки ОГПУ ограничились пока применением ко всем арестованным различных сроков лишения свободы. В 1937–1938 годах по этим же статьям УК будут определять срок наказания не ниже десяти лет лишения свободы или же расстреливать. Расстреляны Никульченков Евтихий Григорьевич, 1900 г.р.; Рубцов Михаил Фёдорович, 1892 г.р.; Кувшинов Сергей Павлович, 1890 г.р.; Воловичев Иван Прохорович, 1894 г.р.; Воловичев Аким Степанович, 1890 г.р.⁴⁹

Чтобы придать дополнительный вес политическим статьям, Указом от 7 апреля 1935 года наравне с родителями предусматривались наказания детей, начиная с двенадцатилетнего возраста, если осуждались взрослые члены семьи. Если же дети отрекались от родителей, то их могли освободить от ответственности. В государстве рабочих и крестьян, где у детей самое счастливое детство, по существу устанавливался институт заложников. Иосиф Сталин не признавал границ ни в чем.

Конечно, и теперь под суд мужиков продолжали отдавать по-прежнему по общеуголовным статьям, но это происходило в рутинном порядке. Под «статьей ходили» практически все жители деревень. Ну и специфический контингент. Если проворовался завмаг, завскладом или заведующий молочно-товарной фермой, то что с ним делать?

Выступая 7 января 1933 года на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) с докладом «Итоги первой пятилетки», И.В. Сталин перечислил те новые отрасли промышленности, которые возникли в СССР благодаря именно форсированной индустриализации:

«У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны, у нас она есть теперь. У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь. У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь. У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь. В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест. В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест...

И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии. Наконец, все это привело к тому, что из страны, слабой и не подготовленной к обороне, Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне»⁵⁰.

С некоторыми тезисами речи можно и поспорить. Особенно спорным является вопрос военной мощи СССР. Начальный период войны с Германией показал, чего стоила наша обороноспособность. Все же отрицать вклад индустрии в энерговооруженность сельского хозяйства нельзя.

Из повседневной жизни колхозной деревни. /Заметка в газете/. «Есть в нашем районе такой Зарубинский сельский совет. С ним уже отчасти знакомы наши читатели по прошлому номеру нашей газеты.

Сельсовет этот большой: он имеет 13 колхозов и 13 деревень, т.е. в каждой деревне по колхозу. Названия колхозов своеобразные: Пожевлянский, Гвоздевлянский, и все на “лянский”. Все по старой привычке.

Есть в Зарубинском сельсовете ШКМ, сельПО, сырзавод, агентство связи и даже ветеринарный фельдшер. Все они со своими привычками. Живут в колхозах преспокойно кулаки; живут они даже в канцеляриях Бородовского и М. Зарубинского колхозов. И ничего, живут. К ним уже привыкли. Привыкли и к тому, что в Б. Зарубинском, М. Зарубинском и Орловском колхозах погибли необрунные луговые уголья. В прошлом году кулаки погубили много лугов, в этом году такая же история по привычке.

В канцелярии сельсовета по привычке сидят сонные люди. Секретарь сельсовета с постоянно заспанным лицом сидит в канцелярии. Весь аппарат сельсовета по привычке работает, зевая, и, зевая, работает. И многое прозевали бывшие руководители сельсовета, да и теперешние прозевали немало. Счетовод хххх не выписал очень многим хозяйствам платежные извещения по страхплатежам. Многие колхозы не знают, сколько им платить сельхозналога.

В ШКМ еще в прошлом году ученики сидели на поломанных скамейках в холодном помещении. И ничего, привыкли. По привычке и в этом году будут сидеть в таком же помещении потому, что оно не отремонтировано.

По привычке сельПО регулярно использует выходные дни, хотя там заготовки или уборка или даже пожар. Завлашкой хххх придет утром, посидит малость и уйдет обедать. Потом опять немножко посидит и вовсе закроет лавку в 4–5 часов.

У почтового агента свои привычки, похожие на привычки хххх: лень, безобразия. Часто срывается доставка сводок и корреспонденций.

Зав. сырзаводом хххх привык «хапнуть». Он запутал учет молока и торговли. Молочными отходами он кормит своих свиней, а сдатчикам молока не дает этих отходов. Райконтора «Маслопрома» знает обо всех проделках хххх, но из уважения к его привычкам молчит.

Ветеринарный фельдшер хххх привык к тому, что в Б. Зарубинском, Бородовском и Гвоздевлянском колхозах у всех лошадей изуродованы плечи и спины. Никто не привлечен за это к ответственности, и никто не лечит этих лошадей.

Старая привычка “замочить” что-нибудь сохранилась в Зарубинских колхозах и сейчас. В Гвоздевлянском и Кр. Дубровском колхозах после завершения весеннего сева бригадам выдали премии, за эти премии купили водки и по бригадам распили ее. Пропито до 200 рублей в каждом из этих колхозов. Председатель Гвоздевлянского колхоза по этому случаю и доставил из Рудни бочку пива. В другой раз – 29 августа хххх – с кладовщиком так “нализался” у твердозаданца хххх, что сорвал сев ржи и еле нашли его под кроватью. 13 августа в колхозе Кр. Дуброво опять выдали и пропили вместе 227 руб. по случаю завершения жатвы ржи. В Пожевлянском колхозе окончили теребление льна и опять пропили около 200 рублей.

Всякие “спасы”, “егитрии” и т. д. в колхозах соблюдаются очень строго. Хорошая погода или плохая, хоть день решает год, все равно по зову xxxx – звонаря Зарубинской церкви – с полей уходят все. Правленцы уже заранее говорят: завтра – «спас» или «пре-чистая», отдохнем.

Председатель Орловского колхоза xxxx по старой привычке саботажника дал подписку с печатью даже, что он не будет выполнять обязательство по хлебопереборке и осеннему севу (Привычка быть под судом?) Этот же xxxx установил свои нормы выработки и форму учета труда не трудодни, а часы.

Об этих “привычках” председателей некоторых Зарубинских колхозов знает райЗО, но никаких мер не принимает. Тоже, очевидно, по старой привычке жить в ладу со всеми.

Много всяких привычек есть в Зарубинском сельсовете. Обо всех в один раз не перескажешь. А, может, это и не привычки. Пусть установит прокуратура и суд. ВАШКОР.

От редакции. Мы помещаем второе письмо о Зарубинских колхозах и о сельсовете, рисующих возмутительные безобразия, требующие немедленного пресечения. Ждем крутых мер со стороны райЗО и прокуратуры.

Из приведенной выше заметки, одного из номеров Руднянской районной газеты, а здесь помещена только одна заметка, можно узнать много интересных вещей о жизни крестьян, проживавших на территории Зарубинского сельсовета.

Первое: «ВАШКОР» – это однозначно житель села, скорее всего, Зарубинки, так как другие его заметки в газету «Руднянский колхозник» также подробнейшим образом освещали внутреннюю жизнь селения. Он досконально осведомлен обо всех неурядицах и проблемах близлежащих населенных пунктов. Конечно, «крот» хорошо известен как руководителям сельсовета и колхозов, так и простым жителям селений. В деревне тайн не бывает. Однако каким-либо образом воздействовать на автора, по всей видимости, не могли. Печатался аноним в газете регулярно и каждый раз «Руднянский колхозник» в конце опубликованного материала вопрошал: «когда райЗО и прокуратура примут меры?» И что примечательно – меры действительно принимались. Увольнялись от должности председатели сельсоветов, переизбирались руководители колхозов. Возбуждались уголовные дела в отношении виновных лиц.

Из газеты мы также узнаем, что на территории сельского совета находились 13 колхозов, в том числе наш – «Гвоздевянский». К ноябрю 1933 года коллективизировано достаточно большое количество хозяйств. Вероятно, в то время сподручнее было коллективизироваться деревнями. Власть не возражала, лишь бы крестьяне вступили в колхоз, а там видно будет. Им было даже выгодно иметь большое число колхозов. Охват района количеством хозяйств мог поразить воображение. Руководство области любило цифры. Вскоре раздробленность будет ликвидирована. Этой же осенью несколько колхозов свели в один – «Красное знамя». В колхоз объединились деревни Большие и Малые Зарубинки, Гвоздевицы и некоторые другие.

Впрочем, корреспондент оказался неправ, утверждая, что названия всех колхозов заканчивались на «...лянский». На июнь 1934 года Зарубинскому сельсовету были подведомственны следующие колхозы, с числом дворохозяйств в них: 1/ «Красный Восход» – 32; 2/ «Качановский» – 27; 3/ «Красное Дуброво» – 59; 4/ «Красное Знамя» – 80; 5/ «Барсуковский» – 54; 6/ «Пожевянский» – 37; 7/ «Тюлевский» – 25; 8/ «Орловский» (им. Куйбышева) – 27; 9/ «Сплошной» – 24; 10/ «Здоровая жизнь» – 63; 11/ «7-й Съезд Советов» – 18; 12/ «Путь колхозника» – 24;

Прочитав газетный материал, читатель, видимо, обратил внимание, что председатель колхоза «Орловский» имеет судимость. Об этом упоминает ВАШКОР. По всей вероятности, после регулярных кляуз, его с должности уволили. Не хочется писать, что переизбрали. История имела продолжение. В мае 1934 года уже другой, недавно избранный, председатель этого же колхоза тоже попал под суд. В совместном постановлении Руднянского райкома и райисполкома от 6 мая 1934 года отмечено, что в вышеуказанном колхозе по состоянию на 5 апреля!!! «посяено всего на 34 % зерновых, а льна только на 22,9 %» против плана. (Хочется верить, что это ошибка редакции газеты «Руднянский колхозник», следует читать все же – 5 мая). Так вот этим постановлением прокурору района предлагалось в отношении руководителя колхоза возбудить уголовное дело и предать его суду. Уверен, что прокурор так и поступил. Председателю сельсовета за слабое руководство объявлялся выговор, с предупреждением. Следует отметить, что данный председатель тоже лишь недавно приступил к своим обязанностям. Прежнего председателя «съели» посредством анонимных заметок в газету, хотя по большому счету ему ничего не инкриминировалось. Были нудные анонимки в районку и больше ничего.

Вскоре разгорелся конфликт крестьян колхоза «Красное Знамя» с Руднянским райкомом партии. По своему обыкновению еще не прирученные мужики избрали председателя из своей среды. Так было испокон веку – старосту выбирал мир. Люди тогда еще не знали, что советская власть имеет свою точку зрения по данному вопросу. Район прислал своего председателя колхоза, некоего т. Г. Людей возмутило нарушение вековых обычаев. На общем сходе они сместили варяга, выбрав своего. Им оказался житель нашей деревни Горохов Павел, крепкий хозяин и авторитетный человек, бывший «твердозаданец». (Так называли крестьян, облагавшихся индивидуальным и повышенным налогом и еще не прогнувшихся под властью.) Секретарь райкома т. Большунов сильно осерчал. Немедленно дал задание РайЗО разобраться. Как обычно, руководитель партийной организации района объяснил поступок крестьян происками кулаков: «... это не понравилось кулацким агентам, они старались всеми силами на каждом шагу подставить палки в колеса. Они добились своего, т. Г. переизбран... РайЗО должно заняться этим вопросом...»⁵¹

Что удивительно, район уступил колхозникам в данном случае. Но следствием ослушания явилось большое число жалоб в редакцию районной газеты и райком со стороны работников сельсовета. В конце концов, Павел Горохов был смещен. Ведь любой предколхоза в те времена оказывался виновен априори, неважно, совершил он что-либо предосудительное или нет. Да и сделать бы он ничего не смог. Потребуются годы и годы, чтобы селяне привыкли к ярму колхозной жизни и терпеливо работали, наперед зная, что вознаграждения за труд они едва ли дождутся. Со временем появится привычка к такой работе, но увлечение работой, какое было, когда мужик жил на хуторе, не наступит никогда.

Село Зарубинки – центр административно-территориального образования: там находился сельский совет, правление колхоза, машинно-тракторная станция. Здесь решались все насущные вопросы местной жизни, здесь присутствовали представители органов власти. В силу названных обстоятельств возникали конфликты более высокого уровня и наряду с мелкими дрызгами, выносились на публичное освещение, попадали в поле зрения районных властей. Целью множества усобиц в 30-х годах была борьба за должности в сельсовете или колхозе. Руководящая должность означала контроль над

колхозным имуществом и распределение льгот. Как уже отмечалось, в период гонений на крестьян 1933–1934 годов и террора 1937–1938 годов, по неполным данным, в селе Зарубинки по статье 58 УК РСФСР осудили 14 человек, некоторых дважды (автор посчитал только реабилитированных и, возможно, не полно). В результате доносов 5 человек из них приговорены к расстрелу. Крестьянам инкриминировалась контрреволюционная деятельность в форме совершения террористических актов, вредительство, подготовка к вооруженному восстанию. Вопрос правдоподобности выдвинутых против колхозников обвинений никого не интересовал. Это были 1934–1938 годы. Хорошо сказал А.И. Солженицын в работе «Архипелаг ГУЛАГ»:

«Но в похвалу этой статье можно найти еще больше эпитетов, чем когда-то Тургенев подобрал для русского языка или Некрасов для Матушки Руси: великая, могучая, обильная, разветвленная, разнообразная, всеподметающая Пятьдесят Восьмая, исчерпывающая мир не так даже в формулировках своих пунктов, сколько в их диалектическом и широчайшем истолковании. Кто из нас не изведал на себе ее всеохватывающих объятий? Воистину, нет такого проступка, помысла, действия или бездействия под небесами, которые не могли бы быть покараны дьянью 58 статьи»⁵².

Остальные мужики села Зарубинки осуждены к различным срокам ИТЛ за контрреволюционную и антисоветскую пропаганду и агитацию. Например, такую: «Чем меньше в деревне коммунистов – тем больше хлеба». Кандидатов для перековки подбирали на колхозных собраниях. Ими оказывались наиболее активные и имеющие свое мнение колхозники. С целью доказать преимущество колхозной системы приходилось применять к людям доходчивые меры.

Доносчиков по расстрельным делам село наверняка знало. Одного из осведомителей вычислили еще в 1937–1938 годах. Им оказался один из 5 членов колхозной партийки. На партсобрании после XX съезда КПСС (осудившем культ личности) в конце февраля 1956 года с формулировкой: «...за связь с МГБ, где имел псевдоним “Источник”». По его доносу осудили 3-х человек...» путем голосования деревенского информатора исключили из партии. Приводились, конечно, и другие причины исключения, но среди них называлась и вышесказанная. Из райкома приехал инструктор, вопрос урегулировал. Сексот остался в парии. Своих людей советская власть не сдавала.

Другие деревни, находившиеся на территории Зарубинского сельсовета, не пострадали в такой степени, как данное село. В них по 58-й статье УК осуждены лишь несколько крестьян, но трех человек все же расстреляли.

Отдельно хочется подчеркнуть, что жители деревни Гвоздевицы, как правило, решали свои проблемы внутри своей общины, жили замкнуто, не выносили разногласия на публичное обозрение, хотя имелись исключения. Но думается, происходило это не потому, что были более сдержанными, законопослушными и высокоморальными – просто нечего было делить. Тут к чести моих земляков будет сказано о том, что ни одного «врага народа» за все годы коллективизации и большого террора жители в своей деревне так и не обнаружили. Многочисленные мелкие склоки на бытовой почве не в счет.

Все же в деревне Гвоздевицы трех человек подвергли высылке. Произошло это в апреле 1944 года. Работницу колхоза, как члена семьи изменника родины, вместе с двумя малолетними детьми на пять лет выслали в Новосибирскую область. Как показывают официальные источники информации, ее муж, мобилизованный в РККА из соседнего района для защиты Родины, за антисоветскую агитацию в окопах расстрелян в октябре 1942 года.

Однажды великий вождь как-то заметил: «Сын за отца не отвечает». Органы проверили, оказалось, что у преступника две малолетние дочери, а не сын – значит, должны отвечать. После получения извещения о расстреле мужа женщина уехала к родственникам в нашу деревню, подальше от глаз НКВД, но разве от них скроешься. А окопник, вероятно, изменил Родине высказыванием, что гитлеровцы хорошо воюют или что-то в подобном роде. Расстрелы за такие дерзости широко практиковались на фронте. Бывалые фронтовики начального периода войны много чего могли бы рассказать. К сожалению, их уже давно нет в живых. Автору данных строк выпало счастье застать некоторых из них еще живыми, испытавшими всю горечь поражений начального периода войны.

Доносительство, болезнь заразная, отсюда некоторая информация о жизни деревни неизбежно просачивалась в районную прессу. Так, например, некий «Б-ый» в начале 1935 года довел до сведения общественности района о положении дел в недавно открытой местной школе. Заметка называлась «О Гвоздевянской школе».

«В Гвоздевянской школе печь топится один раз в 2 дня. Стекла в окнах выбиты. В классах до того холодно, что ученики во время уроков сидят в верхней одежде, в шапках и перчатках. Иногда некоторые учащиеся весь день ничего не едят из-за холода. Часто занятия совсем срывались. В помещении грязно. Зав. школой П. не следит за чистотой. Питьевая вода находится в ведрах. В нее попадает пыль. Впрочем, часто бывает и так, что совсем воды нет.

Ученики часто курят с учителем... На уроках шумно, часто слышна ругань. Дома уроки никогда ученики не готовят. Учебников мало.

Горячих завтраков нет. Уворовано 5 центнеров школьного ячменя»⁵³.

Корреспонденция показывает уровень культуры деревни. Он крайне низок. Эти разбитые стекла в окнах нового здания школы, грязь, мусор. Но все же в учителей в данном случае кидать камни не следует. Они дети своего времени, так же, как, впрочем, и ученики. Учащиеся, по всей видимости, переростки. Посещали школу лишь затем, чтобы научиться читать и писать.

Вашему покорному слуге пришлось обучаться в этой же школе-четырёхлетке в первой половине 50-х годов. Ученики-переростки были уже в далеком прошлом. Мы учились, имея достаточное количество учебников и тетрадей. О том, что прошлые поколения учащихся писали на обрывках газет, мы только слышали от учительницы. Благоустройство школы соответствовало санитарным стандартам того времени. Отопление школы и в данный период времени оставляло желать лучшего. В утреннюю смену носки на ногах примерзали к валенкам, а в бачках с водой плавала ледяная корка. Склады торфопредприятия находились в полукилометре от населенного пункта, поэтому проблем с доставкой топлива не должно бы возникнуть. Видимо, средств на покупку топлива выделялось недостаточно. С позиций сегодняшнего дня можно все-таки констатировать, что советская власть в меру сил проявляла внимание и заботу о подрастающем поколении. Трудно жила вся страна. Прошло менее десяти лет с момента окончания войны.

По состоянию на декабрь 1934 года на территории Зарубинского сельсовета насчитывалось 576 крестьянских хозяйств. На тот момент в колхозы удалось собрать 518 хозяйств. 58 хозяйств не коллективизированы. Такую сводку в декабре 1934 года направил в район председатель сельсовета. Ранее, в апреле этого же года, не коллективизированными числились 146 единоличников⁵⁴.

«Учитывая огромную тягу колхозников, живущих на хуторах, селиться в единые селения...», 25 сентября 1935 года обком партии обязал руководство Руднянского района «стянуть 450 хуторов в деревни»⁵⁵.

О результатах данной акции автору ничего не известно. Известно лишь, что с единоличников, вступивших в колхоз, списали недоимки.

Еще одна заметка в районном печатном издании за апрель 1935 года, озаглавленная «Всюду бесхозяйственность».

«В колхозе “Красное Знамя” Зарубинского сельсовета имеются все возможности для того, чтобы сделать колхоз большевистским, а колхозников зажиточными.

Всех хозяйств в колхозе 86, лошадей 62, имеется МТФ и хорошая земля. Однако колхоз все время отстает. В чем тут причина? Оказывается, вся причина в том, что председатель колхоза “...” безответственно относится к работе; не возглавляет руководство колхозом.

Результат такого “руководства” “...” налицо. В колхозе всюду бесхозяйственность. У большинства лошадей побиты плечи и спины; уход за ними скверный; упитанность низкая; к севу их не готовят. Корма мало и имеющийся корм расходуется безобразно. Изысканием его никто не занимается. А ведь можно было осенью недостающий корм заготовить. Сейчас же корм колхозу обходится очень дорого. Брони на весенний сев совсем нет.

Инвентарь отремонтирован не полностью. Подготовка к севу в колхозе сорвана. Скот находится в дырявых сараях, совершенно не защищенных от ветров и дождей. Телята размещены в низких, темных клетушках; навоза в этих “телятниках” столько, что телята еле видны. Строительством хороших скотных дворов правление колхоза не занимается.

Хранилищ для урожая в колхозе нет. Было всего три овина, и то один из них, самый лучший, по распоряжению правления сожжен на дрова...

Все эти факты говорят о нежелании “...” работать и его нежелание направлено на срыв весеннего сева.

Сельсовету надо немедленно оздоровить руководство колхоза. Бояринова»⁵⁶.

Там же, чуть позже: «В колхозе “Красное знамя” без перемен.

Много писалось в газете “Руднянский колхозник” о недостатках в колхозе “Красное Знамя” Зарубинского сельсовета. Однако, ни правление колхоза, ни сельский совет ничего не сделали для того, чтобы устранить эти недостатки. Теперь там очень тревожное положение.

Лен, ячмень и рожь уже созрели, а уборка их начинается с опозданием. Нет ни одного серпа. Труд не организован; на сеноуборке работает по 60 человек вместе; норму выполняют только наполовину, а качество уборки сена никуда негодное; почти половина сена остается на лугу.

Сено складывают в сарай с дырявыми крышами, потому что своевременно не отремонтировали. Нет ни одного нормального овина: все они с дырявыми крышами, разваленными печами и без ворот. Куда только думают убирать урожай руководители колхоза?

Льномолотилки “Эдди” нет ни одной. Льномальная машина с осени прошлого стоит под открытым небом и ржавеет.

Нет плана уборочной. Ни один колхозник не знает, что он будет делать и даже не знает, сколько он выработал трудодней, потому что за апрель еще не записаны трудодни.

Председатель колхоза "... с бригадами почти ежедневно пьянствует. Этот тревожный сигнал должен заставить райзо серьезно заняться не только руководителями колхоза, но сельского совета. Ефимов И.». (Имя корреспондента опять, конечно, вымышленное)⁵⁷.

Председателя колхоза сменили на очередного, но хозяйствовать лучше колхоз не стал. Через месяц статья в той же газете: «С косьюбой и уборкой не спешат». «Во многих колхозах кончают уборку. Уже приступают к жатве зерновых. В колхозе "Красное Знамя" Зарубинского сельсовета с косьюбой и уборкой не спешат. Много еще не скошено. Скошенное же сено не убирают и некуда убирать. Сеновалы не отремонтированы, в некоторых дырявые крыши, точно решето. Только часть сена заготовлена.

Такой ценный корм, как клевер, и тот уже второй месяц лежит на поле необранным, теряя свои качества, к силосованию кормов еще не приступили.

Поспели рожь, ячмень, лен. В некоторых местах колосья ржи начали уже осыпаться. И до сих пор к уборке ржи, ячменя и льна не приступают. Правление колхоза во главе с председателем "... даже не знает, сколько и в достаточном ли количестве имеется серпов.

Плохо поставлен и учет труда на уборке. По целым неделям не ведется запись в трудовых книжках. В колхозе вовсе не практикуется индивидуально прогрессивная сдельщина. И. Ефимов»⁵⁸.

Между тем, так работал не только наш колхоз. Так работали все крестьяне. В данном случае нашелся очень въедливый корреспондент, преследующий какие-то свои цели, изнурявший себя рискованной и неблагодарной работой.

Учитывая подобное положение дел в экономике деревни, необходимо было или менять колхозников, или же изменять систему производственных отношений. Но партия большевиков не для того устраивала государственный переворот в 1917 году, чтобы дать волю крестьянину, дать ему землю, дать ему самому быть хозяином на данной земле. А поскольку других более сознательных колхозников большевики не имели, они принялись менять сознание темной крестьянской массы посредством кнута и пряника, ну и, само собой разумеется, идеологического промывания мозгов. Делалась ставка в основном на молодежь, поскольку старшее поколение являло собой безнадежно испорченный материал, не поддающийся переделке. Подростающее поколение как более восприимчивое подавало надежды в усвоении идеологии, соответствующей требованиям Великого утопического учения.

Как только в районе более или менее стабилизировалась обстановка с образованием колхозов, партийные и советские органы принялись наводить в них порядок. О весеннем севе уже упоминалось в данном очерке. Некоторые примеры 1935 года. Обком партии в стиле фронтовых приказов начал диктовать райкомам, а те в свою очередь сельсоветам и колхозам, когда и как проводить сев озимых культур. Так для северной полосы области сев следовало провести с 15 по 25 августа, для юга – с 25 августа по 5 сентября. При этом директивно задавалась глубина вспашки, которую должны были проверять специальные уполномоченные сельсоветов, о чем следовало составлять акты. Потрясающе! Руднянскому району также указывалось, что сеять следовало культиваторными сеялками на площади 180 000 га, в том числе по колхозам МТС – 109 680 га, из них тракторными сеялками 53 570 га⁵⁹. Руководящие заклинания обкома партии и передовая агрономическая наука, основанная на марксистско-ленинском учении,

все же оказались слабее законов природы и экономики. Так, озимой ржи по области в среднем собрали по 8,4 ц. с гектара; пшеницы – по 8,9 ц.; яровой ржи – 7,1 ц.; яровой пшеницы – 8,5 ц.; овса – 10,1 ц.; ячменя – 9,6 ц.; проса – 5,8 ц.; гречихи – 5,7 ц.; гороха – 9,7 ц. Примерно в эти же годы в европейских странах урожайность зерновых составляла 14–16 ц. с гектара⁶⁰.

Однако и такому урожаю мужик не был рад. Хлеб уходил за границу. Сталинская пятилетка требовала все больших темпов индустриализации. Валюта, полученная за хлеб, уходила на строительство заводов-гигантов, в том числе Харьковского тракторного завода, трактора которого уже начали поступать в хозяйства. В 1935 году на МТС Руднянского района поступило до двух десятков единиц техники. Но хлеб, выращенный при помощи использования тракторов, опять уходил за границу. Страна готовилась к войне, и нужно было развивать еще и оборонную промышленность. В начале войны 1941–1945 годов гитлеровцы долго еще будут воевать на захваченных у нас танках и стрелять из наших орудий, изготовленных в годы пятилеток. Советское оружие превосходило по многим характеристикам оружие, бывшее в начальный период войны в германской армии.

На 1935 год району довели план по заготовке сена 2 700 тонн. Лен должен быть сдан в количестве 14 632 ц. В 1936 году до колхоза довели задание на посев пшеницы, ржи, ячменя, овса, гречихи, проса, вики на зерно, люпина на зерно, льна, конопли, вики на сено, картофеля. Зато по окончании года мужик нашего колхоза мог получить на один трудодень 1,7 кг ржи; 460 гр. ячменя; 50 гр. гороха; картофеля 1 кг 150 гр.⁶¹.

Каково пропитаться, если у кормильца семья 6-7 человек? Но это государство дало крестьянину фору. Следующие годы кормиться семьи в деревнях будут исключительно с собственного огорода и подворья. Таким же директивным порядком: постановлением от 7 июля 1935 года и разосланном в строго секретном документе обком обязывал ликвидировать бескоровность личных хозяйств путем наделения их телками. Весь собственный скот мужик пустил под нож еще на заре коллективизации, теперь следовало выправлять положение. Корова в крестьянском дворе – это фабрика или завод по производству продуктов питания, и только ею жива деревенская семья. В колхозе предстояла бесплатная работа, и подданные страны советов без еды чего доброго могли того... К вопросу бескоровности придется еще обратиться в конце данной главы.

К середине 30-х годов на территории Совета уже имелась более или менее развитая инфраструктура. Действовали две школы крестьянской молодежи 1-й ступени, одна из них в деревне Гвоздевицы; отделение сельского потребительского общества; свой сыроваренный завод, хотя, может быть, это громко сказано; агентство связи – почта; магазин; ветеринарный пункт⁶².

Некоторое внимание стоит уделить также роли средств массовой информации в деле формирования советского мировоззрения масс, на связь руководства разных уровней с населением. Кто-то из классиков марксизма сказал, что газета есть приводной ремень партии к народу, или что-то в этом роде. Это действительно так. Особенно важно для власти проследивать жизнь простых людей в период больших преобразований. И если центральная пресса вела себя солидно, не опускаясь до мелких дрызг, то местные средства массовой информации были в самой гуще конфликтов, разборок и вообще освещали самую повседневную жизнь районного масштаба. Крестьяне часто выносили свои раздоры за пределы деревни, жаловались местным властям, писали ходатайства и доносы. В 30-е гг. поток жалоб и доносов из деревни принял поистине беспрецедентные

размеры. Это объяснялось не только повышением уровня грамотности (в Советском Союзе в начале десятилетия на селе грамотными были менее 70 % мужчин, не достигших 50 лет, и менее 40 % женщин, а в конце – 85–90 % мужчин и более 70 % женщин), но и сильнейшим поощрением со стороны властей индивидуальных обращений.

Советские руководители 30-х годов считали их важным каналом информации снизу, компенсирующим недостаточное административное присутствие государства в сельской местности. В этой единственной области жизни режим, обычно пренебрегавший (в лучшем случае) интересами и нуждами крестьян, проявлял чрезвычайную отзывчивость. Руководство читало письма крестьян, проводило расследования по их жалобам и зачастую действовало на основании их доносов. Доносы на должностных лиц, в особенности на председателей колхозов, в таком большом количестве посылавшиеся крестьянами в газеты, в местные и центральные органы власти, можно сравнить с жалобами на управляющего поместьем при крепостном праве, которые крестьяне слали хозяину поместья в Петербург или Москву. Но для этого вида жалоб существовал прецедент и в советское время. В 20-е годы советская власть еще считала неудобным поощрять доносительство, напоминая о старом режиме. Она создала институт «сельских корреспондентов» (селькоров) – внештатных деревенских добровольцев, регулярно писавших для советских газет заметки с разоблачениями преступлений местных кулаков, разложившихся чиновников и священников.

Селькорами 20-х годов часто были учителя и другие лица которые сотрудничали с советской властью (и тем самым порывали с «отсталой» деревней), следуя своим идеологическим убеждениям. В 30-е годы термин «селькор» стал употребляться весьма вольно, пока, наконец, различие между селькорами и обычными авторами крестьянских писем совершенно не исчезло. Лишившись идеологической убежденности, письма с разоблачениями из деревни свелись к доносам и стали общепринятым оружием, используемым в деревенских склоках. Крестьяне быстро усвоили, какого рода обвинения вызывали автоматическую реакцию властей. «Связь с кулаками» служила излюбленным мотивом обвинений и контробвинений до периода Большого Террора, когда общим местом стали «связь с врагами народа» и расплывчатое понятие «троцкистская контрреволюционная деятельность». Подобные «идеологические» обвинения, как правило, сопровождались более конкретными, такими как обвинение в расхищении или злоупотреблении колхозными фондами. Расследования, провоцируемые этими письмами, сплошь и рядом заканчивались арестами, уголовным преследованием и смещением колхозных должностных лиц и сельских руководителей низшего звена со своих постов.

В помощь подвижникам пера и бумаги Прокуратура СССР 3 декабря 1933 года направило в прокуратуры на местах письмо о всемерной защите селькоров силой закона⁶³.

Преследовавших их лиц предлагалось предавать суду по статьям УК, предусматривавшим ответственность за противодействие колхозному строительству, или увольнять от должности, если зажим корреспондента происходил от должностного лица.

Однако из предосторожности любители острых слов на всякий случай продолжали прятаться под псевдонимами или вымышленными именами.

Об обязательной регистрации радиоприемников. Государство бдительно следило также, даже не могу представить себе по какой причине, и за тем, чтобы все жители района, имевшие радиоприемники, их регистрировали. Ну, какие вражеские голоса,

способные стать идеологическим оружием, мог услышать крестьянин, имевший устройство, претендующее называться радиоприемником? И имели ли их крестьяне? (Помню, у нас в деревне они стали появляться лишь в середине 50-х годов). Тем не менее, в соответствии с постановлением СНК СССР от 29 июня 1934 года «О трансляционных радиоузлах, трансляционных радиоточках и радиоприемниках» Руднянский райисполком обязал лиц, имевших эфирные приемники, как сформулировано в постановлении, зарегистрировать их в сельских советах. С владельцев ламповых и детекторных радиоприемников взималась абонементная плата за «радиослушание» в пользу Всесоюзного Радиокomiteта в следующих размерах: а) за детекторный радиоприемник. 3 руб. в год б) за ламповый радиоприемник индивидуального пользования 24 руб. в) за ламповый радиоприемник коллективного пользования 36 руб.⁶⁴

Да что там радиоприемники, велосипеды жители деревни тоже должны были регистрировать.

Вопросы народного образования. Отдельно нужно осветить вопрос народного образования на селе. Процесс становления школьного образования в первые два десятка лет Советской власти был следующий.

Всероссийским органом по руководству и управлению народным образованием стал Наркомат просвещения, в ведение которого перешли учебные заведения всех ведомств. В июне 1918 года СНК РСФСР принял «Положение об организации дела народного образования в Российской республике». Важнейшее значение имело «Положение о единой трудовой школе РСФСР» (опубликовано 16 октября 1918), в соответствии с которым создавалась единая трудовая 9-летняя школа, состоящая из 2 ступеней, для детей и подростков в возрасте 8–17 лет, с бесплатным и совместным обучением детей обоего пола на родном языке.

С 1923/1924 учебного года в сельских местностях на базе школы I ступени стали возникать школы крестьянской молодежи (ШКМ) с трехлетним сроком обучения. (Такая школа была открыта в селе Зарубинки). Основная цель этих школ состояла в том, чтобы подготовить из сельской молодежи культурных земледельцев и хороших общественников. Помимо общеобразовательных предметов, в объеме семилетней школы, в учебные планы ШКМ включались предметы по агрономии. В период коллективизации эти школы преобразованы в школы колхозной молодежи. Они просуществовали до 1934 года как основные общеобразовательные школы на селе.

ЦИК и СНК от 14 августа и ВЦИК и СНК РСФСР от 10 августа 1930 года ввел на территории республики всеобщее обязательное начальное обучение. Во исполнение данного акта Президиум Западного Областного Исполкома принял свое постановление по данному вопросу, где вводил на территории области всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте 8, 9, 10, лет. Одновременно постановление обязывало всех родителей, имеющих детей указанного возраста, определить таковых в школу первой ступени, а детей в возрасте от 11 до 15 лет, не прошедших курса начальной школы, определить в организуемые при школах 2-годичные и 1-годичные школы-курсы. Родители виновные в нарушении настоящего обязательного постановления, подлежали ответственности в административном порядке: в сельской местности – предупреждению; штрафу в размере до 10 рублей, а при неуплате – принудительным работам на срок до одной недели. Надо думать, меры, принятые областным руководством, дали результаты.

К 1932 году грамотность крестьян в возрасте 8–49 лет превысила 66 %. В каждом сельсовете Смоленщины была своя изба-читальня, работали библиотеки⁶⁵.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» (15 мая 1934) средняя общеобразовательная школа была унифицирована: стала 10-летней с разделением на начальную (4 года), неполную среднюю (7 лет) и среднюю (10 лет).

10 апреля 1936 года Постановлением ЦИКа СНК введены персональные звания для учителей начальных и средних школ. Термин «Шкраб» ушел в прошлое. Теперь есть «учитель начальной школы»; «учитель средней школы»; «заслуженный учитель школы». Преподавать в школах отныне могли только учителя, которым данное звание присвоено народными комиссарами просвещения союзных республик по представлению заведующих краевых, областных, городских и районных отделов народного образования. Присвоение звания производилось лишь после окончания соответствующего педагогического учебного заведения. Однако, положение к лучшему мало изменилось и в 30-е годы. Хотя РИК и принимал постановления о ликвидации задолженности по продовольственному снабжению и зарплате работников просвещения, но оно так и не было выполнено. Значительное внимание в эти годы уделялось внедрению в школах социалистического соревнования, стахановского метода и распространению подписки на государственные займы.

Таким образом, в принципе почти все крестьянские дети в конце 30-х годов могли получить, по меньшей мере, семилетнее образование, а не четырехлетнее, как в начале десятилетия. Со временем недовольство крестьян по поводу обязательного образования сосредоточилось, главным образом, на его стоимости. Обучение в старших классах, вузах и техникумах с 1940 года стало платным. Причем, суммы оплаты были достаточно значительными. Отсюда некоторая элитарность образования. Не каждый крестьянин или рабочий мог позволить себе обучать своих детей в старших классах или обеспечить им дальнейшее образование. Возможно, тут был умысел и, скорее всего, был. Номенклатура и чиновничество в данном вопросе проблем не испытывала. Их дети получали как среднее, так и высшее образование. Не понятен истинный смысл такой политики государства в отношении платности обучения. Введение платности происходило, как водилось, с провозглашения партией и правительством заботы о благе населения⁶⁶.

Распространение образования на селе в значительной степени финансировалось за счет нового налога – культурного (культжилсбор), введенного в 1931 году и легшего на крестьянство нелегким бременем (он составлял от 15 до 80 руб. со двора, причем, средний крестьянский двор платил в счет культурного налога почти столько же, сколько в счет сельхозналога). Сверх того, крестьянам приходилось оплачивать ремонт школы и прочие, связанные с ее содержанием расходы путем «самообложения»: эта форма местного налогообложения крестьянства в 30-е годы не сохранила даже видимости добровольности, присущей ей в 20-е, и была крайне непопулярна. Колхозные дворы в 1934 году платили по самообложению от 5 до 20 руб. Наконец, крестьяне оплачивали из своего кармана учебники и письменные принадлежности для своих детей и должны были обеспечивать их одеждой и обувью, чтобы они могли ходить в школу.

Благосостояние сельской школы в значительной степени зависело от отношения председателя сельсовета к нуждам народного образования. До 1936 года сельский же совет выплачивал заработную плату учителям школ, расположенных на его территории.

После 1936 года зарплату педагогическим работникам начал выплачивать районный отдел народного образования (РАЙОНО). Также положение школы зависело от благорасположения председателя колхоза. Но всем им нужды школы были, как правило, чужды. С указанных руководителей государство требовало в первую очередь выполнение планов поставок сельхозпродукции. Школа являлась второстепенным делом.

На отсутствие желания со стороны центральных властей поднять статус учителя сельской школы указало и совместное постановление ЦИК СССР и ЦК ВКП(б) «О приусадебных участках рабочих и служащих, сельских учителей, агрономов и других не членов колхозов, проживающих в сельской местности», принятое в июле 1939 года⁶⁷.

Данный документ устанавливал предельный размер земельного участка для указанной категории лиц в 0,15 гектара, включая площадь, занятую постройками. При этом сельский учитель мог получить земельный участок в пользование лишь в том случае, если колхоз имел в своем распоряжении свободные земли в приусадебном фонде. Не знаю, как в других местностях, но на территории нашего сельского совета ни один школьный учитель не имел в пользовании земельных участков. Противниками предоставления земли являлись сами колхозники. Они ведь за свой труд зарплату не получали, денег не имели вообще, проживали в вопиющей бедности, поэтому им представлялось, что народный учитель станет зажиточным при наличии и зарплаты, пусть и небольшой, и земельного надела. Принцип справедливости требовал жить равно всем в бедности, как учителям, так и колхозникам. Чтобы как-то свести концы с концами педагоги, вероятно, с молчаливого согласия районного отдела народного образования, использовали для собственных нужд небольшие земельные участки школ, предназначенные, согласно учебным программам, к приобщению школьников к сельскому труду.

Вездесущее ОГПУ отслеживало ситуацию, касающуюся вопроса образования, и в нашем районе. Так, в городе Рудня на одном из совещаний комсода (вероятно, комитет содействия. Прим. авт.), где присутствовало около 300 крестьян, обсуждался вопрос о школе. Рудня имела школу-девятилетку. Как отмечается в докладе уполномоченного ОГПУ: «... Из прений можно было установить, что присутствовавшая публика была зачужденной учительством заражена против советской власти, как например: ученик, окончивший 9-летнюю школу, некто Пушкарёв, любимец и воспитанник учителей Липицкого и Волчкова, выступая в прениях, и начинает говорить совершенно не по отчету комсода, а крыть советскую власть и партию, обвиняя в неправильности проведения политики при приеме учеников в учебные заведения, говоря о том, что в советской власти крестьянину, особенно бедняку и батраку, не дается возможность поступать учиться, приводил откуда-то взятые цифры, которые как будто свидетельствуют о том, что в учебных заведениях учатся только дети зажиточных... и вообще чуждого нам элемента. Далее выступающий Пушкарёв сравнил политику советской власти и партии с политикой английских лордов над Китайским рабочим и крестьянином, говоря, что английская буржуазия не дает возможности жить рабочему и крестьянину Китая, задушая их налогами и разными податями и за ихние деньги не дают им никакого просвещения, так же делает и советская власть над нашим крестьянином, которая душит нас налогами, а если хочешь учиться, то еще плати налог, и бывают случаи, что и платишь налог, но не добьешься все равно учиться. Выступление Пушкарёва было принято аплодисментами всего зала....»⁶⁸

Реакция собравшихся крестьян на выступление оратора показывает несогласие определенной части населения с проводимой правительством политикой в области народного просвещения.

Однако, что ни говори, но путь к образованию закрыт не был. И пусть родители большей частью ворчали по этому поводу, отказывали себе во многих материальных благах, думается, что многие выросшие дети впоследствии вспоминали о них с благодарностью. В деревне Гвоздевицы в 20-х годах школы не было, и моему отцу с 1922 по 1926 годы пришлось учиться в Зарубинской начальной школ. С 1926 по 1929 год, Каспьянской семилетней школе, которая находилась в 18 километрах от нашей деревни. С 1929 по 1932 год – в Вяземском техникуме педагогики. В 1933 году – в Томском педагогическом институте, после чего в учительском институте Великого Новгорода.

В общеобразовательных школах, расположенных на территории Зарубинского сельсовета, в 1936 году обучалось 723 человека. Не берусь судить, насколько достоверны данные, приведенные в прессе. По всей видимости, в отчет о количестве учащихся попали и колхозники, обучавшиеся на курсах ликбеза⁶⁹.

Тем не менее, например, дети колхозников: Клим Петрушенков на тот момент уже окончил горный институт, Кривцов Тарас – сельскохозяйственный институт, Подвалков Максим – комвуз, стал директором МТС. Животков Михаил обучался в пединституте. Еще несколько детей обучались или уже окончили средние специальные учебные заведения, а также рабфаки. Все это парни и девушки наших деревень.

Начиная с 1935 года, в стране раскручивался маховик репрессий. Школа не могла остаться от этого в стороне. Проводились закрытые комсомольские собрания, на которых членам ВЛКСМ давались задания следить за каким-нибудь человеком, докладывать о своих товарищах. Затронули репрессии и учителей. С учителей при аттестации требовались не столько знания по педагогике, сколько «Краткого курса истории ВКП (б)». Значительной фальсификации подвергались история и другие гуманитарные науки. В 1935 году в связи с разоблачением Троцкистско-Зиновьевской «контрреволюционной» группы из областного отдела народного образования в школы довели список об изъятии 43 наименований работ оппозиционных авторов. В течение 1935–1937 годов учителям не раз приходилось вымарывать из учебников очередных «врагов народа»: Каменева, Бухарина, Тухачевского, Блюхера и др. Естественно, это отражалось на учебно-воспитательном процессе учащихся. Несмотря на все трудности, учителя наших школ продолжали свой подвижнический труд.

Несколько слов о детских домах области. Поскольку к указанному периоду времени в избытии стали появляться «враги народа», то подобное явление не могло не отразиться на детской беспризорности. И вот в каких условиях воспитывалось поколение отверженных.

Докладная записка отдела школ Запобкома ВКП(б) о состоянии детских домов по области. 1936 год

5 января, по предложению президиума облисполкома, облоно созвало совещание по детским домам, на котором были заслушаны доклады четырех предгорсоветов: Рославля, Вязьмы, Гжатска и Белого, – и отдельных заведующих детдомами с содокладами товарищей, производивших обследование.

На этом совещании было вскрыто, что состояние детских домов по районам области после значительного улучшения их состояния в связи с решением обкома от 14 июля 1935 года за последнее время снова ухудшилось. Внимание к этому делу со стороны райкомов партии, горсоветов и райисполкомов значительно ослабло.

Вот отдельные факты, говорящие об этом.

Демидовский детдом (школьный) – 113 детей.

Ремонт дома горсоветом не был своевременно закончен. Не отремонтирована кухня, столовая, печи, не покрашены полы. Санитарное состояние скверное. Из уборной по всему дому разносится запах. Уборная холодная с обледенелым сидением, в связи с чем мальчишки устроили уборную у себя в спальне прямо на полу.

Белья одна смена. Меняется один раз в месяц. Ребята грязные, вшивые. В баню детей водят один раз в месяц. В доме холодно. Ребята целый день ходят в пальто. Полы грязные. Воспитательная работа отсутствует. Клуб не оборудован. Радио нет. Лыж, санок, коньков нет. Производственные мастерские не оборудованы – столлярная всего на 13 человек. Инструментов не хватает, хотя у заведующего домом к моменту обследования имелось две с половиной тысячи денег на оборудование мастерских.

Шествует над детдомом НКВД, но в жизни детдома участия не принимает. Пионер-работа отсутствует. Дисциплины нет. По заявлению предгорсовета, дети учатся в школе плохо, отстают от нормальной школы, уроков не учат. Наблюдения за этим делом со стороны воспитателей нет⁷⁰.

В связи атмосферой подозрительности и поисками врагов народа, в том числе и в нашей местности вспоминается случай, произошедший с автором данных строк, правда, уже в 1954 году, в период обучения в начальной школе деревни Гвоздевицы. Друг всех детей уже был мертв, но буквари с портретами вождей еще продолжали применяться в качестве учебников. И вот, имея под руками цветные карандаши, мне пришлось в голову подкрасить портрет товарища Сталина, помещенный на букваре, хотя он был выполнен в цвете. Подкрасил усы, еще что-то, и в таком виде букварь попал в руки учительницы. Нужно было видеть выражение ее лица. Целый час она выпытывала – кто надоумил меня совершить террористический акт в отношении вождя? Может быть, родители? И плохо пришлось бы отцу за воспитание сына-диверсанта, несмотря на то, что он был директором Зарубинской семилетней школы, а может быть, как раз за это, если бы у его сына вырвали признание в совершении государственного преступления по наущению. Многие с нежностью и теплотой вспоминают своих первых учителей. Я тоже вспоминаю, но сначала всплывает в памяти данный случай.

Школа-четырёхлетка в нашей деревне построена к середине тридцатых годов. В конце 30-х – начале 40-х годов начали строить Гвоздевицкую семилетнюю школу, однако началась война с Германией 1941–1945 годов. Территория попала под оккупацию. После войны открыли школу-четырёхлетку, которая просуществовала до 70-х годов XX столетия. Затем наступил демографический кризис, в школе некого стало учить, и ее окончательно закрыли.

После Великой Отечественной войны 1941–1945 годов возникли новые типы образовательных учреждений: средние общеобразовательные школы – школы рабочей молодежи и школы сельской молодежи, а также суворовские училища и нахимовские училища. Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (1958) взамен семилетнего было введено обязательное восьмилетнее образование детей от 7 до 15–16 лет.

Установление ответственности за незаконный помол зерна. 1934 год ознаменовался еще одним походом власти на наши деревни. В июле того года вышло постановление СНК СССР «Об улучшении работы мельниц сельскохозяйственного мукомолья и борьбе с тайным помолом»⁷¹.

Мельница в округе была в деревне Латоры, на реке Клец. Туда жители окрестных селений должны были свозить на помол ячмень и рожь, выращенные на приусадебных участках. Хлеб тогда в магазинах не рос. И вот, привозя хлеб на помол, деревенский мужик сразу попадал на карандаш заготовителя. За помол он должен был платить так называемый гарнцевый сбор. Иными словами, платил за помол частью своего урожая. Всего в 1935 году Руднянскому району спустили план на 700 тонн гарнцевого зерна. В других местах, кроме как на данной мельнице, молотить зерно в муку или крупу он не имел права. Таким образом, мужик дешифровывал себя, показывая, что зерно у него есть. В принципе, это не имело значения, хлеба у крестьянина в любом случае до нового урожая не хватало. Селяне стали прибегать к хитрости. Мололи зерно на ручных мельницах, установленных в одном из крестьянских дворов. Это были жернова, приводимые в движение при помощи физической силы того же крестьянина. Устанавливались два каменных круга. Одни из них неподвижный, другой при помощи нехитрого приспособления вращали вокруг своей оси.

Почему автор показывает знание данного предмета, а потому, что одна из таких точек находилась в доме моей бабушки. И вот, сельсовет, пропустив вниманием первую часть постановления «об улучшении работы мельниц», сразу перешел ко второй части, где говорилось о «борьбе с тайным помолом». Пошли налеты на дворы. Но разве есть на свете кто-либо хитрее русского мужика. Весть о приезде комиссии прилетала в деревню раньше, чем мысль о создании комиссии созревала в голове председателя сельсовета. Мельницы маскировали по всем правилам деревенской конспирации. Но дело не шуточное. За тайный помол была установлена уголовная ответственность. Вероятно, прошел ряд уголовных процессов по тайному помолу, прежде чем прокуратура РСФСР не разъяснила, что использование ручных приборов для помола зерна трудящимися для своего личного потребления не должно преследоваться в уголовном порядке. Борьба с этим явлением, к большой досаде местных властей, должна была вестись путем разъяснительной работы и улучшения работы сети мельниц⁷².

Но и тут допускалось возможное для соответствующего политического момента толкование статьи закона. Если, например, один сосед приносил свое зерно другому соседу на помол, то данное обстоятельство вполне могло квалифицироваться как открытие частной мельницы. И добросердечному соседу по статье 58-7 УК РСФСР грозили его законные не ниже трех лет лишения свободы. И потом, что такое разъяснительная работа среди населения? А это то, что крестьянину разъясняли, как неправильно он поступает, затем грузили жернова на дроги и увозили их.

Борьба с тайным помолом зерна населением имела продолжение. Крестьянин не оценил должным образом гуманное отношения к себе. Тут государство в лице Прокурора СССР т. Вышинского не стерпело. 20 августа 1937 года последовало новое указание. Теперь за производство тайного помола зерна трудящимися ручным способом для личных потребностей предлагалось привлекать виновных по ст. ст. 16 и 105 ч. 1 УК РСФСР.

На всякий случай следует посмотреть, что означают данные статьи. Сейчас для этого есть возможность, в отличие от тех времен, когда уголовный кодекс имел не каждый следователь, прокурор или судья, а мужик знал, что все равно за что-либо, но накажут. К слову, правоохранители в то время свободно обходились без кодексов. Закон им заменяло революционное правосознание.

Итак. Статья 16 УК: «Если то или иное общественно опасное действие прямо не предусмотрено настоящим Кодексом, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям Кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления». Статья 105 УК РСФСР гласила: «Нарушение правил, регулирующих торговлю, если в них специально не оговорено преследование в административном порядке, – принудительные работы на срок до одного года или штраф до двух тысяч рублей»⁷³.

Таким образом, видим, что разъяснение прокурора СССР ни в какие ворота не шло. Но поскольку нельзя, а очень хочется – то можно. И что удивительно: наши крестьяне, будучи фаталистами, на грозное предупреждение никакого внимания не обратили, продолжали по домам размалывать зерно. Голод не тетка.

После начала освоения целинных земель в период нахождения у власти Никиты Хрущева, за что ему следует сказать спасибо, в сельпо на продажу стала поступать мука. Поступала в продажу она и раньше, в сталинские времена тоже, но сколько? В середине 50-х годов появилась возможность однократно купить целый мешок муки. Хлеб, как обычно, выпекался в домашней печке. Тем не менее, до 60-х годов XX века из предосторожности, работа ручных мельниц в деревне не раскрывалась. Потом хлеб стал расти в магазинах. До сих пор в родне вспоминаем времена, когда мы, детвора, ходили в поселок Голынки, сидели у хлебопекарни и ждали окончания выпечки и начала продажи сказочно ароматного хлеба. Какой хлеб выпекали мастерицы – пекари в полуразрушенной хлебопекарне!

А ручную мельницу бабушка все-таки не уберегла. В конце 50-х годов из сельсовета приехали некие товарищи, погрузили жернова на телегу и увезли. Возможно, кому-то из сельсоветчиков понадобился камень на фундамент строящегося дома. К этому времени подобным социально опасным способом молоть муку из зерна в деревне уже практически перестали. Таким образом, ущерб, наносимый деревней государству, значительно снизился. В продаже появилась готовая мука. В связи с данным обстоятельством у крестьян отпала необходимость высевать рожь на своих приусадебных участках.

Сельскохозяйственные обязательства деревни перед государством. Основной формой учета и оплаты труда колхозников в 30-х годах стал трудодень. Что такое трудодень? Это виртуальная мера оценки и форма учета количества и качества труда колхозников. Счетоводы колхозов определяли расценки на виды работ, существовавших в колхозе. В среднем за один день работы колхознику начислялся один трудодень. Но сам по себе трудодень ничего не стоил. Это только «палочки» в трудовой книжке колхозника, проставленные бригадиром в конце рабочей недели. По окончании хозяйственного года из валового дохода колхоза удерживались заведомо невыполнимые обязательные выплаты в пользу государства и организаций, так или иначе прилепившихся к колхозному пирогу (например, МТС). Распределение продукции осуществлялось в такой последовательности:

а) выполнялись обязательства перед государством по поставкам и возврату семенных ссуд, расплачивались натурой с машинно-тракторной станцией за работу МТС в соответствии с заключенным договором, имеющим силу закона, и выполняли договоры о контрактации;

б) засыпали семена для посева и фураж для прокорма скота на всю годовую потребность, а также для страховки от неурожая и бескормицы, создавали неприкосновенные,

возобновляемые ежегодно семенной и кормовой фонды в размере 10–15 процентов годовой потребности;

в) создавали, по решению общего собрания, фонды помощи инвалидам, старикам, временно потерявшим трудоспособность, нуждающимся семьям красноармейцев, на содержание детских яслей и сирот – все это в размере не выше 2 процентов валовой продукции;

г) выделяли в размерах, определяемых общим собранием членов артели, часть продуктов для продажи государству или на рынок;

д) всю остальную массу урожая артели и продуктов ее животноводства артель распределяла в соответствии с количеством выработанных ими трудодней (то есть дней выхода на работу в течение года). Один отработанный в колхозе день мог быть засчитан как два или как полдня при разной квалификации колхозников. Больше всего трудодней зарабатывали кузнецы, механизаторы, руководящий состав колхозной администрации. Меньше всего зарабатывали колхозники на общих работах⁷⁴.

В тридцатые годы наш колхоз «Красное знамя» сам оставался должен государству. Вопрос об оплате за изнурительный сельскохозяйственный труд в течение года, таким образом, отпадал сам собой. На следующий год картина повторялась с той лишь разницей, что колхозу не только необходимо было выполнить те же самые обязательства, но и, кроме того, восполнить задолженность за прошлый год. Государство ставило колхозы на счетчик. Так и шло пока, наконец, пришедшие к власти в середине 50-х годов XX столетия Георгий Маленков и Никита Хрущёв не списали недоимки.

Главной сельскохозяйственной культурой в колхозе являлся лен. Зерновые и картофель выращивались тоже, но урожаи их не были высокими. И вот чтобы как-то стимулировать труд подневольных, государство к оглоблям колхозов привязывало стимул. На Востоке и Кавказе находчивые аксакалы на палку перед ртом ишака привязывают морковку – ишак тянется к морковке и тащит при этом арбу. Так поступили и с колхозами в Руднянском районе. Например, в 1933 году за сдачу 1 центнера льноволокна высшего качества от заготовительных организаций предлагалось 1,60 центнеров хлеба. Единичники за тот же 1 центнер льноволокна могли получить 1,30 центнера хлеба. Когда бремя государственного давления ослабевало, колхозы иногда могли выдать членам сельхозартелей по итогам года по одному-два мешка зерна.

Лен сам по себе неприхотлив. Все, что ему нужно – продолжительный световой день. Однако получить из него высококачественную ткань не так просто. Веками технология обработки льна оставалась неизменной и основывалась на ручном труде. Вручную данную культуру обрабатывали и в 30-е годы. Сначала лен теребят, то есть выдергивают из земли, причем вместе с корнями. Затем его высушивают, сложив в небольшие скирды. Освобождают от семенных головок (очесывают) и молотят. После вышеуказанных процедур лен расстилают на траве для того, чтобы стебли намокли от росы. Роса активизирует микроорганизмы, живущие в стеблях льна. Микроорганизмы разрушают внутри растения клейкие вещества, что позволяет отделить волокно от древесной части стебля. Процесс размачивания льна росой может продолжаться несколько недель, в зависимости от погоды. Время от времени стебли льна нужно аккуратно переворачивать, чтобы процесс образования волокна шел равномерно. Полученное волокно (тресту) поднимают и сушат, а затем мнут и треплют, отделяя от костры – одеревеневшей части стебля. Трепанный лен расчесывают и вытягивают из него слегка закрученную тонкую ленту-ров-

ницу. В таком виде лен отправляли на льнозавод или заготовительный пункт. Как видим, это очень трудоемкий процесс, в силу чего обмен льноволокна на хлеб в тех пропорциях, в каких предлагало государство, являлся грабежом.

Кроме политики пряника, широко практиковалась политика кнута. Не имею в виду репрессии. В 30-е годы власти практиковали такой способ морального и одновременно материального стимулирования выполнения обязательств, как занесение на «красную доску» и на «черную доску» как колхозов, так и сельсоветов в целом. Выполнение обязательств по поставкам район требовал не только с председателей колхозов, но и с председателей сельсоветов и секретарей партячеек. Занесение на «черную доску» оформлялось постановлением президиума РИК и Райкома ВКП (б). «Черная метка» означала то, что в деревенские магазины сельпо переставали завозить товары даже в том скудном ассортименте, которые необходимы для поддержания жизни: керосин, мыло, спички, соль. Бывало, что получал «черную метку» и наш Зарубинский сельсовет как, например, в 1933 и 1934 годах. Санкции действовали до полного выполнения необходимых обязательств. Из 42 сельских Советов Руднянского района в те годы, пожалуй, не было ни одного, который был бы успешным во всех отношениях и не подвергался подобным взысканиям⁷⁵.

Кроме того, по приказу центральных органов весной 1931 года было проведено повышение цен на 20-25 % на товары советской торговли исключительно для крестьян.

1933 год в Западной области был неурожайный. В отдельных местах положение складывалось просто катастрофическое. По сообщению одного из соседних районов: *«В большинстве колхозов после выполнения государственных поставок пришлось на трудодень колхозникам крайне незначительное количество хлеба, а часть колхозов не выдала ни хлеба, ни картофеля. Население голодает с ноября месяца, питается травой папоротника, ржаной мякиной, половой, сеном. Родители бросают детей и уезжают. Учета смертности от голода не ведется. На кладбищах незарытые гробы. Люди опухли и истощены»*. В секретных сводках сообщалось о появлении людоедов⁷⁶.

Голод 1933 года в Западной области предотвращен все тем же ЦК партии, который «отпустил» 90 тыс. тонн хлеба и буквально «спас положение». Крестьянский протест против колхозного строя оказался по большей части вполне пассивный. Население, особенно отходнических районов, предпочитало переселяться в города. Переселение в Сибирь и на Украину, захватило Спас-Деменский, Ельнинский, Бярятинский, Масальский и Песоченский районы. В «плановом порядке» проходило переселение 6600 семей (39 300 чел.) на Украину в Днепропетровскую область. Но без всякого плана из Медынского района выбыло 20 % колхозников и 35 % единоличников. Стихийное переселение охватило 63 района, так что пришлось партийным органам возвращать людей со станций «к прежнему месту жительства и принятия к ним строжайших мер»⁷⁷.

Выходом из сложившегося положения стало установление паспортной системы. Прикрепление к земле в колхозах и совхозах оказалось новой формой крепостничества.

Еще во второй половине 1934 года в стране наблюдались очереди за продуктами питания и промтоварами. Постепенно на складах и базах страны создавались товарные запасы. И вот в конце 1934 года Пленум ЦК ВКП(б) постановил отменить карточную систему с 1 января 1935 года. Одновременно повышалась зарплата рабочих и служащих, повышались и пенсии. В городских магазинах появилось относительное изобилие. Все это дало основание т. Сталину в выступлении на Первом всесоюзном совещании ра-

бочих и работниц-стахановцев 07.12.1934 заявить: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее».

Но тут вспоминалась цитата из книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»: «А в бухгалтерии совхоза висел лозунг „Жить стало лучше, жить стало веселей“. (Сталин). И кто-то красным карандашом приписал „у“ – мол, СталинУ жить стало веселей. Вино-вника не искали – посадили всю бухгалтерию»⁷⁸.

К сожалению, наши деревни так и не узнали о наступившей благодати. Люди не имели денег, чтобы приобретать появляющиеся в продаже товары. А появлялись в торговых лавках райпо резиновые и кирзовые сапоги, телогрейки, керосин, соль, спички, хозяйственное мыло, керосиновые лампы, плотницкий инструмент ну и еще кое-что по мелочи. Могли появляться слипшиеся карамельки. Если появлялся сахар, то обязательно влажный. Находчивые продавцы увлажняли его для утяжеления и весовую разницу присваивали. Никакие статьи уголовного кодекса их не пугали. Еще продавали сахар кусочками, размером примерно с кулак. Не знаю, с чем это было связано.

О Зарубинской МТС. Примерный устав сельскохозяйственной артели принят в 1930 году, его новая редакция принята в 1935 году на Всесоюзном съезде колхозников-ударников. Земля закреплялась за артелью в бессрочное пользование, не подлежала ни купле-продаже, ни сдаче в аренду. Уставы определяли размеры приусадебной земли, находившейся в личном пользовании колхозного двора – от 1/4 до 1/2 га (в некоторых районах до 1 га). Определялось и количество скота, которое можно было содержать в личном хозяйстве колхозника.

Членами артели могли стать все трудящиеся, достигшие 16-летнего возраста, кроме бывших кулаков и лишенцев (то есть лишенных избирательных прав). Глава хозяйства – председатель – избирался общим голосованием. В помощь председателю избиралось правление колхоза. В сущности ничего нового в существовавшую у нас структуру управления колхозом новый Устав не внес.

Колхозы обязывались вести плановое хозяйство, расширять посевные площади, повышать урожайность и др. Для обслуживания колхозов созданы стационарные центры обслуживания и ремонта сельскохозяйственной техники.

В селе Зарубинки машинно-тракторная станция создана в середине 1937 года в порядке разукрупнения МТС, находившейся в районном центре – городе Рудне. Наличие ремонтно-технической базы, мастерских, самой тракторной техники делало село довольно крупным и значимым в масштабах района.

По состоянию на январь 1938 года, в Зарубинской МТС находилось 42 единицы самоходной техники. Некоторые из тракторов в виде металлолома сохранились до 50-х годов⁷⁹.

Кроме собственно денежной оплаты, машинисты молотилок стимулировались и натуральным продуктом. С каждой намолоченной тонны им полагалось 400–600 грамм зерна.

В районной печати опять метались стрелы в председателей колхозов и председателя сельсовета, но теперь добавилось и руководство МТС. В заметках отмечалось, что трактористы и ремонтники пьянствуют. Руководство, кстати, тоже. Часты пьяные драки. Быт рабочих не устроен. Заработную плату вовремя не выплачивают. Техника простаивает, не ремонтируется, ржавеет. В общем, все пороки существовавшей системы были налицо.

Борьба с разбазариванием колхозной земли. В 1935 году колхозникам в законодательном порядке разрешили торговать на рынке продуктами своего приусадебного участка, в результате чего у колхозников начало увеличиваться поголовье личного скота. Этим тут же воспользовались председатели колхозов и стали закупать у колхозников скот для пополнения колхозного стада, которое после голода 1932 года, не дотягивало до показателей доколхозного периода. Теперь у председателей появилась возможность указывать в сводках естественный прирост общественного поголовья. С колхозной землей, площадь которой в связи с укрупнением колхозов выросла настолько, что не только засеять, но и полностью убрать урожай стало проблемой, поступили обратным образом. Председатели колхозов, дабы избежать потерь от необранного урожая, стали сокращать посевные площади, а в отчетах указывали липовые данные. Пустующие колхозные земли они сдавали в личное пользование расторопным и хозяйственным колхозникам. Под заботливым уходом земля начала приносить доход. В целом по стране колхозные земли сократились, а подсобные хозяйства колхозников увеличились на 2,5 млн гектаров.

Произошло нечто подобное в нашем Руднянском районе. Уставом сельхозартели для колхозов района устанавливались приусадебные участки размером от 0,25 до 0,50 га при самой усадьбе колхозника. Но если приусадебная земля оказывалась недостаточно плодородной, то крестьянину выделялся участок за счет земли колхоза. Колхозникам, имевшим участки менее 0,25 га, прирезалась дополнительно земля опять же за счет колхоза. Крестьянин имел право иметь плодоносящий сад. Общая площадь надела не должна была превышать 0,75 га. Если колхозный двор делился путем выдела нового хозяйства, то новый землевладелец получал землю за счет колхозного фонда.

В результате к началу третьей пятилетки (1937–1943) почти 80 % приусадебных хозяйств поставляли свою продукцию на городские рынки. На их долю пришлось пятая часть всего продовольственного оборота страны. Преимущество индивидуального труда над коллективным оказалось неоспоримым. В Кремле ознакомились с положением дел в колхозном секторе и пришли в страшное негодование: на майском пленуме ЦК ВКП(б) 1939 года выяснилось, что колхозные приусадебные хозяйства приносят их владельцам по 15–20 тыс. руб. в год, что было заметно выше зарплат некоторых государственных чиновников высокого ранга. ВКП(б) усмотрела в увеличении приусадебных участков большую опасность, ведь улучшение материального положения колхозников происходило благодаря труду на личных приусадебных, а не на общественных землях. А это обстоятельство, в свою очередь, дискредитировало социально-экономическую основу колхозного строя⁸⁰.

Тут нужно заметить, что картина обогащения крестьян вышеуказанным способом к нашей местности не имела отношения. Здешние земли при любом уходе не способны принести богатство крестьянину. Если в черноземных районах страны и была подобная картина, то правительство ни за что не поверило бы, что это невозможно у нас на Смоленщине.

Забегая немного вперед, следует сказать, что *Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О МЕРАХ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ КОЛХОЗОВ ОТ РАЗБАЗАРИВАНИЯ»* положен конец наглому поведению колхозников:

1. Осудить как антипартийную и антигосударственную практику районных и областных партийных и советских организаций, правлений колхозов и земельных органов, допускающих нарушение Устава сельхозартели в области колхозного землепользова-

ния, выражающиеся в преступном разбазаривании общественных колхозных земель в пользу личных хозяйств колхозников.

2. Установить, что общественные земли колхозов являются неприкосновенными и их размеры ни при каких условиях не подлежат сокращению без особого разрешения правительства СССР, а могут быть только увеличены.

3. Всякая попытка урезать общественные земли колхоза в пользу личного хозяйства колхозников, а равно всякое увеличение приусадебных участков сверх размеров, предусмотренных Уставом сельхозартели, будут рассматриваться как уголовное преступление, а виновные будут подлежать привлечению к суду.

4. Установить, что секретари райкомов партии и председатели райисполкомов, а также другие партийные и советские работники, допускающие разбазаривание общественных колхозных земель и увеличение размеров приусадебных участков колхозников сверх предусмотренных Уставом норм, будут подлежать снятию с постов, исключению из партии и отдаче под суд как нарушители закона.

5. Колхозники, допускающие сдачу приусадебного участка в аренду или передачу его в пользование другим лицам, будут подлежать исключению из колхоза с лишением их приусадебных участков.

6. Председатели колхозов, допускающие сдачу сенокосов в колхозных полях и лугах, а также в лесах под индивидуальные сенокосы колхозников и лиц, не состоящих в колхозе, будут исключаться из колхоза и отдаваться под суд как нарушители закона.

7. Обязать ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы партии, СНК союзных и автономных республик, крайисполкомы и облисполкомы провести до 15 августа с.г. обмер всех приусадебных земель, находящихся в личном пользовании колхозников...

При этом: а) в соответствии с результатами обмера изъять из приусадебных земель колхозников и прирезать к общественным колхозным землям все излишки против норм, установленных в пункте втором Устава сельхозартели...;

б) все земли личного пользования колхозников, находящиеся в колхозных полях вне усадеб (левады, огороды, бахчи и т.п.), изъять из личного пользования и присоединить к общественным землям колхозов...;

в) **ликвидировать расположенные в общественных полях колхозов хуторские приусадебные участки колхозников**, имеющиеся в районах различных областей, в том числе в Белорусской ССР, Украинской ССР, **Смоленской**, Калининской, Ленинградской областей, и сселить этих колхозников к одному месту, наделив их приусадебными участками в местах сселения по уставным нормам. Закончить эту работу к 1 сентября 1940.

8. Ограничить полевую землю, находящуюся в пользовании единоличного крестьянского двора, в хлопковых районах – в поливных – десятью сотыми гектара, в неполивных – половиной гектара, в районах садово-огородных и свекловичных – половиной гектара, во всех остальных районах – до одного гектара, а приусадебный участок, находящийся в пользовании единоличного крестьянского двора, считая и землю, занятую под постройками, ограничить в поливных районах десятью сотыми гектара, во всех остальных районах – **двадцатью сотыми гектара**.

Все излишки земель против указанных норм как по полевой, так и по приусадебной земле единоличника прирезать к колхозным землям и обратить, главным образом, на пополнение приусадебного фонда колхоза....

9. Проведение мер по пунктам 7 (“а” и “б”) и 8 закончить не позднее 15 ноября 1939 года.

14. Ввиду того, что в колхозах имеются не только честные труженики, вырабатывающие от 200 до 600 и больше трудодней в году, составляющие подавляющее большинство колхозников и представляющие основную силу колхозного движения, но имеется также некоторая часть трудоспособных колхозников, вырабатывающих в течение года не более 20–30 трудодней, но продолжающих числиться колхозниками и сидящих на шее колхоза, – считать целесообразным установить с 1939 года для каждого трудоспособного колхозника и колхозницы обязательный минимум трудодней в году:

а) в размере 100 трудодней в хлопковых районах,

б) в размере **60 трудодней** в Московской, Ленинградской, Ивановской, Ярославской, Горьковской, Калининской, Вологодской, Тульской, Рязанской, **Смоленской**, Архангельской, Мурманской, Кировской, Пермской, Свердловской, Читинской областях, Хабаровском и Приморском краях, Карельской, Коми, Марийской и Якутской АССР, в высокогорных зерновых и животноводческих районах по списку Наркомзема СССР»⁸¹.

Постановление ЦК ВКП (б) окончательно подводило черту под хуторским способом ведения хозяйства. Размер земельных наделов для Смоленщины ограничивался 20 сотками. Вводился обязательный минимум выработки трудодней для наших мест – 60 трудодней. Крестьянам стало трудно дышать, не то, чтобы жить. Правда, впоследствии площадь земельных участков несколько увеличили.

Введение минимума трудодней позволило многим крестьянским дворам решать вопрос участия в сельскохозяйственной артели следующим образом: муж работал в поле на колхоз и старался выработать двойную норму трудодней, за себя и за жену. Женщины в таком случае занимались ведением личного домашнего хозяйства. Общественное мнение деревни считало такой порядок вполне справедливым. Семья при такой схеме имела шанс выжить. В 1936 году не только у нас в колхозе, но и в целом по области на трудодни колхозники не получили ни одного рубля.

Строго запрещалось выдавать колхозникам плату натурой («аванс») сразу после уборки урожая. Сельскохозяйственная артель обязана была рассчитаться в первую очередь с плановыми государственными поставками, и, лишь выполнив план, колхоз мог распределить часть урожая среди членов артели. На трудодни выдавали зерно, картофель, горох, другие продукты питания.

Вопросы сохранности зерна в государственных хранилищах.

ВЫПИСКА

Из протокола № 114 заседания Бюро Запкома ВКП(б) от ххх – 35 г.
О мероприятиях по сохранности зерна

1. Бюро Обкома считает совершенно неудовлетворительным положение с хранением зерна и муки, находящегося на складах Заготзерно. Значительное количество муки, прибывшее по внеобластному завозу, находится в бунтах и подвергается угрозе порчи вследствие ненадежного укрытия.

Огромная перегруженность складов зерном (в отдельных случаях зерно засыпано от 3 до 4 метров, вместо нормальных 1,5 метров) и отсутствие возможности подсортировки и подработки привели к тому, что зерно начало согреваться и портиться.

2. Бюро Обкома отмечает также то, что значительное количество зерна на складах Заготзерно находится в неудовлетворительном качественном состоянии – свыше 95 тысяч тонн зерна заражено клещом 1-й степени; 17255 тонн также 2-й степени, 98000 тонн зерна засоренного и 37000 тонн зерна влажного и сырого.

Особенно неблагоприятно положение с хранением и качественным состоянием зерна имеется в районах: Смоленском, где свыше 4000 тонн зерна сорного, влажного и зараженного клещом, Комаричском – 2500 тонн, Клинцовском – 4000 тонн, Починковском – 3000 тонн, Рославльском – 4000 тонн, Почепском – 5000 тонн, Ярцевском – 4700 тонн, Вяземском – до 5000 тонн, Сычёвском – свыше 3000 тонн, Руднянском – свыше 5000 тонн, Брянском – свыше 7000 тонн, Козельском – свыше 3000 тонн и Новозыбковском – 3300 тонн зерна, зараженного клещом и влажного.

3. Бюро Обкома констатирует, что дополнительное строительство зерноскладов и зернонавесов в установленный ЦК партии и Правительством срок к 10-му октября не закончено в 15 районах, так как со стороны Областной Конторы Заготзерно своевременно не было обеспечено надлежащего контроля и помощи для окончания строительства в установленный срок по каждому пункту».

А вот так распорядилась власть с уже собранным с полей и отнятым у крестьян и колхозов урожаем зерновых культур⁸⁰.

Выращенное смоленским мужиком в 1935 году зерно в количестве 293 255 тонн на складах области и районных хранилищах было уничтожено. Возможно, цифры не совсем точные, так как одно и то же зерно могло быть засоренным, влажным и пораженным клещом одновременно, но в любом случае цифра потерь шестизначная. И тут вообще не имеет никакого значения, было ли это вредительство или преступная халатность. Теплая компания, засевшая в обкоме партии, даже не поставила вопрос об ответственности должностных лиц, причастных к катастрофе, а буднично приняла к сведению вышеуказанную информацию. А чего стоило смоленскому мужику вырастить и убрать эту астрономическую массу зерна, при этом оставив свою семью без хлеба? Изучив материалы отчетов за прошедший период, в 1937 году представители центральных властей припомнят руководителям области уничтоженный в 1935 году хлеб, да, наверное, не только тогда.

О национальной политике в Западной области. В рамках борьбы с «великодержавием» русского народа все 1920-е и начало 1930-х годов прошли под знаком максимального благоприятствования в решении вопросов национального строительства. В местах компактного проживания национальных меньшинств создавались национальные сельские советы. Более мелкие по территории и имевшие смешанное население сельсоветы проходили ускоренную «коренизацию».

Руководителями данных административных образований назначались лица из числа поляков, латышей, евреев, цыган др. Все делопроизводство на местах переводилось на язык нацменьшинств. В областном и окружном аппарате создавалась система уполномоченных по работе среди национальных меньшинств. В 1929–1930 годы в Западной области развертывалась целая система мероприятий по поддержке национальных клубов, театров, газет, колхозов.

Что касается нашей местности, и именно латышей, то наиболее компактными колониями латышское население проживало в Демидовском районе (деревни Кашкурино и Няньковичи).

В феврале 1927 года в области были организованы национальные латышские сельские советы в трех уездах – в Башутко-Белинской латколонии Катынской волости Смоленского уезда и в Кашкуринской латколонии Демидовского уезда.

К 1930 году на территории бывшей Смоленской губернии, ставшей в 1929 году центрообразующей территорией Западной области с административным центром в Смоленске, было четыре латышских сельских совета: Роговский с/с Стодолищенского р-на Рославльского округа – 318 жителей, Кашкуринский с/с Демидовского р-на Смоленского округа – 288 жителей, Башуткинский с/с Катынского р-на Смоленского округа – 414 жителей, Ростовский с/с Пречистенского р-на Смоленского округа – 349 жителей⁸³.

С наступлением времени коллективизации между властями и национальными меньшинствами возникло напряжение. Да и стоило ли латышским крестьянам идти в колхоз, если, проживая исключительно на хуторах, они по показателям экономической мощи были выше среднего русского крестьянского хозяйства на 31 %, что вызывало к ним нехорошую зависть. Однако, коллективизировать свои хозяйства им все же пришлось. Но и вступив в колхозы, благодаря трудолюбию и умению вести дела создали крепкие коллективные хозяйства. Например, к сентябрю 1933 года колхоз им. Биркмана-2 Кашкуринского сельсовета Демидовского района считался в районе самым крепким, в котором образцово было поставлено свиноводство и работа молочной фермы. Колхоз был создан в 1930 году. В 1933 году он объединял 74 хозяйства (а всего в сельсовете было 80 латышских хозяйств). Земли было 700 га, из них под пашней – 197 га, лугов – 103 га. Членов колхоза – 276 человек, из них трудоспособных мужчин – 65, женщин – 67. Лошадей насчитывалось 50 голов. Колхоз имел две фермы: молочно-товарную с 96 коровами и свиноводческую со 139 головами свиней. В единоличном пользовании у колхозников находилось 70 коров. Имелось пчеловодческое хозяйство – 30 ульев. Только за 1933 год была построена общественная столовая, обслуживавшая ежедневно до 100 человек; сделан капитальный ремонт скотного двора на 50 голов; оборудована конюшня на 20 голов; отремонтирована школа; куплены новый мотор для трактора, тракторный двухлемешный плуг, картофелесортировка, тракторная силосорезка, три соломорезки, сенокосилка. Имелись молотилки, дисковые сеялки, разные по функционалу плуги, картофелекопалка, молотилки и т.д.

Кроме латышских, были и другие национальные колхозы: один литовский («Красная заря» в Руднянском р-не), два польских («Зыкалино» в Смоленском и «Трибуна РадеЦка» в Демидовском р-не). Все национальные колхозы объединяли 879 хозяйств, из которых латышских было 592⁸⁴.

Однако, начиная с середины 1930-х годов ситуация резко изменилась. В Западной области прошло массовое истребление руководящих кадров по национальному признаку – латышей, поляков и других. Например, руководитель партийного контроля области Л.А. Папардэ был разоблачен как латыш, «который старался представить себя бдительным большевиком, приложивший свои мерзкие руки для того, чтобы перебить большевистские кадры». Одновременно уничтожались национальные сельсоветы, колхозы, школы, театры, клубы как «очаги националистических контрреволюционных организаций». В условиях надвигающейся войны национальная политика большевистского руководства резко сменила свою направленность, сделав ставку на возвышение русского патриотизма. Обвинения в предательстве и шпионаже стали показателем отказа от прежней политики интернационализма.

Общая судьба смоленских латышей в ходе спецоперации НКВД может быть проиллюстрирована на примере одного поселения – колхоза имени Биркмана с центром в дер. Кашкурино Демидовского района. Так, в январе 1938 года там было репрессировано только с мерой наказания «расстрел» 38 человек.

Всего за время «латышской операции» в деревне Кашкурино репрессированы 52 человека. Из них 48 человек были расстреляны, 4 – осуждены на 10 лет ИТЛ. Других, более мягких, мер наказания к латышам этой деревни не применяли. Репрессии сопровождались ликвидацией административно-территориальных образований.

В качестве примера возьмем тот же латышский Кашкуринский сельсовет Демидовского района. Решением президиума Смоленского облисполкома от 21 февраля 1938 года он был ликвидирован и включен в состав соседнего Жичицкого сельсовета. Итого на территории Кашкуринского сельсовета осталось всего 55 человек взрослого населения, тогда как еще в апреле 1934 года в составе сельсовета было два населенных, пункт состоящих из 34 дворов с населением 206 человек и колхоза, объединявшего 57 хозяйств⁸⁵.

Так, в течение короткого времени Смоленщина лишилась трудолюбивых и достойных людей, некогда переселившихся сюда в поисках нормальной человеческой жизни.

Принятие новой Конституции. Раскручивание маховика репрессий. В августе 1936 года принимается закон о призыве на военную службу с 19-летнего возраста вместо 21-летнего, как было ранее. Переход на новый порядок призыва планировалось осуществить до 1939 года. Применительно к нашей местности это означало, что молодежь уходила на службу в более раннем возрасте, следовательно, раньше порывала с колхозом и по отбытии службы возвращалась домой далеко не всегда. Тем самым усиливался отток молодежи, ослабевал потенциал колхоза.

5 декабря 1936 года Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР утверждена новая Конституция СССР. По тем временам это был образцовый документ, предоставляющий, например, гарантии против произвольного ареста (статья 127), неприкосновенность жилища и тайну переписки (статья 128), да и вообще свободу слова, печати, собраний и демонстраций (статья 125). Впервые в истории Советского государства Конституция 1936 года всем гражданам предоставляла равные права: всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании; право на труд и отдых, материальное обеспечение в старости и болезни. Земля, занимаемая колхозами, передавалась им в вечное пользование. На поверку декларируемые гарантии прав и свобод оказались фикцией.

Произвол проявлялся в инспирировании политических процессов над «врагами народа». Грандиозные шоу с участием общественности страны, требовавшей самой лютой казни для «бешеных собак», продавшихся империалистам, сотрясали страну. От политических репрессий не был застрахован никто. В расстрельные подвалы НКВД спускались представители всех слоев общества, начиная от колхозников, бывших самыми беззащитными, и до членов Политбюро ВКП(б). Пик репрессий наступил в 1937–1938 годах.

Все 1930-е годы во все большей степени нагнеталась ненависть к «врагам народа». Население и, прежде всего, члены партии должны было привыкнуть к мысли, что каждый не согласный с политикой властей – это внутренний враг, а каждый внутренний враг – это агент международного империализма. В решениях и протоколах по вопросам, которые, казалось бы, касаются совершенно других проблем, – посевных и

уборочных кампаний, производственного и бытового снабжения, выполнения планов, соревнования и т.д., постоянно звучали требования повышать бдительность, находить и разоблачать скрытых «врагов народа», доносить на подозрительных.

Ниже приведен документ в виде протокола общего собрания первичной партийной организации одного из сельсоветов, правда, расположенного не в нашем районе области.

На указанной встрече присутствовали десять членов партии, а также представитель райкома ВКП(б).

ПРОТОКОЛ № 13

Общего собрания первичной парт. организации С-Ивановского с/с от 27 августа 1936 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: Балджи, Гарш, Смирнов, Головкин, Горлов, Сиськов, Королев, Семёнова, Ломоносова, Исаев. От РК ВКП (б) Коровкин.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. О Троцкистско-Зиновьевском контрреволюционном центре.

СЛУШАЛИ:

1. Доклад тов. Коровкина о Троцкистско-Зиновьевском контрреволюционном центре.

Собрания, которые прошли по обсуждению Троцкистско-Зиновьевского контрреволюционного центра, прошли неудовлетворительно, разговоры на собраниях были общего порядка, а по отдельным конкретным лицам прений не было. Не может быть такого, чтобы в районах Западной области не было людей, поддерживающих или сочувствующих Троцкистско-Зиновьевской банде. По данным собраний все, кто знает кого-либо из лиц, поддерживающих контрреволюционную банду, должны их вскрыть.

Тов. Коровкин приводит историю борьбы Троцкистско-Зиновьевской банды с ВКП(б) от дореволюционного периода до наших дней. Несмотря на то, что группа Троцкистско-Зиновьевской контрреволюции решением Верховного суда уничтожена, тем не менее нет гарантии, что их охвостья ликвидированы, отсюда наша задача – выявить остатки приверженцев и поставить всех перед лицом народа, потребовав ответственности за их деятельность.

По первой проверке партдокументов мы не выявили всех, таких как Хомулко, и лишь благодаря последующей работе их удалось выявить. Первичные парторганизации недостаточно чутки и бдительны ко всякого рода проявлениям врага. Наша задача сейчас выявить всех пособников Троцкистско-Зиновьевской банды».

Из вступительного слова работника райкома видно, что собрания, проведенные в других сельсоветах, прошли из рук вон плохо. Четко и ясно ставившаяся задача не просто заниматься поисками, но, безусловно, находить Троцкистско-Зиновьевских контрреволюционеров большинством членов низовых ячеек оказалась неуспешной.

Как распознать троцкистско-зиновьевцев? Да очень просто. Сейчас мы это узнаем.

Коммунисты, присутствовавшие на данном собрании, возможно, еще не все на тот момент потерявшие совесть, уже начинают избавляться от данного элемента нравственности, правильно понимая, каким способом следует искать зарвавшегося классового врага.

Выручили как всегда попы, кулаки, купцы, помещики, хоть и бывшие. И откуда в данной местности к 1936 году оказались еще уцелевшие? Не подвели и на сей раз, хотя троцкистско-зиновьевским охвостьем были не только они.

Выступления коммунистов. Герши:

«На прошлом партсобрании я уже говорил о лице Павлове, бывшем купце, который расхаживал по селу и своеобразно разъяснял политику проекта конституции. К попу Розову из Баскаково частенько похаживает “противник// – поп, ведут беседы о конституции, следовало бы проверить органам НКВД...”

Поп Розов частенько, когда на него нажмешь, ссылается на защиту его Тухачевским. У попа сын где-то работает в Кремле, по его заявлению...

В детстве я работал у помещицы Сологуб... У помещицы был племянник, впоследствии хозяин имения (фамилию не помню), данный помещик был большой деспот. В 1935 году, будучи в Серпухове, я разговорился с товарищем детства Титовым Н.И., рабочим г. Серпухова, который мне рассказал о том, что этот племянник помещицы Сологуб ныне работает в органах Норкоминдела в Москве и будто бы разъезжает за границу».

Смирнов: «В Первитине с самого начала неспокойно. Взять Федора Малофеевича и Василия Евстафьева, которые маскируются и заявляют, что все действия советской власти “пускание пыли в глаза”, брат его без паспорта, лишен избирательных прав, работает на 22 автозаводе.

Солдатов-Крупенников в Баскаковской школе, – отъявленный кулак, ведет техническую учебу.

Залесский сын дьячка, работает на Баскаковской мельнице, частенько к нему приезжают разные темные лица со всех краев, которые, безусловно, работают исподтишка.

Трофимов в Первитине ведет работу крепко и в один прекрасный день колхоз под его руководством лопнет. В прошлый год за счет махинаций (покупка и перепродажа телочек) “нагрели руки”.

Сиськов: «Помещик Самородский был в правлении Ленинград-Орел, который часто приезжал в бывшее свое имение, где была организована коммуна, в Стучке.

Борзенко-помещик проживает в Вязьме, очевидно, тоже ведет какую-нибудь работу.

Инструктор райкома Ларичкин тоже, по-моему, из бывших. В Вязьме было колбасное производство Ларичкиных. Сестра Ларичкиных была замужем за лесничим, а этот лесник навредил, и его арестовали.

Я знаю Сокольников, Кристинского и Пятакова, у которых я работал курьером и удивлялся, что Сокольников попал, а Кристинский нет, отношение у них к народу было плохое».

Балджи: «В Ярцеве была крупная троцкистская группировка во главе с секр. Укома Герпите, где развалил парторг с пред. УИКа Масимовым к ним примыкали Новосельцев, секр. яч., которые работали под благословением секретаря Губкома Бейко, который работал впоследствии в центросоюзе, правда, они были сняты с работы, но Максимов пробрался в исполком, откуда перебрался куда-то в Сибирь на сов. работу. Бейко, кажется, работает в Москве. Новосельцев где-то в Ярцеве. Зиновьевец секр. союза в стоит.

Гольцев Ник. (происходит из Кардымова) работал где-то в Смоленске, прошлый год я узнал, что он строит электростанцию в погран. полосе в Себеже, кажется, нач. строительством. Вся эта группа собиралась к нему и обсуждали свои дела.

По нашему району следует говорить о Малове – бывшем председателе Арменовского колхоза, который, помимо происхождения, я сам слышал, мне говорил, что “колхозники рабы, как овцы, что им не скажи, то так и делают, а своего мнения иметь не могут”. Да и работал он в колхозе не очень то хорошо. Притом жена, дочь помещика, она не могла не влиять на него. По-моему, его выдвижение на должность Пред. Вят-

сковского сельсовета, недосмотр или ошибка райорганизаций. А Малов свою “морду” покажет».

Далее с аналогичными разоблачениями выступили и другие члены партячейки.

В заключительном слове райкомовский работник с явным неудовлетворением произнес: «Факты-то мы сейчас фиксируем, а вот плохо, что члены ВКП(б) раньше о них почему-то умалчивают, т.е. своевременных предупредительных мер не принимают....».

В итоге собрание постановило:

.....

2. Имея в виду, что коммунисты первичной партийной организации слабо проявляли большевистскую бдительность и не подняли на высокую ступень критику и самокритику – собрание обязывает членов и кандидатов быть бдительными, всемерно повышать свой идейно-политический уровень, уметь везде и всюду распознавать классового врага.

3. О всех фактах и лицах вскрытых на данном собрании немедленно доложить РКП(б) и органам НКВД⁸⁶...

Все! Указанные в выступлениях лица обречены. Дальше, дело техники славных чекистов решать, кем пополнить мартиролог, а кем колымские золотые прииски или же воркутинские шахты.

Никто из коммунистов, присутствовавших на собрании, даже не пытался установить логическую связь между подсудимыми на московском судебном процессе, замышлявшими, по версии следствия, убийства вождей государства, и лицами, на которых у них пало подозрение, исходя лишь из анкетных данных.

Вот так из маленьких ручейков разоблачений действительных и мнимых врагов власти складывалась полноценная река террора.

Однако, прежде чем началась вакханалия 1937–1938 годов, приведшая к полной смене партийного руководство Западной области, лидеры партии организовали ряд акций, направленных на уничтожение какого-либо инакомыслия в своих рядах. Были проведены: 1/Общая партийная чистка 1921 г. 2/ Чистка непромышленных партячеек 1924 г. 3/ Проверка сельских партячеек 1925–1926 гг. 4/ Исключение из партии последователей Троцкого и Зиновьева в 1926–1927 гг. 5/ Полная смена губернского партийного руководства по следам «Смоленского нарыва» 1928 г. 6/ Общепартийная чистка 1929–1930 гг. 7/ Чистка 1933 г. 8/ Чистка, которая сопровождала последовавшую за убийством Кирова сверку документов 1935 г. 9/ Обмен партийных документов 1936 г.⁸⁷

Смоленск стал одним из первых городов, в котором был объявлен «врагом народа» первый секретарь обкома партии. В мае 1937 года происходили перевыборы партийных комитетов. На отчетно-выборных собраниях, как и раньше, всячески превозносились первый секретарь Западного обкома И.П. Румянцев и его окружение. С благословения центра Румянцев, как и намечалось, вновь стал областным лидером.

Однако прошел всего лишь месяц, как был внезапно создан пленум Запобкома (19-21 июня). На пленум прибыл секретарь ЦК Л.М. Каганович. Румянцев там уже отсутствовал. Каганович объяснил догадывавшимся о происшедшем партбоссам и хозяйственникам, что Румянцев оказался «врагом народа», что он связан с «военным заговором» Тухачевского. Связан, в частности, с одним из руководителей этого «заговора» И.П. Уборевичем (последний командовал Белорусским военным округом, центр которого нахо-

дился в Смоленске). Прочитав речь Кагановича, можно весьма четко представить себе, как создавались и нагнетались «дела», за которыми следовал почти неизбежный расстрел. Сначала перед самым расстрелом Уборевич, измученный издевательствами и пытками, стал давать показания против Румянцева. Вслед за этим (14 июня) был арестован второй секретарь смоленского обкома А.Л. Шильман, правая рука Румянцева, который подтвердил участие первого секретаря обкома в военном заговоре. Сам Румянцев, арестованный утром 17 июня 1937 года, в результате допросов в свою очередь подтвердил вымыслы Уборевича и Шильмана. На самом же пленуме, который, «одобрил» арест Румянцева и Шильмана, был взят под стражу третий человек в области – председатель облисполкома Г.П. Ракилов. Уже на следующий день пленум в своей резолюции назвал всех троих – Румянцева, Шильмана и Ракилова – «врагами и предателями».

Каганович на пленуме заявил, что и печальное экономическое положение области, и отсутствие изб-читален, и всякие прочие местные беды – это результат вредительства «бывшего правотроцкистского руководства», нанятого империалистами, чтобы содействовать поражению СССР в приближающейся войне и реставрировать капитализм в той форме, в какой он существует в Германии и Италии.

Каганович угрожал присутствовавшим партийным, хозяйственным и советским бюрократам жестокими карами за потерю бдительности. Он говорил: «Вы в смоленской партийной организации и в области не до конца искоренили всех врагов, и каждый из вас должен в душе проанализировать все возможности для преуменьшения масштабов вредительства...» Он обратил внимание на «фронтной» характер Западной области и заявил, что все здесь должно функционировать в образцовом порядке, чтобы регион смог выполнить свою роль сильного тыла для наступления Красной Армии в грядущей войне. Он провел персональные беседы с каждым из членов бюро обкома, предполагая, что тот был связан с Уборевичем, и обвиняя остальных в нежелании помочь Центральному Комитету разоблачить Румянцева, предоставив дополнительные обличающие того сведения. Он назвал восемь районов, среди них был и Руднянский, где, по его заявлению, руководство должно было быть проверено. Это означало новые разоблачения «правотроцкистского хвоста», оставленного Румянцевым, как выразился секретарь ЦК.

По требованию Кагановича, пленум обкома распустил бюро «за потерю большевистской бдительности» и заменил его временным бюро, предложенным им самим, которое состояло из привезенных Кагановичем в Смоленск московских чиновников. Вскоре Румянцев был расстрелян в Москве. А в Смоленске и по всей Западной области прошли партийные собрания и «митинги трудящихся», на которых «горячо одобрялась» бдительность партии и «славных чекистов».

Общественное мнение перестраивалось. Лишь совсем недавно выступления Румянцева воспринимались как непререкаемые установки к исполнению. Но в прениях на пленуме теперь каждый выступавший старался как можно больше лягнуть снятого с работы первого секретаря.

Можно сказать, что такого рода резолюции и письма были повсеместными, что они являлись средством самосохранения или, по крайней мере, робкой попытки спасти себя от ареста. Это, безусловно, так. Но в то же время звериные тексты писем сочиняли и подписывали ведь люди, которые таким образом превращались в нелюдей.

Та же тенденция была характерна и для комсомольских деятелей области. На областной комсомольской конференции в октябре 1937 года вчерашние руководители

области истерически разоблачались как «шпионы», «предатели», «изменники родины». К ним в выступлениях присовокуплялись руководители обкома комсомола, естественно, уже лишившиеся работы. Они, по словам комсомольских активистов, проводили линию «фашистского шпиона Уборевича» и «врага народа Румянцева». Они развалили, мол, работу областной комсомольской организации, засорили педагогический институт, техникумы и школы изменниками, «втянули комсомольский актив в пьянки» (последнее, скорее всего, соответствовало действительности). Так происходила подлинная мутация человеческого сознания под влиянием радиационной отравы сталинизма. Результатом же всего этого была цепная реакция доносов, раскрытий, арестов и расправ⁸⁸.

Справка

Румянцев Иван Петрович (янв. 1886, Рыбинск – 29.10.1937), партийный деятель. Сын рабочего. В 1905 году вступил в РСДРП, большевик. Активный участник событий 1905–1906 и 1917 годов в Петрограде. После Февральской революции 1917 избран пред. правления Союза рабочих-модельщиков в Петрограде. С 1918 года – политработник, участвовал в боях на Восточном фронте. В 1919–1920 годы – пред. рыбинского уездного комитета РКП(б), зам. секретаря Ярославского губернского комитета партии и пред. губисполкома. В 1921 году – председатель Тверского военно-революционного комитета, секретарь обкома партии. В 1922–1924 годах – секретарь Мотовилихинского райкома партии (Пермь). С 1923 года – кандидат в члены, с 1924 – член ЦК партии. С 1924 – секретарь Пермского и Свердловского окружкомов, 2-й секретарь Уральского обкома ВКП(б). С 1927 – секретарь Владимирского губкома, с июня 1929 – Западного (Смоленского) обкома ВКП(б).

Область объединяла Брянскую, Смоленскую, Калужскую губернии, Ржевский и Осташковский уезды Тверской губернии и Великолукский округ Ленинградской области с населением около 6 500 000 и центром в Смоленске⁸⁹.

Арестован 17.06.1937. Первым следственным документом является заявление Румянцева от 23 июня 1937 года, поданное им на имя Ежова. В этом заявлении Румянцев признает свою принадлежность к правотроцкистской заговорщической группе.

На допросе 13 июля 1937 года /протокол допроса отпечатан на машинке/ Румянцев подробно рассказал о своем двурушничестве, об антипартийной деятельности, об ее участниках – Шелехес, Ракитове и др. – и о встречах с Рыковым и другими лидерами правотроцкистского центра.

Второй протокол допроса Румянцева, также отпечатанный на машинке, датирован 11 августа 1937 года. Третий протокол допроса Румянцева составлен 18 августа 1937 года.

В суде Румянцев виновным себя признал.

Военная Коллегия Верховного Суда СССР 29 октября 1937 года приговорила Румянцева к высшей мере наказания – расстрелу.

Приговор приведен в исполнение 30 октября 1937 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ:

Мы, председатели колхозов, председатели Ревизионных Комиссий, бригадиры и заведующие фермами, собравшись на совещание по вопросу проведения подготовки к XX годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции и ликвидации последствий вредительства в сельском хозяйстве, даем обязательства ознаменовать наш Великий Праздник новыми стахановскими победами на всех участках социалистического сельского хозяйства.

Великие вожди ЛЕНИН и СТАЛИН указали нам путь к светлой жизни. Великая Социалистическая Революция – первая из всех Революций разгромила и уничтожила эксплуататоров.

С каждым днем растет и крепнет наша родная страна, жизнь становится более зажиточной и культурной.

Сейчас в мире нет сильней Советской страны.

Мы знаем, что если мы будем честно работать и беречь колхозное добро, наша жизнь будет еще более зажиточной и радостной.

Мы встречаем XX год Великой Октябрьской Социалистической революции под знаменем СТАЛИНСКОЙ Конституции. Скоро мы будем выбирать депутатов в Верховный Совет СССР лучшими из лучших, сынам нашей родины мы отдадим свои голоса и доверие.

Мы знаем, чем сильнее становится наша родина, чем счастливее жизнь ее сынов, тем все стерженнее становятся ее враги.

Троцкистско-бухаринские наймиты фашизма хотели и хотят восстановить власть капиталистов и помещиков в нашей стране, и нет таких преступлений, на которые не были бы способны эти презренные гады.

Право-троцкистское охвостье в нашем районе – Красильник, Богданов, Кудрявцев – находясь у руководства нашим районом на протяжении нескольких лет проводили враждебную право-троцкистскую линию. Они вместе с врагами народа, стоявшими в Областном руководстве, запутывали севообороты, срывали организацию работ по созданию прочной кормовой базы, вредительски землеустроивали колхозы, проводили вредительство в животноводстве.

В руководстве ряда колхозов, совхозов, учреждений и организаций насаждали кулаков, антисоветских и классово враждебных элементов.

Кулаки вели контрреволюционную работу по подрыву колхозов, путем вредительства, расхищения и порчи колхозного добра, организовали гонения, избиения, а в отдельных случаях убийства и поджоги стахановцев, срывали создание прочной кормовой базы и убой племенного скота.

Областной Комитет ВКП(б), районная партийная организация разоблачили врагов народа и привлекли их к ответу.

Мы, руководители колхозов, бригад, ферм, единодушно сплачиваемся вокруг Коммунистической партии и по-большевистски будем работать над ликвидацией последствий вредительства. Укрепим политически и хозяйственно наши колхозы и решительно очистим их от кулаков классово-враждебных и разложившихся элементов.

Мы включаемся сами и организуем всех колхозников на предоктябрьское социалистическое соревнование за успешное завершение всех уборочных работ и выполнение обязательств перед государством.

Ни одного колхозника не будет без обязательства по подготовке к Великой Октябрьской Революции.

К Областному стахановскому совещанию мы добьемся новых стахановских побед в сельском хозяйстве.

Для этого мы обязуемся:

- 1) В 2-3 дня закончить всю уборку с поля и выполнить все зернопоставки.
- 2) К 25/IX обмолотить все семенники клевера из первого скоса и отавы и сдать семена по контракции.
- 3) К 25/IX поднять всю зябь по плану и вывезти удобрения.
- 4) Своевременно поднять лен со стлищ, не допуская перележки, отсортировать и сдать на льнозаводы к 20/IX.
- 5) Приступить к копке картофеля с расчетом закончить к 25/IX.
- 6) Приступить к силосованию ботвы, отавы и отходов, перевыполнить план силосования. Сбереечь в корм всю солому, мякину, отходы. На подстилку добыть торф. Не допускать случаев сброски и убоя племенного скота.
- 7) К 1/Х закончить подготовку к зимовке скота, особенно тщательно подготовить телятники и родильные помещения.
- 8) К XX годовщине Великой Социалистической Революции выполнить государственные планы развития животноводства и наделить телками бескоровных колхозников.
- 9) К 1/Х выполнить полностью уплату взносов по займу УКРЕПЛЕНИЯ ОБОРОНЫ СОЮЗА СССР.

По-большевистски честно выполнить все эти обязательства мы ХХХХХХ право подписать рапорт о наших социалистических победах великому вождю, другу и отцу колхозников – тов. СТАЛИНУ.

Мы горячо одобряем постановление СНК Союза СССР и ЦК ВКП(б) “О ликвидации последствий вредительства в деле колхозного устройства по Западной Области” и обязуемся большевистскими делами достойно по-колхозному ответить на Сталинскую заботу о нас, на громадную помощь и льготы колхозникам, оказанные нашей великой партией Ленина-Сталина, нашим правительством.

Имеется 28 подписей без расшифровки по фамилиям⁸⁶.

Выше приведен документ: постановление – вопль ужаса, принятое по результатам совещания председателей колхозов и других руководителей хозяйств одного из районов области. От страха лидеры-коммунисты, забыли указать, какой район они представляют, кто его представляет (чьи подписи) и вообще, когда и где все вышеупомянутое происходило⁹⁰.

В связи с тем, как оформлено данное постановление, угадывается, какая атмосфера царила во время совещания. Тут вспоминаются строки из стихотворения поэта Николая Семёновича Тихонова о коммунистах: «...Гвозди бы делать из этих людей, Крепче бы не было в мире гвоздей...» Вероятно, поэт писал о других большевиках, а указанные выше районные лидеры смоленской областной партийной организации оказались неправильными коммунистами. Из принявших такое постановление гвоздей не наделаешь. А может быть, это и не они писали доносы друг на друга, отправляя под суд для выполнения

контрольных цифр сотни и тысячи крестьян, прославляли центральных и местных вождей, и, теперь видя, что их начальники стали наймитами империализма, искренне, от всей души в постановлении выразили свое возмущение.

Расширение круга репрессируемых. Проблемы распределения прибыли в колхозах. 2 июля 1937 года Политбюро ВКП (б) приняло решение провести массовые операции против кулаков и криминальных элементов.

Руководство на местах должно было определиться с конкретными цифрами репрессируемых. 30 июля 1937 года Нарком Николай Ежов издал инструкцию местным органам НКВД о проведении, начиная с 5 августа, массовых арестов и расстрелов. Политбюро объектами репрессий предполагало «кулаков и преступных элементов». По мнению Сталина и его окружения, вернувшиеся из мест лишения свободы кулаки могли составить «пятую колонну» в грядущей войне. В любом случае данная категория населения СССР являлась нежелательной и при ином раскладе.

Однако, Ежов расширил круг репрессируемых. Теперь сюда добавлялись духовенство, сектанты, бывшие участники антисоветских выступлений, члены антисоветских партий, репатрианты, угонщики скота, контрабандисты, лица, бежавшие из тюрем и лагерей и другие. Для Смоленщины была спущена разнарядка о расстреле 1 000 человек и 5 000 кандидатах на арест. Но новый начальник отдела НКВД Каруцкий области нашел, что следует арестовать еще 11 000 «контрреволюционных элементов». Каруцкий настаивал, а новый секретарь обкома Коротченко поддержал мнение начальника политической полиции о расстреле не 1 000 человек, а 3 000 преступных элементов. Число арестованных следовало увеличить до 6 000 человек. После длительной переписки Ежов согласился с требованием местных органов. В результате чуть более, чем за шесть месяцев (с 16 июля по 31 августа 1937 года) НКВД арестовал 12 000 человек и вынес 4 500 смертных приговоров.

Но и этого руководству области показалось недостаточно.

21 ноября 1937 года. Москва. ЦК ВКП(б), т.т. Сталину, Ежову.

Установленный для Смоленской обл. лимит кулацкой операции 1 категории исчерпан. В связи с окончанием операции в ближайшее время необходимо осудить более 2 тыс. чел. активных контрреволюционеров – попов, сектантов, организаторов контрреволюционных формирований, террористов, большая часть которых должна быть отнесена к 1 категории.

Прошу разрешить увеличить лимит по 1 категории на 1 тыс. чел.

Секретарь обкома ВКП(б) Савино^{90}.*

По Руднянскому району только в 1937–1938 годах по политическим мотивам расстреляно более 120 человек. Но аресты, а также казни продолжались и в дальнейшем. Весь остаток 1937 года партийные организации области «выкорчевывали последние право – троцкистских бандитов». Всего в области с 1917 года и по 1953 год репрессировано до 30 000 человек⁹¹.

В распоряжении автора данных строк оказался интересный документ: Постановление Бюро Смоленского обкома ВКП(б) от 22.11.37 «О ликвидации бескоровности хозяйств колхозников».

Вроде бы 7 июля 1935 года в очень категорических выражениях обком партии обязал местные органы ликвидировать среди колхозников бескоровность, но вот поди же, чиновники как областные, так и местные, не предвидя событий 1937 года, не проявили

должного рвения в выполнении собственных решений, в силу чего стали право-троцкистской бандой. По всей видимости, телят колхозникам они давали, но для этого крестьянин должен был брать ссуды под большие проценты, так как наличных денег не было. Если мужик что-то зарабатывал за трудовни, то правление колхоза всю сумму за работа сразу перечисляло на «добровольное» приобретение облигаций государственных займов, денежных налогов, налогов самообложения и многого другого.

Кроме того, принятый обкомом партии документ наглядно подтверждает значение такого домашнего животного, как корова в жизни деревенского жителя. Руководители области мыслили вполне рационально. Есть корова у селянина, значит, есть работник в колхозе. А так, зачем им мертвые деревни. Это не по-хозяйски.

Кроме собственно арестов, крестьяне находились в группе риска обреченных на голод и в случае исключения из колхоза. Если раньше людей трудно было сорвать с насиженных мест – хуторов, где они имели землю, то теперь ситуация поменялась. Исключенный из колхоза крестьянин тут же терял свой приусадебный участок. Местные власти этим пользовались. На селе установка вождей повсеместно разоблачать врагов народа решалась очень просто. Неприглянувшихся колхозников стали исключать из сельхозартелей как социально чуждых. Так председатели сельсоветов и колхозов могли доказать свою лояльность и преданность вождям и партии. Привлечь мужика по антисоветской статье не всегда представлялось возможным. Да и сам руководитель в результате следствия над крестьянином мог попасть в число заговорщиков. НКВД во всех случаях искало разветвленную сеть антисоветских организаций. Потянув за ниточку – крестьянина, вполне можно было выйти на руководителя антисоветской организации – председателя колхоза или сельсовета. Исключение мужика из колхоза – действие сравнительно безнаказанное. Допустим, уходил глава семьи на заработки на государственное предприятие (у нас практиковался временный уход на торфопредприятие – в результате в семье на некоторое время появлялись деньги), как бы возникало основание для исключения дворохозяйства из колхоза. Центральной власти такое положение дел оказалось невыгодным. Проанализировав ситуацию, СНК СССР и ЦК ВКП (б) 19 апреля 1938 года издали совместное постановление: «О запрещении исключать колхозников из колхозов». В данном постановлении особенно подчеркивалось, что необоснованные исключения из членов сельхозартелей приобрели наибольшие масштабы в числе других регионов и в Смоленской области. Правительство категорически запретило проводить чистки колхозов по надуманным основаниям. Председатели колхозов и председатели сельсоветов строго предупреждались о недопустимости нарушения Устава сельхозартели.

Другим совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неправильном распределении доходов в колхозах» тоже от 19 апреля 1938 года власть пыталась навести порядок в расходовании денежных средств колхозов⁹².

В документе отмечалось, что правления колхозов увлеклись капитальным строительством, чрезмерными производственными расходами и затратами на административно-хозяйственное управление в колхозах.

Что касается увлечения капитальным строительством, то такая болезнь действительно существовала. На деле это означало то, что председатель колхоза заключал с приезжей бригадой рабочих договор о строительстве коровника, скажем, по завышенной смете. Построили коровник или же только его остов – большого значения не имело. Деньги бригада получала сполна. Председатель тоже получал свой предприниматель-

ский процент. Что-то перепало и районным властям. Стороны расходились довольные друг другом. В это же самое время колхозники, с детства виртуозно владевшие пилой и топором, дома пили самогонку или же ехали на торфоразработки в предприятия «Гранки-Голынки», где получали копейки, поскольку они не штатные работники, а отходники. Председатель же после возведения таким способом двух-трех коровников отстраивал себе усадьбу. Кое-кто из районных властей тоже решал свои насущные вопросы.

Принципиальные и бесстрашные «Вашкоры» куда-то подевались. Правдорубы по какой-то причине не клеймили в прессе позором председателей, возводивших воздушные замки. Действительно, загадка.

Отчасти разгадка заключается в том, что власть уже переставала нуждаться в рыцарях пера и бумаги. Несмотря на всю закрытость жизни деревни, ОГПУ, а затем НКВД, МГБ и КГБ уже сформировали свои собственные источники информации. Ими становились киномеханики клубов, заведующие изб-читален (были такие учреждения на заре социализма), другие публичные и незаметные лица. Они всегда находились в гуще народа, все слышали и все видели.

После всего этого на газетных полосах газет стали появляться статьи о том, что негоже прятаться авторам критических заметок в прессе под псевдонимами. Дескать, советский корреспондент не должен бояться открыть свое лицо и что он находится под защитой закона. Закон законом, но врагов авторы заметок уже нажили выше критической нормы, и количество публикаций в районных газетах стало резко падать. Вот почему сейчас приходится по крохам получать информацию о деревне тех времен. Спецслужбы информацию о положении в наших селениях тех лет, при жизни ближайших поколений не откроют.

Возвращаясь к вопросу о заключении договоров на строительство объектов сельскохозяйственного назначения, можно только развести руками. Ну что может поделывать правительство с российским чиновным людом? Если не помогали меры, принимаемые по отношению к ворах царями Иваном Грозным и Петром I, то, что мог сделать Иосиф Сталин. Практика разворовывания колхозных, а затем и совхозных денег благополучно пережила как диктатора Джугашвили, так и всю советскую власть. (При позднем Никите Хрущеве такой метод строительства будет даже приветствоваться).

Тем не менее, СНК СССР и ЦК ВКП (б) осудили «практику беспечного отношения к трудодню колхозников и растратированию колхозных доходов». Установлено, что за трудодни артель должна распределять не менее 60–70 % всех денежных доходов артели. На капитальные затраты предлагалось расходовать не более 10 % прибыли. Ну, это районные чиновники, конечно, приняли к сведению.

Обеспечение колхозов тягловой силой. Важным элементом сельскохозяйственной жизни являлась лошадь. О тракторах в данный отрезок времени говорить не приходится. Лошадь являлась единственно доступным видом транспортного средства, а также заменой сельскохозяйственной техники. В них нуждались как колхоз, так и сами колхозники. Жизнь без них в деревне невозможна. Несмотря на то, что Устав сельскохозяйственной артели 1935 года сделал крестьянам некоторые уступки, в частности в том, что касалось приусадебных участков, возврат лошадей в собственность дворов даже не обсуждался. Когда колхозники Западной области по этой причине отвергли Устав и потребовали вернуть им лошадей, их требование назвали «контрреволюционным».

Парадоксально, но крестьяне-единоличники оказались в более выгодном положении, им лошадей разрешили держать. Некоторое время в наших деревнях мужики об-

ходили запрет: жена вступала в колхоз, а муж оставался единоличником, при этом он сохранял свою лошадь. Долго так, конечно, продолжаться не могло. Власть внимательно следила за чистотой партийной линии в деревне. Вскоре крестьяне стали брать для производства домашних хозяйственных работ своих же лошадей, но переданных добровольно – принудительно в колхоз. При этом конь не давался ему бесплатно, необходимо было уплачивать в бухгалтерию колхоза определенную сумму. И даже в этом случае не было гарантии, что председатель колхоза разрешит его взять. Приходилось также обращаться к единоличникам и нанимать лошадей у них.

Устав сельхозартели 1935 года гласил: «Из обобщественного рабочего скота правление артели в случае необходимости выделяет несколько лошадей для обслуживания за плату личных нужд членов артели». Для транспортировки дров или поездки в больницу лошадь выдавалась бесплатно.

В те годы колхозы как производственные единицы обязывались поставлять государству по установленным ценам мясо, шерсть, картофель, лен, горох, рожь и еще что угодно. Помимо этого и дополнительно, в той же номенклатуре натуральными и денежными повинностями облагался каждый крестьянский двор. Единоличников облагали по повышенной шкале. Так, в 1936 году единоличное хозяйство обязывалось сдать государству 50 килограмм мяса, в 1937 году уже 60 килограмм. Денежные налоги также были не слабые. В 1936 году данная категория хозяйств облагалась денежным налогом в сумме 226 рублей 47 копеек. Считался этот сельскохозяйственный налог подоходным, так как предполагалось, что крестьянин продавал часть произведенной им продукции на рынке. Сколько фактически продал и на какую сумму, никого не интересовало. Налог по самообложению в 1937 году составлял 317 рублей 05 копеек, или 140 % от налога 1936 года. Вообще-то размер налогов в разных районах Смоленщины дифференцировался. Землю единоличник получал не самую лучшую и практически ежегодно отвод производился на новом месте. Никакого стимула улучшить ее плодородие не было⁹³.

Заготовка сена для скота в личном хозяйстве колхозников начиналась после заготовки кормов для колхозного стада. Если сена для обобщественного скота накашивалось меньше нормы, то личный скот оставался без кормов. Зимой колхозникам в таком случае приходилось воровать колхозный корм. Каковы были последствия в случае разоблачения, мы уже знаем.

До 8 сентября 1937 года с мужика снимали шкуру оптом со всей семьи, невзирая на ее состав. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О льготах престарелым колхозникам и единоличникам» некоторые категории крестьян получали послабление⁹⁴.

Теперь от выполнения натуральных поставок и уплаты денежных сборов освобождались колхозные дворы и единоличные хозяйства нетрудоспособных ввиду преклонного возраста колхозников и единоличников, не имеющих в наличии других трудоспособных членов семьи, занятых в данном хозяйстве. Конечно, это популистская акция. Она затронула сотые доли процента народонаселения деревни. На фоне политических процессов против «вредителей пробравшихся», в том числе и в центральные органы власти, которые, собственно, и установили антинародные поборы, теперь все выглядело как восстановление справедливости. Сталин еще более горячо должен был любим народом. Но если бы люди продолжали исповедоваться как на духу у священников, а тайна исповеди, как и раньше сохранялась, то господь Бог услышал бы много чего интересного в отношении вождей. Да беда в том, что батюшка на деревне теперь сам стал осведоми-

телем и состоял на службе в НКВД. Не по зову сердца, конечно, но для спасения своей жизни и жизней близких. Непокорные священнослужители пополняли в лучшем случае ряды туземцев архипелага ГУЛАГ. Крестьяне в этом вопросе не заблуждались.

О торфопредприятии Гранки-Голынки. Примерно с 1932 года началась промышленная разработка торфяников в Руднянском районе. В 1935–1936 годах создано торфопредприятие «Гранки», которое вскоре реорганизовано в «Гранки–Голынки». Это в семи километрах от деревни Гвоздевицы. Сами торфяники начинались в полукилометре от деревни.

В планах областного руководства добыча торфа являлась приоритетной задачей в вопросе обеспечения региона топливом. На тот момент данный вид энергоресурсов являлся основным в топливном балансе области. Руднянская группа торфяных болот становилась основной топливной базой города Смоленска. В перспективе ставилась задача добывать не менее 400 тысяч тонн торфа в год.

В целях реализации указанной программы на предприятии был установлен двухсменный график работ. При этом в летний сезон первая смена начиналась в три часа утра, вторая заканчивалась с началом ночи.

Вся механизация производства заключалась в подаче торфяной массы из карьера на транспортере (элеваторе), приводимом в движение специальными ремнями локомотива в смесительную камеру, откуда по желобу сырая масса выстилалась по земле узкой лентой с последующей сушкой на открытом воздухе в результате естественных погодных условий. На этом механизированная часть производства заканчивалась. Как погрузка в карьере на транспортерную ленту, так и последующая формовка в брикеты осуществлялась вручную при помощи лопат силами женщин, в основном молодых девушек. Положение, при котором стояние работниц в карьере, заполненном торфяной жижей, и набрасывание этой массы на транспортер, а также ручная вырубка брикетов специальными устройствами, вероятно, не представлялась руководству всех уровней чем-то неестественным. Где еще занимать крестьянских детей? Сами работницы через несколько лет нахождения в болотных карьерах чаще всего получали свой законный ревматизм. Да и труд на колхозных землях также не проливался на них бальзамом⁹⁵.

Работа на торфу велась безобразно. Не соблюдались условия охраны труда, отсутствовала культура труда, что такое дисциплина на производстве, руководство представляло плохо. За указанные нарушения руководители торфопредприятия неоднократно заслушивалось в областных профильных организациях⁹⁶.

Если бы у центральных властей вдруг появилось желание, то можно было бы организовать вслед «шахтинскому» делу в СССР 1928 года свой «торфяной» Смоленский уголовный процесс. Правда, масштаб не тот, да и судить нужно было практически весь руководящий производственный персонал.

В 1938 году в поселках Гранки и Голынки велось строительство жилых домов, общежитий на 120 и 96 мест, столовой на 750 человек, клуба⁹⁷.

Торф необходим был как топливо для Смоленской ТЭЦ, отсюда и решение части социальных вопросов.

В связи с освоением торфяного месторождения создавались рабочие места. Работа на торфоразработках для неквалифицированных рабочих носила сезонный характер. Тем не менее, некоторым из деревенских жителей удавалось там трудоустроиться. Это уже госпредприятие, и здесь работник получал не виртуальные трудодни, а наличные деньги, пусть даже небольшие.

Образование Смоленской области. Воссоздание Касплянского района. Постановлением ЦИК СССР 27 сентября 1937 года Западная область упразднена. Из состава Западной и Курской областей образованы **Смоленская**, Орловская и Курская области. Смоленская область с центром в городе Смоленске вновь стала самостоятельной территориально-административной единицей в составе РСФСР. Первоначально область имела 49 районов, затем до войны добавилось еще 5 районов. В 1944 году из Смоленской области переданы 13 районов во вновь образованную Калужскую область и 3 района – в Великолукскую область. В таком виде Смоленщина приобрела современные границы.

С 1 сентября 1938 года в составе Смоленской области образован Касплянский район. Образование новой административно-территориальной единицы произошло за счет разукрупнения Смоленского, Руднянского, Демидовского и Духовщинского районов. Во вновь образованный район вошла территория, охватываемая 21 сельсоветом. Сельские Советы составили 3 куста; 1-й куст – Касплянский, Толкуновский, Волоковской, Замошанский, Бороденковский, М. Дубровский и Верховский; 2-й куст – Лоинский, Чернянский, Иньковский, **Зарубинский**, Мамошкинский, Воробьевский, Горельшевский; 3-й куст – Кадищевский, Язвищенский, Грядянский, Бабневский, Сыр-Липецкий, Переэдовский, Дубровский⁹⁸.

21 октября 1938 года состоялось организационное собрание Касплянского РК ВКП(б), РИК, НКВД – милиции, суда и прокуратуры. Секретарем Касплянского райкома партии избран Георгий Петрович Волков⁹⁹.

До конца 1938 года пока происходила реорганизация, Зарубинский сельский совет входил в состав Руднянского района. Полный переход в Касплянский район произошел с нового хозяйственного 1939 года.

В 1939 году вновь созданный район включал в себя 374 населенных пункта, где проживало 43 869 жителей. В самом районном центре жило 1393 человека. Территория составляла 1,180 кв. км, посевные площади 29,4 тыс. га. Колхозы 14 сельских советов обслуживались двумя МТС: Касплянской и Сыр-Липецкой. В селе Каспля имелась средняя школа, больница на 42 койки, аптека, телефонная станция, сельмаг, хлебопекарня и т.д.¹⁰⁰.

К 1943 году, моменту освобождения от оккупации, в Касплянском районе останется около 24 000 жителей.

По сути дела район не создавался вновь. Он восстанавливался. Упразднение его в 1932 году объяснялось происками врагов народа, то есть команды первого секретаря обкома Румянцева, к настоящему времени уже разоблаченного и понесшего заслуженное наказание. «Но враги народа просчитались. Крепнут колхозы, растет зажиточность колхозников...»

Читатель будет смеяться, но с хуторами в Руднянском районе, да и в области в целом до 1939 года еще так и не покончили. Центральный Комитет ВКП(б) обязал руководство Смоленской области при обязательной ежемесячной отчетности в 1939 году сселить в деревни хозяйства 80 тысяч хуторов, на 1940 год устанавливалось задание по сселению в деревни 33 тысяч хозяйств¹⁰¹.

При этом исполнительным органам власти разрешалось выносить обязательные к исполнению решения по переселениям. Как видим, власть пошла на штурм после репрессий 1937 года, где руководству региона ставили в вину, в том числе, чрезмерную хуторизацию, но атака мужиком была отбита и в этот раз. Не помогли набегии боеви-

ков-комсомольцев, не помогала разъяснительная работа и особенно экономическое давление. Одна из форм экономического давления заключалась в том, что хуторян облагали заведомо непосильными налогами и повинностями, а убедившись в неспособности рассчитаться с государством, завравшимся в своем вольнолюбии крестьянам, предлагали списать недоимки взамен вступления их в колхоз.

Деревня Гвоздевицы дрогнула раньше других, и хуторов здесь уже не осталось. Правда, два хутора вблизи деревни были. Находились они на болотистой местности, там, где начинались торфоразработки. И главное – располагались на границе Каспьянского и Руднянского районов. Руководство обоих административно-территориальных образований сделало вид, что хутора к ним отношения не имеют. Пусть, дескать, соседний район и разбирается с отшельниками. В некоторых местах нашего района крестьяне коллективизировались, продолжая проживать на хуторах. Власть подобный компромисс со стороны колхозников, конечно, не устраивал.

К указанному времени получили распространение такие формы общественно-политического движения, как социалистические соревнования. Организовывались соревнования как к месту, так и не к месту. Например, в середине 1939 года Каспьянский район вызвал на «социалистическое соревнование имени третьей сталинской пятилетки» Демидовский район, имея предметом соревнования к 25 июля 1939 года сселить в деревни не сдавшихся до сего времени хуторян, сидевших на своих местах, как последние защитники Брестской крепости¹⁰².

Думаю, районные власти забили-таки последний гвоздь в крышку гроба ставших уже бельмом на глазу так ненавистных им хуторов к указанному сроку. Больше о единоличных хозяйствах ни в каких документах Каспьянского района не упоминается. Однако в целом по области борьба с непокорными продолжалась вплоть до начала Великой Отечественной войны.

В том же 1939 году ближе к осени в районе набрали группу колхозников, изъявивших желание переселиться в Омскую область, где земли плодородны и дают обильные урожаи. Это действительно так. Земляки, по всей видимости, не ошиблись, уехав туда. Переселенцы старшего поколения, конечно, тосковали по родным местам, но молодежь адаптировалась, должно быть, быстро. Согласно данным райкомзема, местные колхозники, проживавшие на территориях тех сельсоветов, куда направлялись переселенцы, получали за трудодень по семь килограммов зерна и плюс денежные выплаты. В здешних колхозах хозяйства сами оставались должны государству. Омская область все-таки хлебопроизводящая территория. Всего переехало 125 семей. Сведениями о количестве переселившихся с территории Зарубинского сельсовета автор не располагает¹⁰³.

К лету 1939 года в Смоленской области мощность тракторного парка 67 машинно-тракторных станций составляла 58 тыс. лошадиных сил. Однако эти успехи механизации сельского хозяйства не могли возместить потерю 367 тыс. живых лошадиных сил, понесенную смоленским селом в результате насильственной коллективизации¹⁰⁴.

Война с Финляндией 1939–1940 годов. Со второй половины 30-х годов в деревнях начали циркулировать слухи о грядущей войне с Германией. Пресса публиковала материал милитаристской направленности. Кинопередвижки в деревнях показывали фильмы военной тематики. Из репродукторов люди слышали военно-патриотические песни. Страну охватывал военный психоз. Крестьяне наших деревень принялись запасать соль, муку, спички, керосин. В середине 1938 года пошла молва, что война уже началась. Это

произошло после того, как объявили очередную мобилизацию в Красную Армию. В сообщениях, датированных августом и октябрем 1938 года, полномочным представителем НКВД по Смоленской области народному комиссару Н.И. Ежову сообщалось, будто провокационные слухи находят свое отражение в письмах крестьян своим детям, призванным на службу. Утверждениям властей, что их опасения не обоснованы, люди не верили потому, что власть всегда их обманывала. В ширящихся слухах утверждалось о начавшейся реквизиции домашнего скота у крестьян и связанной с этим вероятностью голода, о направлении колхозных лошадей на фронт. Распространители слухов доказывали неизбежное поражение СССР в войне. Посыпались угрозы расправы обиженных в отношении представителей советской власти. Данные угрозы потом осуществляются, когда более миллиона советских граждан перейдут на сторону противника и будут с оружием в руках воевать против своих соотечественников.

Слухи о начале войны подтвердились. Однако это еще не была война с Германией. Летом 1938 года на озере Хасан между СССР и Японией произошел вооруженный конфликт. С весны до осени 1939 года происходили столкновения на реке Халхин-Гол.

В ноябре 1939 года войска Советского Союза вторглись в Финляндию. Иосиф Сталин на совещании начальствующего состава 17.04.1940 так обосновал свои претензии к стране Суоми:

«Правильно ли поступили Правительство и Партия, что объявили войну Финляндии? Этот вопрос специально касается Красной Армии. Нельзя ли было обойтись без войны? Мне кажется, что нельзя было. Невозможно было обойтись без войны. Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества. Не только потому, что Ленинград представляет процентов 30-35 оборонной промышленности нашей страны и, стало быть, от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны, но и потому, что Ленинград есть вторая столица нашей страны»¹⁰⁵.

(Граница соседнего государства проходила всего в 32 километрах от Ленинграда. Прим. авт.).

1 декабря 1939 года газета «Правда» опубликовала сообщение, в котором говорилось, что в Финляндии образовано так называемое «Народное правительство», которое возглавил Отто Куусинен. Фактически правительство сформировано на нашей территории. СССР марионеточное правительство официально признал, и уже 2 декабря с ним был заключен договор о взаимопомощи и дружбе.

Началась плохо понимаемая народом война с финнами, стоившая СССР большой крови. К весне война закончилась, границу отодвинули. В прессе о военных действиях писалось глухо. Клеймились позором белофинны. Публиковались списки награжденных красноармейцев, но что велась полномасштабная война, народ так и не узнал. Нашей деревне финская кампания стоила жизни одного селянина. Мобилизованный в 1939 году 26-летний крестьянин Рогулев Пётр Иванович 2 января 1940 года погиб в карельских лесах и болотах.

17 сентября 1939 года советские войска вторглись в Польшу. В результате боевых действий Советский Союз присоединил к своим территориям Западную Украину и Западную Белоруссию, оторгнутые у РСФСР в 1920–1921 годах.

Циркулировавшие слухи о войне подстегнули покупательскую активность населения. Как всегда бывает в подобных случаях, возник товарный голод. Особенно остро чув-

стновался дефицит хлеба, которого и так не хватало. В спецсообщении НКВД за 1939 год доводилось до сведения центра информация о нехватке хлеба в Касплянском районе. В донесении отмечалось, что местные власти вынуждены использовать муку неприкосновенных фондов.

Источники, использованные в работе

1. Материалы Смоленского областного государственного архива.
2. Материалы Центра документации новейшей истории Смоленской области.
3. Трагедия Советской деревни. Под редакцией В. Данилова. Тома 4, 5.
4. Советская деревня глазами ВЧК, ОГПУ, НКВД. Сборник документов. Том 3.
5. Материалы Смоленского партийного архива. Микрокопии.
6. Материалы газеты «Руднянский колхозник» за 1933–1937 годы.
7. Материалы Касплянской районной газеты «Вперед к социализму» за 1938 год.
8. Материалы газеты «Ленинский путь» за 1938–1939 годы.
9. Шейла Фицпатрик. Сталинские крестьяне. Пер. с английского – М.: РОССПЭН. – 2001.
10. Merle Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts 1958. Library of Congress Catalog Number 58-10407. Printed in the USA.
11. Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.) / Евгений Карелин. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 422 с.: ил. (История сталинизма).
12. Евгений Кодин. Репрессированная российская провинция. Смоленщина 1917–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2011. (История сталинизма).

Примечания

1. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 64–69. Заверенная копия. Исторический архив. 1994. № 4. С. 147–152.
2. Совершенно секретно. Оперативно-информационная сводка Отдела уголовного розыска Западной Области за январь месяц 1930 года. Направлена Председателю облисполкома, Секретарю обкома ВКП(б), начальникам Оршанского, Витебского, Тверского, Калужского окррозрысков, ст. Смоленск и всем начальникам окррозрысков Западной области. Входящий в приемной Румянцева № 503 от 6.03.1930. Машинописная копия. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.
3. Информационная сводка №3/15 о выдающихся преступлениях, совершенных на территории Западной области РСФСР за март 1930 года. Копия документа выполнена машинописным способом. Отпечато 17 экземпляров под грифом «Совершенно секретно». Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.
4. Отпечатано на пишущей машинке. «Сов. секретно. В информ. отдел ОГПУ г. Москва. Ежедневная сводка № 34 от 28 февраля 1930 года «О политнастроении деревни Западной области в связи с коллективизацией». Отдельно от руки: Из сводки ГПУ №30824/5 от 28/2, вх. 484. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.
5. Там же.
6. Машинописная копия. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.
7. Отчетная сводка Руднянского райкома ВКП(б) за март 1930 года о выполнении постановления бюро Западного обкома ВКП(б) «О ликвидации кулачества как класса в районах сплошной

коллективизации», принятого 2 февраля 1930 года. Копия документа выполнена на листе машинописным способом. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

8. Постановление бюро Западного обкома ВКП(б) «О ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации», принятое 2 февраля, и протокол тройки при Западном обкоме ВКП(б) по ликвидации кулачества от 10 февраля 1930 г. Евгений Кодин. Репрессированная российская провинция. Смоленщина 1917–1953 гг. С. 61.. – М.: РОССПЭН, 2011 (История сталинизма); Постановление бюро Западного обкома ВКП(б) от 10 марта 1931 г. «О выселении кулачества из пределов области» и циркуляр полномочного представительства ОГПУ Западной области от 12 марта 1931 г. № 87/СОУ Там же. С. 66.

9. Интернет-издание «Советский сайт». Краснов П. «Построить Невозможное».

10. Опул.: 1926. Источннк: «СУРСФСР», 1926, № 80, ст. 600, Консультант-Плюс.

11. Источннк: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 40. Л. 6–17. Заверенная копия. Опубликовано: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы Том 2. ноябрь 1929–декабрь 1930. – М., 2000. – С. 300.

12. Информационная сводка (копия документа) Западного областного суда от 17 марта 1930 года, исх. № 68/с за подписью ВРИД председателя областного суда тов. Касткина, направленная в Народный комиссариат юстиции РСФСР. Гриф «Секретно». Документ выполнен на 8 машинописных листах. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

13. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) СПЕЦ-СПРАВКА СПО ОГПУ об отрицательных явлениях в колхозном строительстве, по данным на 26 июля 1932 г. 29 июля 1932 г. № 60686 Совершенно секретно. Ф. 2. Оп. 10. Д. 513. Л. 425–430. Заверенная копия.

14. Там же.

15. Там же.

16. Касплянская районная газета «Вперед к социализму» от 15 мая 1931 года.

17. Советская юстиция. 1930. № 22–23. С. 36. // Циркуляр прокурора Республики Н.В. Крыленко краевым, областным и окружным прокурорам «Об осуществлении надзора за правильным применением обложения сельхозналогом в индивидуальном порядке». 30 июля 1930 г.

18. Пояснительная записка Председателя СНК и СТО СССР А.И. Рыкова к директиве об изъятии колоколов и их использовании в городах союзных республик. 23 октября 1930 г. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 4. Д. 352. Л. 16–17.

19. Протокол № 40 заседания Президиума Западного исполнительного комитета от 5 декабря 1930 года. Постановление № 2583. Отпечатано типографским способом на 4 листах. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

20. «Циркуляр ЦИК Союза СССР по вопросу о порядке привлечения хозяйств служителей культуры к обязательной поставке мяса, молочных продуктов, картофеля и других продуктов». Выписка из протокола № 109 заседания от 20 марта 1934 года. Дело № 637/1. Гриф «Не подлежит оглашению». Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/. Документ выполнен типографским способом.

21. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления Л. Виола; [пер. с англ. А.В. Бардина]. –М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. – 367 с.: табл. (История сталинизма). С. 53. Источннк: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 119. Л. 14.

22. Бухарин Н.И. Путь к социализму. Избранные произведения (из стенограмм VIII съезда ВЛКСМ). – М., 1990. – С. 295.

23. Газета «Руднянский колхозник» за 16 сентября 1933 года.

24. Информация Смоленского губкома ВЛКСМ о работе групп «легкой кавалерии». 1929 год. ГАНИСО. Ф. р-140. Оп. 81. Д. 8, 42. Л. 45–50, 55, 56. Подлинник.

25. Сталин И.В. Против опошления лозунга самокритики. М.: Госполитиздат, 1952. 16 с.

26. «Легкая кавалерия» комсомола на рубеже 1920-х – 1930-х годов. Автор: Слезин Анатолий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор Тамбовского государственного технического университета. Напечатана статья в «Вопросы истории». 12 выпуск. 2017 год.

27. Протокол (копия) совещания Руднянского партийного актива от 8.11.1933 по вопросу быта партактива. Присутствовало 50 человек. Составлен на 3 машинописных листах. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

28. Там же.

29. Газета «Рабочий Путь» от 11. 08. 1926.

30. См. Пленум ЦК КПСС 19–23 ноября 1962, стенограф, отчет, Москва, 1963, с. 369 (Выступление С.П. Павлова).

31. Отчет Руднянской районной контрольной комиссии в Смоленскую областную контрольную комиссию по результатам проверки состояния материального и бытового положения партактива Руднянской парторганизации от 12.11.1933. Письмо за подписью Зам. секретаря райкома ВКП(б) Юревича и председателя районной контрольной комиссии Нагаля. Отпечатано типографским способом на 2 листах. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

32. Там же.

33. Письмо под грифом «Секретно» за подписью секретаря Западного обкома ВКП(б) И. Румянцева и председателя областной контрольной комиссии адресованное всем райкомам и горкомам ВКП(б) Западной области от 07.10.1931 за № 1/1056. Отпечатано типографским способом на 4 листах. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

34. Там же.

35. Постановление бюро Западного обкома ВКП(б) от 20 сентября 1934 года о централизованном обеспечении областного партийного актива. Документ размножен типографским способом. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

36. Чистка партии.

37. Из докладной записки секретариата председателя ЦИК СССР и ВЦИК М.И. Калинину о разрушении хозяйственных построек и жилых домов, конфискованных у крестьян. 17 апреля 1933 г. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы Том 3. Конец 1930–1933. – М.: РОССПЭН 2000. С. 740–743. Архив: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1388. Л. 2–4. Подлинник.

38. Озаглавлено: «Информация для сведения. Политотдела Руднянской МТС по выдвижению на руководящую работу колхозниц». Вероятно, направлено в Западный обком партии. Нет исходящих реквизитов. Отпечатано на двух листах. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

39. Из приказа ОГПУ № 0017 об организации политотделов МТС, совхозов и учреждении в них должностей начальников политотделов по работе ОГПУ. 25 января 1933 г. Трагедия советской

деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 3. Конец 1930–1933. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 678–679; Архив: ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1-т. Д. 56. Л. 3–3 об. Типографский экземпляр.

40. График проведения весенних полевых работ в 1933 году на территории Западной области, доведенный до комитета ВКП(б) Руднянского района. Документ на листе, размноженном машинописным способом, имеет плохо различимые исходные реквизиты. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

41. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности. Источник публикации: «СЗ СССР», 1932, № 62, ст. 360, «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», № 218, 08.08.1932.

42. Сводки №№ 3,5. Секретно. «О работе органов РК милиции УНКВД СССР по содействию уборочной кампании /по данным 37 районов» Вх. Обкома ВКП(б) от 20.09.34. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

43. Отпечатанное типографским способом «Закрытое письмо всем РК ВКП(б) и ВЛКСМ, всем партийным и комсомольским организациям, всем политотделам МТС и совхозов Западной области». Не указаны дата, а также другие необходимые исходящие реквизиты. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

44. Оперразведсводка по бандитизму отдела уголовного розыска УРКМ Западной области за октябрь 1934 года за подписью начальника управления РК милиции УНКВД СССР по Западной области Севергина. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

45. Постановление Руднянского райисполкома от 24 ноября 1933 года «О недопущении ошпаривания и опаливания свиней». Газета «Руднянский колхозник» за 25 ноября 1933 года.

46. Письмо-разъяснение Западного обкома ВКП(б), направленное в апреле 1933 года Руднянскому райкому партии. Копия документа выполнена на пишущей машинке с разбитым плохо различимым шрифтом. Исходящие реквизиты не читаются. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

47. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 3. Конец 1930–1933. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 746–750.

48. Директива-инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения» 8 мая 1933 г. Секретно. Не для печати. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 981. Л. 229–238. Подлинник. Машинописный текст с правкой И.В.Сталина.

49. Книга памяти Смоленской обл. /Интернет сайт/.

50. Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. С. 178–179.

51. Газета «Руднянский колхозник».

52. А. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ». – Эксмо, 2021. Часть 1. Глава 2. С. 44.

53. Газета «Руднянский колхозник» за 24 января 1935 года.

54. Сводка Руднянского райкома ВКП(б) за декабрь 1934 года «О темпах коллективизации в Руднянском районе». Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

55. Выписка из протокола №109 заседания бюро Запобкома ВКП(б) от 25 сентября 1935 года. О стягивании хуторов. Б-109/сс от 26.09.35. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

56. Газета «Руднянский колхозник» от 23 марта 1935 года.

57. Там же номер за 16 апреля 1935 года.

58. Там же номер за 28 июля 1935 года.

59. Исходящий Б-104/сс 4.07.35. Выписка из протокола № 104 заседания Бюро Запобкома ВКП(б) от 02.07.1935. «О сроках сева озимых». Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

60. Исходящий Б-114/сс 31.10.1935г. Выписка из протокола №114 заседания Запобкома ВКП(б) от 10.1935. «Об урожайности зерновых культур в 1935 году». Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

61. Заметка в газете «Руднянский колхозник» от 4 ноября 1936 года.

62. Заметка в газете «Руднянский колхозник» от 3 октября 1935 года.

63. Выписка из Постановления Прокуратуры СССР от 03.12.1933. Отпечатана в типографии издательства «Крестьянская Газета». Москва. Уполном. Главлита СССР. от 10.03.1935. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

64. В соответствии с постановлением СНК СССР от 29 июня 1934 года Руднянский райисполком официально уведомил граждан района об обязательной регистрации эфирных приемников. Газета «Руднянский колхозник» от 1 июля 1934 года.

65. Обязательное постановление № 19 Президиума Западного областного исполнительного комитета за подписью заместителя председателя Западного Облисполкома «О введении всеобщего обязательного начального обучения» вступающего в силу с 1 сентября 1930 года. Дело № 105. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

66. Газета «Рабочий Путь» от 04.10.1940.

67. «О приусадебных участках рабочих и служащих, сельских учителей, агрономов и других не членов колхозов, проживающих в сельской местности». Постановление Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) за подписью Секретаря Центрального Комитета ВКП(б) И. Сталина и Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР В. Молотова, Москва, Кремль. 28 июля 1939 года. СПИР СССР. 1939 г. № 47, ст. 362. (1)

68. Сообщение ответственного секретаря Руднянского волкома Гровича уполномоченному ОГПУ по Смоленскому уезду об антисоветских высказываниях прозвучавших на заседании Руднянского комсомода 2 октября 1927 года. Письмо под грифом «Совершенно секретно» выполнено на пишущей машинке. Дата его написания не указана. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

69. Газета «Руднянский колхозник» за 5 октября 1936 года.

70. ГАНИСО. Ф. р-5. Оп.2. Д. 1583. Л. 159–162. Подлинник.

71. Постановление СНК СССР от 4 июля 1934 г. «Об улучшении работы мельниц сельскохозяйственного мукомолья и борьбе с тайным помолом». Текст Постановления в доступных источниках обнаружить не удалось. По этому поводу высказано мнение, что документ имел гриф «Секретно». Ввиду фактической публичности, отсутствие его в печати вызывает недоумение.

72. Циркуляр Прокуратуры РСФСР «Об ответственности лиц, виновных в производстве тайного помола» 11 июля 1934 г. № 101 СНК СССР своим постановлением от 4 июля 1934 г. «Об улучшении работы мельниц сельскохозяйственного мукомолья и борьбе с тайным помолом» в пункте 5 обязал районные органы прокуратуры и суды привлекать к строжайшей ответственности лиц, виновных в производстве тайного помола. Прокуратура СССР предлагает при привлечении к ответственности виновных в тайном помоле зерна руководствоваться постановлением президиума Верховсуда РСФСР от 13 апреля 1934 г. а) За открытие частных мельниц с нарушением установленных правил и производство на них тайного помола зерна привлекать виновных к ответственности,

как за хищение зерна и содействие саботажу хлебопоставок по статье 58-7 УК (постановление ВЦИК от 10 марта 1933 г. – СУ № 51. Ст. 222). б) Виновных в производстве тайного помола зерна хотя бы ручным способом, но в виде промысла и в целях наживы, привлекать к ответственности по статье 107 УК 65. в) Использование ручных приборов для помола зерна трудящимися, единоличниками и колхозниками для своего личного потребления не должно преследоваться в уголовном порядке. Борьба с этими явлениями должна вестись путем разъяснительной работы и улучшения работы сети мельниц. Прокурор РСФСР Антонов-Овсеенко. Советская юстиция. 1934. № 20. С. 24.

73. Циркуляр 65/1 Прокуратуры СССР о надзоре за делами в связи с тайным помолом зерна от 20 августа 1937 года за подписью Прокурора СССР А. Вышинского. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 5. 1937–1939. – М.: РОССПЭН, 2004. С. 296–297. Источник. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 14. Д. 91. Л. 248. Заверенная копия.

74. Решение бюро Смоленского обкома ВКП(б) от 9.10.1937. Протокол № 28, п. 11. «О распределении урожая в колхозах». Письмо имеет гриф «Секретно». Подписано И.О. Секретаря Смоленского обкома Коротченкова. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

75. Сведения о выполнении планов по поставкам сельскохозяйственной продукции районами области, выполненные в виде сводных таблиц по округам и районам Западной области. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

76. ГАСО. Ф. 2360. Оп. 30. Д. 32. Л. 288.

77. Там же. Д. 30. Л. 8.

78. А.И. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ», часть 3, глава 10.

79. Статистические данные Смоленского обкома ВКП(б) за январь 1938 г., публикуемые в ежемесячных сводках. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

80. Пленум ЦК ВКП (б). Одобрил проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 года «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. 1938–1945 гг. – М., 1985. С. 109–114. (1)

81. Там же. С. 109–114.

82. Выписка из протокола № 114 заседания бюро Запобкома ВКП(б) от 21.11.1935. «О мероприятиях по сохранности зерна». Строго секретно. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

83. Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. / Е.В. Кодин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2011. – 270 с. (История сталинизма). С. 160–175.

84. Там же.

85. Там же.

86. Протокол № 13 общего собрания первичной парторганизации С-Ивановского с/с от 27 августа 1936 года за подписью председателя собрания Бойцова, секретаря Молодова, парторга К. Фоменкова. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

87. Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.) / Евгений Карелин. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 422 с.: ил. (История сталинизма).

Мерл Фэйнсод. Смоленск под властью советов. Перевод с английского Л.А. Кузьмина. ТРАСТ – ИМАКОМ. – Смоленск, 1995.

Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 15–30.

88. Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 114.

89. Н. Пикалова, зав. отделом использования и информатизации Государственного архива новейшей истории Смоленской области. «Иван Петрович Румянцев». Журнал «Смоленск» № 9 (89).

90. Копия протокола собрания актива одного из районов Смоленской области. Из всех реквизитов имеются лишь подписи без указания фамилий. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

90. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 5. 1937–1939. Книга 1. 1937. – М.: РОССПЭН, 2004. С. 385; Архив: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 65. Л. 97. Шифровка. Подлинник. На шифровке надпись рукою И.В. Сталина: «За. И. Ст».

Дополнительный лимит – 1 тыс. чел. по первой категории был выделен Смоленску немедленно, о чем сообщалось в телеграммах Ежова от 22 ноября и Фриновского от 25 ноября (ЦА ФСБ РФ Ф. 3. Оп. 4. Д. 151. Л. 77, 115).

91. Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». 2011.

92. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 5. 1937–1939. Книга 2. 1938–1939. – М.: РОССПЭН, 2006. С. 102–105; Архив: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1191. Л. 10–17. Подлинник. Машинописный текст с правкой И.В. Сталина. СЗ СССР. 1938. № 18. Ст. 116.

93. Копия письма в райкомы партии Смоленской области о налоговой политике на 1937–1938 годы. Без исходящих реквизитов и без подписи. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

94. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 5. 1937–1939. Книга 1. 1937. – М.: РОССПЭН, 2004. С. 303–304; Архив: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2104. Л. 178–179. Подлинник. Подписной экз.

95. Выписка из протокола №88 заседания бюро Запобкома ВКП(б) от 16.05.1935. Исх. Б-88/сс от 17.05.1935. «О торфодобыче». Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

96. Там же.

97. Из переписки между торфопредприятием «Гранки–Голынки» о социально-культурном строительстве в поселке Гранки. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

98. Газета «Рабочий Путь» от 22.10.1938.

99. Копия информационного письма Касплянского райкома ВКП(б) в Смоленский обком партии о состоявшемся 21 октября 1938 года пленуме Касплянского РК ВКП(б), РИК, НКВД – милиции, суда и прокуратуры. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

100. Копия информационного письма Касплянского райкома ВКП(б) в Смоленский обком партии о социально-экономических показателях за 1939 год. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

101. Газета «Рабочий Путь» от 14.02.1941.

102. Газета «Рабочий Путь» от 18.07.1939.

103. Газета «Рабочий Путь» от 14.09.1939.

104. Из сводок за 1938 год Смоленского обкома ВКП(б) о технической вооруженности области сельскохозяйственными машинами. Смоленский партийный архив. Микроформы на пленочном носителе. Ohio State University library/ USA/.

105. Выступление И.В. Сталина на совещании начальствующего состава по обобщению опыта боевых действий против Финляндии 17 апреля 1940 года. Источник: Василий Сойма. Запрещенный Сталин. Глава 13. – М.: Олма-Пресс, 2005.